

Арктика в фокусе

В научном мире до сих пор нет единства по вопросу, что же нашей планете грозит в ближайшей перспективе: глобальное потепление или новый ледниковый период. По идее, надо быть готовыми сразу к двум вариантам. Но как всё просчитать, если в лихие 90-е годы прошлого века мы всю гидрометеосистему поставили на грань краха? Особенно тяжело пострадала эта система в северных широтах. А ведь погода во многом делается именно в Арктике.

Реальные подвижки к лучшему в области изучения Севера начались лишь два-три года назад. Побудила нас к этому резко обострившаяся в мире борьба за природные ресурсы, и прежде всего за нефть и газ в арктическом шельфе. Америка, Канада, Норвегия и даже Дания, контролирующая Гренландию, предприняли ряд серьёзных шагов по расширению своего присутствия в Арктике. А мы очень долго ограничивались лишь пиар-акциями бывшего полярника Артура Чилингарова, размахивавшего на весь мир игрушечным ведёрком с водой, набранной в районе Северного полюса на деньги иностранных благотворителей.

Наконец, политическое руководство страны дало ход многофункциональной космической системе «Арктика», которая была разработана Роскосмосом ещё в начале 2008 года.

Эта система предполагает запуск пяти принципиально новых космических аппаратов: двух метеорологических оптических спутников, радиолокационного спутника для проводки судов по трассе Севморпути (и способного также осуществлять помощь в разведке полезных ископаемых) и двух спутников связи.

Стоимость проекта – 30 миллиардов рублей.

Воплощать новую систему будет, видимо, научно-производственное объединение имени Лавочкина.

Вячеслав КАЛЫКОВ

МИР СЕВЕРА

№ 2-3 (71), 2010

Этнополитический и литературно-художественный журнал

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Виктор КАШЛЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Александр ВАЩЕНКО (Москва),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА

Вёрстка
Алексей СЕМУШИН

Корректор
Дарья МЕЛЬНИК

На 2-й обложке репродукции картин
художника Владимира ДОНЧЕНКО

Подписано в печать 17 июня 2010 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 694-23-24, 694-03-65,
Факс: 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ОАО «Щербинская типография»
117623, Москва, ул. Типографская, д. 10.

Тел.: 659-23-27
Заказ

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Открывая номер</u>	
1	Вячеслав КАЛМЫКОВ
Кухня погоды вершится в Арктике	
	<u>Культ личности</u>	
4	Анастасия ЛАПСУЙ – женщина мира
и тундры.
Беседу вёл Анатолий ОМЕЛЬЧУК	
	<u>Борьба с коррупцией</u>	
9	Николай БОГДАНОВ
Кто защитит саамов?	
	<u>В небе Арктики</u>	
11	Геннадий СОКОЛОВ
Дрейфующий аэродром	
	<u>Малая родина</u>	
13	Вадим ДЕМЕНТЬЕВ
Вологда разгульная	
	<u>У нас была великая литература</u>	
17	Вячеслав ОГРЫЗКО
Судьба магаданского выпускника:
Василий АКСЁНОВ	
	<u>Герои Отечества</u>	
24	Николай ЮРЛОВ
Белая одиссея русского колумба	
	<u>Вечные ценности</u>	
27	Юлия НАКОВА
С чего начинается родина	

Сплетни о современниках

31

Слава ГОЗИАС
Одиноче я кукушки

Земной поклон

40

Сергей СМИРНОВ
Дом Фёдора Абрамова

Драма

42

Владимир ХРИСТОФОРОВ
Анатомия колымской каторги

Встречь солнцу

48

Яков СОЛОДКИН
Загадки сибирского взятия

Живая этнография

51

Алла ФРОЛОВА
Кушать подано

Иди и смотри

59

Эдгар БАРТЕНЕВ
Без рефлексии

Заполярные этюды

61

Валерий КРАВЕЦ
Таймыр — моя вторая родина

В.И. Суриков. Взятие снежного городка в Сибири

В Париже её признали лучшей женщиной-кинорежиссёром. На дворе стоял год 2000-й, так сразу и признали лучшей Миллениума.

Она – для старых друзей – остаётся просто Тасей.

Ямал второй половины XX века, пожалуй, запомнил её как «Инзеледу».

– Инзеледа! Инзеледа!

Это позывные радио Салехарда на ненецком языке. Она произнесла их первой, её голос долго звучал в салехардском радиоэфире: инзеледа, инзеледа... Это значит – на Ямале всё спокойно. Мы живём, пасём оленей, ловим рыбу, ставим капканы на песца, открываем

Уренгой и Ямбург, прокладываем газопроводы до Помар и Ужгорода, бурым новые скважины, строим новые города – Надым, Муравленко, Новый Уренгой.

А потом в ямальскую тундру приехал бородатый, но горячий финский парень – документальный кинорежиссёр Маркку Лехмускаллио, сосватал всеобщую невесту Ямала Тасю и увёз к себе в Хельсинки.

Через несколько лет, сменив круг своей творческой деятельности, она получила признание в Париже. Просто Тася и лучшая женщина – кинорежиссёр Миллениума. Надо полагать, начавшегося Третьего христианского тысячелетия.

АНАСТАСИЯ ЛАПСУЙ – ЖЕНЩИНА МИРА И ТУНДРЫ

Анатолий Омельчук: Анастасия Тимофеевна, ты женщина мира или женщина тундры?

Анастасия Лапсуй: Я? Та и другая.

Омельчук: В Ныдинской тундре осталась твоя важенка?

Лапсуй: У меня уже нет оленей.

Омельчук: В Европе сурово? Суровее, чем на Ямале?

Лапсуй: На Ямале меня любят, а в Европе ценят и уважают. Но всё-таки в Европе нет такой горячей любви.

Омельчук: Не доросла Европа до правильной любви...

Лапсуй: Куда ей.

Омельчук: А когда сама почувствовала, что в Европе уже своя?

Лапсуй: Нигде кроме Ямала не могу сказать, что я – своя. Да, я европейский кинорежиссёр. Меня любят во Франции. Много показывают меня в Германии. В Северной Америке уже появился свой зритель. Но только Салехард меня любит, в Салехарде я своя.

Омельчук: Как в Финляндии относятся к советским? Ты же советская?

Лапсуй: Я? В доску. В доску советская. Я говорю: только благодаря Владимиру Ильичу Ленину я оказалась в Финляндии, Финляндия приняла прекрасный бесплатный дар из Советского Союза, меня, кланяйтесь Ленину.

Омельчук: Финляндия – это ж бывшая Российская Империя?

Лапсуй: У них и памятники русским царям стоят до сих пор. А дедушка Ленин первым признал независимую Финляндию.

Омельчук: Ты в принципе пределов Российской Империи не покидала?

Лапсуй: Нет. Это Империя свои пределы предала. Я не говорю по-фински. Я говорю: я россиянка, родилась в Советском Союзе, будьте любезны говорить со мной на моём родном языке.

Омельчук: Ненецком?

Лапсуй: Русском.

Омельчук: Кстати, как у тебя с жильём в Хельсинки? Удалось заработать на еврохоромы?

Лапсуй: Снимаю квартиру. Знаешь, у меня не две жизни,

Анастасия ЛАПСУЙ

чтоб недвижимость набирать. Жизнь одна. Я люблю жить, я люблю жить сейчас.

Омельчук: Чему посвящён твой новый фильм?

Лапсуй: Новый мой фильм «Пудана» – последняя в роду. Народы мира приходят и уходят, это как прибой. Род приходит, род проходит. У меня есть знакомая, у неё нет ни братьев, ни сестёр, ни бабушек, она одна, последняя. Пудана.

Омельчук: Скорбный фильм?

Лапсуй: Нет, хороший. Я оптимистка. Даже если в моих фильмах человек умирает. «Почему у тебя девочка убежала в просторы тундры? Почему печальный конец?» Я спрашиваю: «Кто сказал, что это печально?» Человек рождается, живёт и умирает. Он

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

снова вернётся, это совсем не печально.

Омельчук: Родился – радость, жизнь – радость, смерть...

Лапсуй: Да, да, радость. Знаешь, мы всегда должны помнить, что она сидит на моём, на твоём плече и в один день прикоснётся и скажет: «Пойдём со мной». Надо идти достойно.

Омельчук: Много фильмов сделала об Ямале? Или не ямальских фильмов у тебя нет?

Лапсуй: Я сделала 15 фильмов, 13 ямальских. За 20 лет, что мы не встречались с тобой, сделала всего 15 фильмов. Конечно, некоторые талантливые делают фильмы сотнями, но я работаю очень медленно. Все свои фильмы люблю.

Омельчук: 15 детей?

Лапсуй: 15 детей. Илку и 15 фильмов. Никогда не сажусь делать что-то не любя, ради денег. Если села, я села ради любви, чтобы родить достойного. Рождается труднее, но рождается... Я сейчас живу последние 11 тысяч лет, с каменного средневековья до сегодняшнего дня. Никогда не думала, что сумею прочитать за два года такое невероятное количество книг. Даже на английском языке. В сегодняшнем моём времени сползают ледники. Я живу среди мамонтов, среди первобытных людей. У меня дома всякие горшочки, которые лепились

вот в ледниковый и постледниковый периоды.

Омельчук: Мамонты – хорошие мужики?

Лапсуй: Замечательные. Они ласковые.

Омельчук: Трудно даётся творческий хлеб в Европе?

Лапсуй: А где он был лёгким-то?

Омельчук: А в юности на Ямале?

Лапсуй: Счастливые творческие молодые годы. Но, паразиты, быстро пролетели. Как миг, одна секунда. Даже 11 тысяч лет – это, знаешь, пылинки.

Омельчук: Творческий бизнес выгоден в европейской стране Финляндии?

Лапсуй: Я не гоняюсь за выгодой. Я совсем другой человек. Как настоящая ненка, я пою о том, что люблю, что хочу оставить в веках.

Омельчук: Твои же фильмы недешёвые – во всех смыслах?

Лапсуй: Дорогие. Много денег. Но, дело в том, хотя денег приходит много, они в мой карман не идут. Всё в работу.

Омельчук: Свистят, как пули у виска?

Лапсуй: Ооооо! Счета летят и летят, пока рассчитаешься – денег нету.

Омельчук: Когда в последний раз была в отцовских местах?

Лапсуй: Я бываю всегда. Я не уезжала. Я дочь этой земли. А земля – вся моя отцовская земля.

Омельчук: Физически когда присутствуешь в родных местах Тимофея Лапсуя?

Лапсуй: Анатолий, тяжело сказать, весь график моей жизни уже расписан.

Омельчук: Чем занимаются твои тундровые родственники?

Лапсуй: Старший брат у меня пенсионер, второй брат пенсионер. Рыбачат, как и папа.

Омельчук: Им, на твой взгляд, живётся лучше, чем при колхозной–совхозной системе, или старость – не радость при любой системе?

Лапсуй: Как смотреть, мы ведь с тобой мир создаём из слов. Всё же зависит от внут-

реннего состояния. Пенсия у обоих есть. Здоровье хорошее. Дождик на них не каплет. Дети здоровые. Что ещё для жизни надо? Может, хочется миллион миллионов, ну нет.

Омельчук: А сама миллион миллионов на что бы потратила?

Лапсуй: Наверное, вырастила 10 достойных кинорежиссёров.

Омельчук: Самый успешный твой фильм?

Лапсуй: Гроздь наград? Наверное, «Семь песен тундры». Гран-При в Париже. Лучший кинорежиссёр Миллениума. Фильм года северных стран. Да где он только ни был и каких только призов не набрал! Он получил две финские высшие кинонаграды. Государственную премию «Суоми» я получила, первая иностранка. Я всегда иностранка. На Берлинском кинофестивале...

Омельчук: Запала Европа на семь песен ямальской тундры?

Лапсуй: Получается, так. Берлинский кинофестиваль отмечал юбилей – 40 лет, за 5 дней всего показали дюжину фильмов...

Омельчук: Один твой?

Лапсуй: Один мой.

Омельчук: Остальные 11?

Лапсуй: Очень много, Америка, со всех континентов, Европа, Азия. Меня поздравляли. Я говорю: «Да не меня нужно, моих ненцев». Впервые в мире среди аборигенных народов мира мы, ненцы, сделали свой фильм.

Омельчук: Великие актёры?

Лапсуй: Да. Чтобы Анастасии Лапсуй собрать таких талантливых актёров – редкая удача. Это же чумработницы, рыбаки, оленеводы.

Омельчук: Впервые в мировой практике? Весь народ – актёр?

Лапсуй: Весь народ. В фильме 70 актёров, а кандидатов набралось три тысячи человек. Все хотели. Не играют, а живут. Кто и перед кинокамерой умеет жить. Лучше ненки никто не будет ненкой.

Омельчук: Анастасия Тимофеевна, позволь творческой

женщине задать такой вопрос: мужчины большую роль в жизни женщины тундры играли?

Лапсуй: Слушай, как без мужчин? Мой папа. Потом директор школы Валентин Иванович Костецкий.

Омельчук: Он тогда в Ныде работал?

Лапсуй: Да. Первый директор педучилища Вениамин Александрович Карц, Николай Матвеевич Михальчук принял меня на работу в окружной радиокомитет. У меня родился сын Илку, потом с молодым Омельчуком под его чутким руководством работала. После Владимир Скрипуляк. Все мужчины. Те, которые любили, те, которые мной помыкали иногда.

Омельчук: Но это же мужская роль – помыкать женщиной?

Лапсуй: Иногда я люблю быть просто женщиной, слабая, маленькая, хрупкая, чтобы чувствовать сильную руку.

Омельчук: За 2 часа чум на холме в долине реки Ньюдомонготоепокояха поставишь?

Лапсуй: Я в этом году поставила даже быстрее. Летом у нас был французский режиссёр, который делает про меня фильм. Он удивлялся, что я могу так быстро ставить чум.

Омельчук: На Салехардском радио в своё время вела программу «Кому передать хорей». Кому, уезжая в Европу, передала свой радиохорей?

Лапсуй: Галине Тохолы. Она достойно управляла радиоупряжкой. Сейчас на заслуженном отдыхе. Хорошие журналисты, молодёжь достойная.

Омельчук: Салехардское радио по-прежнему: «Инзеледа, инзеледа»... Начинает свои позывные Тасиным голосом?

Лапсуй: Они долгое время берегли, чтоб не забылся мой незабываемый голос. В архиве держат...

Омельчук: Хорошее время было на радио в Салехарде?

Лапсуй: Самое счастливое. Это время сделало кинорежиссёра Анастасию Лапсуй.

Кадр из фильма «Семь песен тундры»

Омельчук: Любишь смотреть в огонь?

Лапсуй: Я иногда даже дома в Хельсинки делаю маленький огонь. Конечно, в Финляндии этого нельзя делать. Однажды засвистели пожарные эти штучки...

Омельчук: Все пожарники Гельсингфорса...

Лапсуй: А я думаю, что случилось, что свистят? Просто маленький огонь развела, они зашли и предупредили, что этого в большом доме делать нельзя. Я говорю: «Вы извините, я ненка, иногда хочу вот посмотреть в огонь». Говорят: «Понимаем, понимаем, но нельзя». Они даже не оштрафовали меня. Огонь – собеседник. Хороший. Понимающий. Недавно проходил Всемирный семинар шаманов, один молодой шаман из Бразилии, ему духи сказали: твой шаманский бубен освятит женщина. В общем, я зажгла этот огонь.

Омельчук: Когда и где будет презентация нового фильма?

Лапсуй: На Берлинском кинофестивале. Если раньше мы входили в программу «Новое кино», то в этом году нас взяли в конкурсную программу. Немножечко у меня мандраж, у меня ж там маленькие дети играют. Конечно, это лучшие актёры.

Омельчук: Жюри уже готовит носовые платки?

Лапсуй: Я знаю. Из Финляндии всего один фильм.

Омельчук: В России твои фильмы не прокатывают, с телевидением не сотрудничаешь?

Лапсуй: Россия холодная, снежная страна. Зимняя. Поэтому такое холодное, прохладное отношение ко мне.

Омельчук: Веришь, Анастасия Тимофеевна, что на этой земле каждый народ не проходит бесследно?

Лапсуй: Если смотреть за 11 тысяч лет после последнего ледника – каждый народ оставил свой след. Народы, племена и роды проходили, уходили, исчезали, но все они оставили свой след.

Омельчук: Оглядываясь назад: Анастасия Тимофеевна сделала больше, чем хотела?

Лапсуй: У меня всегда необузданные мечты. Когда-то в Салехарде хотела стать лучшей журналисткой на Ямале, самой первой. Получила самый первый «Серебряный микрофон». Хотела завоевать Тюменскую область. Завоевала. Хотела завоевать Финляндию, получила Государственную премию «Суоми».

Омельчук: У Сталина с Финляндией плохо получилось, у Анастасии Лапсуй...

Лапсуй: Получилось. Знаю. Но у меня ещё лет 40 творческих впереди.

Омельчук: Держись, Европа?

Лапсуй: Мир, держись!

Омельчук: Сама себя когда удивляешь? Самой себе удивляешься?

Лапсуй: Ну, когда совершу глупость, потом удивляюсь, как я могла такое.

Омельчук: А глупости совершаю часто?

Лапсуй: Я же женщина.

Омельчук: Моя обязанность?

Лапсуй: Конечно.

Омельчук: «Семь песен о тундре» создала – не удивилась?

Лапсуй: Так должно было быть. Я удивилась, оказывается, мы, ненцы, можем сделать даже лучше, чем «белые люди». Так на Западе говорят.

Омельчук: Что, разве ненцы – не «белые люди»?

Лапсуй: Ненцы – коренные народы мира.

Омельчук: Смугловатые?

Лапсуй: Смугловатые. Мы доказали.

Омельчук: Держись, викинги?

Лапсуй: Да! Да.

Омельчук: Непредсказуема сама для себя?

Лапсуй: Стараюсь быть чёткой, я советская женщина.

Омельчук: Чёткая в непредсказуемости?

Лапсуй: Я советская женщина, я люблю планировать. Стараюсь планировать, но бываю непредсказуема.

Омельчук: Распланировала себе на 40 лет?

Лапсуй: Восемь пятилеток я прошагаю.

Омельчук: В первой пятилетке какие фильмы собираешься сделать?

Лапсуй: Сейчас я хочу оживить наскальные рисунки: что хотел сказать нам первобытный художник. Хочу растрезвожить наскальные рисунки, чтобы они заговорили с тобой и со мной.

Омельчук: Но это же голый реализм?

Лапсуй: Фантастический реализм, фантастический. Это верование мастера. Его религия. Я иногда хочу нашего Нума спустить на землю, поговорить с ним, чтобы он лучше, чем все президенты, управлял Вселенной.

Омельчук: Здесь нет женской гордыни: нет чтобы голову вознести и поговорить с

верховным Нумом? Обязательно, чтоб сидел и тет-а-тет?

Лапсуй: Мы же говорим, что мы его дети. Значит, он мой папа.

Омельчук: Папа, спустись!

Лапсуй: Папа, поговори со мной.

Омельчук: Что сама своими фильмами хочешь сказать человечеству?

Лапсуй: Мы есть. Мы есть!

Омельчук: Мы, ненецкое человечество?

Лапсуй: Мы, ненецкое человечество. Мы есть. Мы одна из золотых крупниц человечества, мы достойны быть на земле.

Омельчук: Золотых или живых крупниц?

Лапсуй: Живых золотых.

Омельчук: Какое ощущение: удалось до этого плохослышащего человечества докричаться?

Лапсуй: До Европы докричалась, во Франции я – одна из уважаемых кинорежиссёров, ненецкие фильмы смотрибельны во Франции.

Омельчук: Любишь пересматривать свои фильмы? Первый фильм какого года, кстати?

Лапсуй: 1992-го. Я посмотрела его нынешней весной, была ретроспектива во Франции, я увидела наш первый фильм. Он назывался «В образе оленя по небосклону», документальный фильм. Оказывается, совсем неплохой фильм. Через 10 лет посмотрела «Семь песен о тундре». Я действительно удивилась, я – человек с улицы, который вообще ничего не умеет, не имеет представления, как делать настоящее кино, как я могла сделать? А главное – мои актёры. Чумоработницы.

Омельчук: Дорого дался поворот в жизни: покинуть родной Ямал и броситься в омут Европы?

Лапсуй: Тяжело давался. Человек, когда уходит из своей постели, обязательно скидывает мешок пыли исторической. С этим мешком ходит, не может сбросить. Пока не сбросила этот пыльный исто-

рический мешок, я не могла освободиться. В один прекрасный день я говорю: «Ну сколько себя могу терзать?». Кто сказал, что я Анастасия Лапсуй, кто сказал, что я ненка? Как вы докажете? Я совсем сейчас другой человек. Всё, я освободилась от прошлого. И тогда стала жить.

Омельчук: Женщина без прошлого?

Лапсуй: Знаешь, трагедия людей – носиться с этим пыльным мешком, женщине тем более. Хватит быть женщиной.

Омельчук: А был вариант: нет, всё-таки останусь?

Лапсуй: Ой, сколько раз. Я помню, когда мы встретились с тобой в Хельсинки много лет назад и сделали фильм «Синица женского счастья», я тогда рыдала: «Ой, зачем я, как мне тяжело».

Омельчук: А вариант: лучше бы осталась?

Лапсуй: Нашла бы себе приращение. Я не из тех людей, что за одно и то же держатся. Я ведь всегда работаю в частных компаниях. Закончилась работа – вчерашний мой продюсер уже сегодня может со мной не поздороваться. Мы же не друзья, мы просто коллеги на короткий миг. Всё, ушло.

Омельчук: Вдохновение по найму?

Лапсуй: Они покупают моё вдохновение. Мир построен на деньгах. У меня всегда не хватает денег. Да, у меня всегда не хватает денег. Чтобы претворить все свои мысли, мечты в своё творчество, мне нужны деньги, мне требуются эти продюсеры с деньгами.

Омельчук: Твои фильмы – документальные или художественные?

Лапсуй: В документальных фильмах я никогда не делаю постановочных сцен, это жизнь в том виде, в каком она есть: её не заменишь никакими игрушками. Я пою ненецкую песню, я должна спеть самую лучшую песню души ненца. Моя подруга Анна Павловна Неркаги говорит: гниёт душа ненца. Но констатиру-

вать факт всегда легко. А что ты, что я сделала, чтобы излечить эту родную душу. Хотя бы сохранить крупницу этой здоровой души. Мы когда говорим – наши мысли материализуются. Мы сами создаём этот мир.

Омельчук: Свою личную песню помнишь?

Лапсуй: Конечно. В очень многих фильмах я сама пою, сама делаю музыку. В последнем фильме «Пудана» у нас так получилась, что актёр, человек, которого я хотела пригласить на роль старого шамана, вначале согласился. А потом... Для ненца играть шамана – великий грех. Уже съёмки идут, бубен есть, а он не может запеть. Время идёт. Время у меня деньги. Весь день ничего не получается. Я говорю: «Слушай, уходи». Заменить его нечем. Поблизости никого, одним чумом в тундре стоим. И я сама села. Я же актриса, я сказала Всевышнему, что я актриса.

Омельчук: Позволь сыграть?

Лапсуй: Я не настоящая шаманка, я актриса, так уж получилось.

Омельчук: А что лукавить-то? Настоящая шаманка? Или не признаюсь?

Лапсуй: Дед мой был одним из великих шаманов, о котором до сих пор легенды среди ненцев ходят. Это не говорит, что я – настоящая шаманка. Никогда не присоединяюсь к чужой славе.

Омельчук: Страшно сложно в нынешних условиях создавать художественно-документальные фильмы?

Лапсуй: Очень сложно. Особенно документальные. Люди не смотрят документальные фильмы. Маленькая страна Финляндия спонсирует меня, ни один мой проект не остался без финансовой поддержки страны. Они идут на это, знают, что мы с Маркку сделаем хороший фильм.

Омельчук: Кстати, на что потратила Государственную премию Финляндии, премию «Суоми»?

Лапсуй: Не вы первый спрашиваете. Я же женщина, а

женщина всегда найдёт, на что потратить. Мы – частная компания, нам всегда не хватает денег на фильмы.

Омельчук: Ненецкая мама – это всегда строгая мать?

Лапсуй: Справедливая. Это учительница в первом классе может быть строгой, а мама должна быть справедливой. И любящей, и нежной, и суровой. В тундре нужно научить не только жить на земле, но и научить беречь эту жизнь. Это мама.

Омельчук: А мама Тася?

Лапсуй: Мама Тася? Ой, это не самая лучшая мама.

Омельчук: А баба Тася?

Лапсуй: Ох, ещё хуже. У меня трое внуков. Все мальчики. Их мама тундровичка, оленеводка, они каждое лето ездят в тундру. Там, конечно, лучше бабушки, чем я. Я кинобабушка.

Омельчук: За жизнь твоего поколения много родовых традиций ушло, пропало, исчезло. Печальная вещь?

Лапсуй: Не могу печалиться. Жизнь – это прогресс. Я счастлива тем, что за последние 20 лет, что я сижу за кинокамерой, жизнь тундровиков очень изменилась. Когда первый раз в 1989 году на Ямал к нам приехал Маркку Лейхмускаллио, то транспортным средством служил только олень. Сегодня олень остаётся в тундре, в посёлок люди приезжают на снегоходах, не только на «Буранах», но чаще всего это и «Ямаха», и «Хонда».

Омельчук: У народа есть силы, остался внутренний дух?

Лапсуй: Есть. Народ завтра не вымрет. Народы приходили и уходили, большие народы, а малые ненцы, как ни странно, сохранили себя, как этнос. Сохранили свой язык, всё это благодаря тому, что ненка, мама-ненка сидит возле того очага, который тыщу лет горит.

Омельчук: Ты финским владеешь?

Лапсуй: Нет, я хожу только на рыбный рынок говорить по-фински.

Омельчук: Только язык любви?

Лапсуй: Язык любви.

Омельчук: С Маркку ссоритесь, случается? Или попросту нет языка, на котором можно поскандальить?

Лапсуй: Я в первые годы, когда начала жить с Маркку, очень радовалась, что не знаю его языка. Даже если я сержусь на него, не могу выразить словами, которые бы хотела сказать.

Омельчук: Не выучила?

Лапсуй: Нет. Мы никогда не ссоримся. Нечем. Маркку – человек, который меня вдохновляет. Как я на своё божество могу сердиться?

Омельчук: Золотые слова.

Лапсуй: Когда недовольна – я лучше пробежусь 5 километров...

Омельчук: До памятника Меннергейму?

Лапсуй: Хороший ориентир.

Омельчук: Чем в ближайшее время собираешься удивлять Европу?

Лапсуй: Фильмом «Пудана».

Омельчук: Любишь удивлять?

Лапсуй: Кто не любит?

Омельчук: Одно время занялась живописью?

Лапсуй: Ой, сейчас я не знаю, есть у меня свободное время или нет. Я пою. Я иногда танцую. Много рисую. Я много фотографирую. Занимаюсь компьютерной графикой. Делаю народные выставки. А между этими важными делами делаю кино, пишу сценарии, написала книгу.

Омельчук: Книга сама написалась?

Лапсуй: Это мои любимые попросили, все те, что меня любили. Все спрашивают, как делается кино, вообще, как ты живёшь? Чтобы к каждому не подходить, я рассказала в своей книге, что осталось за кадром: и смех, и слёзы, и любовь. «И смех, и слёзы, и любовь» книга называется.

Омельчук: Родной Ямал – навсегда?

Лапсуй: Земля моей жизни. Родина творчества. Мать – вдохновительница.

«ЧИГАР» В ПЕРЕВОДЕ С СААМСКОГО – «КУСОК», ОТКОЛОВШИЙСЯ ОТ СТАДА ОЛЕНЕЙ

Этой весной я в газете «Мурманский вестник» прочитал статью Сергея Бердникова «Бумажные олени и пастухи-невидимки». В ней говорилось о том, что в 2007–2008 годах руководителями общины коренных малочисленных народов Севера «Чигар» из областного бюджета путем мошенничества были похищены денежные средства в сумме более 854 тысяч рублей. Кроме того, в 2009 году общине выделено около миллиона рублей на закупку домиков для оленеводческой бригады. Деньги пришли. А вот домики так и не появились. В 2008–2009 годах на приобретение корма для оленей «Чигар» потратило более двух миллионов рублей. Фактически оказалось, что никакого корма не приобреталось.

Кроме того, для улучшения бытовых условий оленеводов, которых при проверке не оказалось, комитетом по взаимодействию с общественными организациями и делам молодёжи администрации Мурманской области, руководитель Л.Л. Мостовой, в июле 2009 года по заявке

общины «Чигар» ей был перечислен ещё один миллион двадцать семь тысяч народных рублей. Отчёта за целевое использование этих средств в установленные сроки не последовало.

Правительством России ежегодно выделяется рыболовная квота на вылов морской и пресноводной рыбы для малочисленных этносов Севера для личного потребления. Руководством «Чигар» обманным путём, как это установило следствие, эта квота присваивалась и реализовывалась, ну а выручка «оседала» в общине.

По выводу заместителя начальника отдела по расследованию особо важных дел следственного управления СКП РФ по Мурманской области В.Б. Зинатулина, – эта община была специально создана для того, чтобы незаконно получать деньги. И что тут действовала целая организованная группа. К чести работников прокуратуры, ими было чётко заявлено, что ни реальные оленеводы, ни коренное население к «Чигару» не имеют никакого отношения.

Саамам области, и не только им, известно, что в эту «организованную группу» с 90-х годов прошлого века входят: Страхов В.В. (ныне депутат Мурманской областной Думы от партии «Справедливая Россия», а в недавнем прошлом один из руководителей этой общины); Чупрова Н.И. (с 2009 года руководитель центра народов Севера и подпольный миллионер, «сколотившая» своё состояние в прежней должности); Ватонена Л.А. (с 2009 года председатель Совета саамских общин при Правительстве Мурманской области); Матрёхина С.Л., руководитель общины «Чигар». Эта группа людей к статусу, в котором на сегодня они находятся, рвались, начиная с 2004 года. Здесь особо нужно отметить, что за последние два года они сделали всё, чтобы сместить с должности прежнего руководителя Центра Агеева А.А. – саама по национальности, грамотного и порядочного человека. На сегодня в Центре из семи его работников нет ни одного представителя народов Севера, в то время как при Агееве А.А. из шести – их ра-

ботало четыре. И откуда у саамов будут свои кадры?

В статье и следствием ставится закономерный и естественный вопрос. Каким образом община «Чигар» так легко получала государственные субсидии? За этим следует ещё вопрос, что о липовых оленях, где, у кого и как они приобретались, не знали руководители* департамента или администрации, курирующих в то время эти вопросы (Шукшин Н.П., Ямщиков А.А.) или же экс-председатель комитета по сельскому хозяйству и продовольствию Мурманской области Хаитбаев А.Х., получивший на 1-м съезде саамов за «развитие» оленеводства почётную грамоту Мурманской областной Думы? Или не под давлением и не в интересах «организованной группы» руководство департамента – комитета, по протекту выше упомянутого депутата, вынудило Агеева А.А. «по собственному желанию» освободить должность для Чупровой Н.И.

В контексте вышесказанного нужно напомнить и то, что не без активного участия и личного интереса «организованной группы», исключив из неё Чупрову Н.И., в недавнем прошлом было порушено оленеводство в Кольском районе. А ведь когда-то чис-

ленность стада оленей в этом районе насчитывала свыше десяти тысяч голов. В настоящее время, образно выражаясь, олени в Кольском районе остались только на гербе муниципального образования и в памяти его жителей старших поколений.

Кстати, численность оленей в Мурманской области, мифы о браконьерстве, а по сути, отъём имущества с применением огнестрельного оружия, должны подвергнуться жёсткой ревизии и правовой переквалификации.

13 марта 2010 года в рамках VII Ушаковских чтений, проводимых в Мурманском Государственном педагогическом университете, заключительное пленарное заседание было посвящено проблемам коренных народов Севера и в частности состоянию оленеводства в Мурманской области. В рассмотрении и обсуждении темы приняли участие учёные и практики из России и Норвегии. Ими констатировано следующее:

– принцип стихийной коммерциализации отрасли превалирует над научным и плановым;

– продолжается жёсткий и ускоренный бесконтрольный процесс «перекачивания» оленей через мясопродукцию в живые деньги;

– несоответствие количества поголовья оленей по

данным статистики и в реальности – он ниже;

– старение и большой удельный вес пастухов-оленьеводов холостяков – 70-80 процентов;

– работа в оленеводстве, и особенно для молодёжи, из-за низких заработков и бытовой неустроенности является не престижной;

– настоящей катастрофой для оленеводства на Кольском полуострове стало распространение охотничьих угодий на территории оленьих пастбищ.

В интервью Министра юстиции Мурманской области Плевако В.И. («МВ» от 19.02.2010) под названием «Борьба с коррупцией не миф, а реальность» ставится задача: «...Будем работать так, чтобы выработать у всех, будь то чиновник или рядовой работник, устойчивое неприятие этого зла (имеется в виду коррупция). Как говорят медицинские специалисты – иммунитет». Поэтому сегодня многие в России и путают толерантность с тайлерантностью.

За истекший год в России число долларовых миллиардеров выросло с 32 до 62, их состояние по данным журнала «Forbes» оценивается в 520\$ млрд., а если ещё и присовокупить состояние миллионеров, «вскормленных» системой, то вкуче оно составит чуть более триллиона долларов. Поэтому от скудности госбюджета претерпевает материальную деградацию русская школа, здравоохранение, сельской глубинки, спорт, отечественный Агропром, коммунальное обустройство, армия, военный и гражданский флот и т.д.

Одно из художественных полотен французского живописца 19 века Поля Гогена называется: «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идём?».

Николай БОГДАНОВ

г. КОЛА,
Мурманская обл.

*Руководитель департамента – госслужащий, служащий интересам государства, Отечества.

1958 год. Разгар «холодной войны». У нас уже появились дальние стратегические бомбардировщики Ту-4, Ту-16, Ту-95. Но радиус действия их ещё не достаточен, чтобы без дозаправки долететь до Соединённых Штатов Америки и вернуться обратно. И тогда кому-то приходит мысль, производить дозаправку этих самолётов на ледовых аэродромах, расположенных посреди Ледовитого океана на дрейфующих льдинах.

Соколов Г.И., в 1958–1959 гг. — заместитель командира части ледового аэродрома по аэродромной службе:

Ещё в начале «холодной войны» американцы предпринимают активные действия по освоению центральной Арктики. Регион интересен с военной точки зрения тем, что через Северный полюс проходит самый короткий воздушный путь до наших арктических границ. С нашей стороны стали срочно приниматься ответные меры. Началось строительство так называемых аэродромов подскока. Располагались они на островах и по побережью Ледовитого океана. Теперь же, в порядке эксперимента, было решено построить ледовые аэродромы на дрейфующей льдине.

В этих условиях и была сформирована наша воинская часть с задачей строительства и эксплуатационного содержания аэродрома на дрейфующей льдине, на которой ещё в 1956 году была размещена Дрейфующая Научно-исследовательская полярная станция СП-6 Ленинградского Арктического Научно-исследовательского Института. Огромная льдина (14 x 11 км) была обна-

ружена лётчиками Полярной Авииации в районе о. Врангеля. Наши военный горюдох построили в непосредственной близости от станции СП-6.

Пока не была подготовлена взлётно-посадочная полоса (ВПП), необходимые грузы сбрасывались с низко летящих самолётов без парашютов. Открывался бомболюк, и всё: дрова, мешки с хлебом, мясом, рыбой, углём и т.д. сыпалось на снег. После чего весь личный состав разбирал «кашу», состоящую из содержимого разорванных мешков, перемешанных со снегом. Помогали и наши «соседи» — сотрудники Дрейфующей Научно-исследовательской станции СП-6.

К моменту моего прибытия на льдину ВПП была уже построена.

В подготовку ВПП вложен огромный солдатский труд. Для того чтоб снег на ней был уплотнён до установленных нормативов, имелась всего лишь пара маломощных тракторов, потому что для перевозки на льдину грузов и, в частности, тракторов использовались только имевшиеся на то время самолёты типа Ли-2 и Ил-12, для посадки которых не требовалось специально

подготовленных аэродромов. Трактора доставлялись в разобранном виде с последующей сборкой на месте (на морозе!). Забросить более мощную технику было в время просто нельзя. Да и нечем. Четырёхмоторный дальний бомбардировщик Ту-4 стал использоваться для перевозки грузов только после подготовки ВПП необходимой длины.

Решение о посадке трёх бомбардировщиков Ту-16 на ледовый аэродром было принято с наступлением полярного дня, а именно 26 апреля 1958 года.

Специально прибывшая комиссия из штаба Оперативной Группы войск в Арктике, возглавляемая генералом Рейно Л.Д., проверила готовность самой полосы и системы посадки к приёме самолётов. В связи с тем, что места стоянок самолётов и рулёрные дорожки подготовлены ещё не были, было принято решение о приёме самолётов поочерёдно.

В день посадки стояла прекрасная погода. Все присутствующие: члены высокопоставленной комиссии, личный состав нашей части и сотрудники научной станции находили в приподня-

том настроении. Ещё бы, впервые в истории авиации тяжёлые реактивные бомбардировщики будут приземляться на дрейфующую льдину!

И вот серебристые птицы над нами. Первый самолёт с помощью радиотехнических средств заходит на посадку, плавно касается полосы, пробежка до конца полосы, затем самолёт разворачивается на месте на 180 градусов, стоп – всё очень чётко. Ура!

Я наблюдал посадку, находясь в самом начале полосы. Сразу же я ускоренным шагом двинулся по полосе в сторону самолёта.

Прошло немного времени, мне удалось пройти лишь не более половины пути, как вдруг турбины взревели, самолёт тронулся – как я предположил, для руления в конец полосы с тем, чтобы взлетать со встречным боковым ветром. Но вдруг происходит что-то невообразимое: за какие-то секунды самолёт сходит с ВПП и, одной стойкой шасси находясь за боковой границей полосы, то есть вне уплотнённого снегового покрытия, продолжает разбег вдоль границы полосы. При этом от левой стойки шасси вырываются снежные вихри, шлейфы, двигатели режут.

Прямо по курсу двигающегося самолёта, сбоку к ВПП примыкал так называемый «пяточок» – выровненная и уплотнённая площадка размером примерно 50 х 50 м, на которой хранились ящики с различным имуществом

и... бочки с горючим. Но самое главное – на ней стоял самолёт Ли-2, с борта которого осуществлялось руководство полётами.

Прямолинейное движение самолёта длилось недолго: перед самым «пяточком» его резко разворачивает влево (командир корабля, очевидно, вынужден был прекратить разбег, чтобы избежать лобового столкновения с Ли-2), и он врежется в штабеля ящиков, при этом правым крылом задевает Ли-2 и останавливается. Взметнулись к небу клубы снега, ещё чего-то...

Все помчались к месту происшествия. Экипаж на земле, все живы-здоровы. А самолёты? У Ту-16 часть крыла оторвана. Ли-2 с поломанной стойкой шасси накренился. Потом обнаружили задиры на лопатках турбин... У всех настроение шоковое...

Двум другим бортам, барражировавшим над нами, была дана команда возвращаться на базу. Комиссия и экипажи двух повреждённых самолётов некоторое время спустя покинули нас. А Ту-16 и Ли-2 остались на льдине.

Вскоре после происшедшего мы услышали шум моторов, хотя заявок на посадку ни нам, ни соседям не поступало. Все высыпали на улицу, а затем, в течение почти часа, наблюдали за непрошеным гостем. Некий иностранный двухкилевой винтовой самолёт стал кружить над нами сначала на большой высоте, а потом стал резко снижаться, т.е.

почти пикировать, что вызвало у нас весьма неприятные ощущения.

Тут уж мы в подробностях рассмотрели и сфотографировали его. Увидели, что двери и всякие люки открыты, в них установлена какая-то аппаратура (конечно же – фото!), даже рассмотрели лицо пилота, махающего нам рукой. Мы сначала тоже махали, потом опомнились, что на наших шапках военные кокарды, а наша миссия ведь секретная!.. Вдруг видим, что самолёт выпустил шасси и заходит на посадку! Как по команде несёмся в сторону ВПП, брать в плен «гостей». Но самолёт, как видно удовлетворившись собранной разведывательной информацией, покачал нам крыльями и был таков.

В следующее лето льдину быстро понесло в сторону тёплых течений, всех полярников стали с неё снимать. Возник вопрос: что делать с секретным самолётом Ту-16 и Ли-2? В этой обстановке было принято единственное правильное решение – облить их керосином и сжечь. Так и сделали, а остатки (вернее, останки) сбросили в океан.

Вот такой финал. Жаль, что хорошая задумка, несмотря на огромную подготовительную работу, так и не была реализована. Объективные условия для её благополучного завершения были созданы, но...

**Подготовил
Александр МЕЛЬНИКОВ**

Вадим ДЕМЕТЬЕВ

локом; легендарное, с семидесятилетней традицией, брусничное, клюквенное, рябиновое вино из Кадуя от «Арсенала вин»; «Зимний сон на кедровых орешках», «Северная легенда», «Спотыкач», «Лесная брусника» из Череповца от местного ЛВЗ; «Родина Деда Мороза», «Федеральная хлебная», «Сухонская кристальная» из Великого Устюга; «Северная крепость», «Застолье – Золотой Лимончик», «Северный город» из областной столицы

Это про нас сочинили: «Пропили воеводы Вологду» (полная цитата из грамоты епископа Сильвестра в Москву гласит: «А всё, господа, делалось хмелем: пропили город Вологду воеводы»). Ну, во-первых, не воеводы, а один воевода Иван Одоевский. Во-вторых, город остался без ратных людей, посланных в Москву

ВОЛОГДА РАЗГУЛЬНАЯ

Вологда во все времена любила погулять, повеселиться. Взять те же ярмарки, с которых и Вологда началась, когда преподобный Герасим пришёл сюда из Киева на «малый торжок». Разве на них только торговали, деньги считали? Это же праздник труда, урожая, значит, здесь и мёд с бражкой, и пляска, и песни...

Широкие натуры в узких берегах Вологды-реки никак не могли уместиться. Площади были тесны, не то, что дома и квартиры. «Улица, улица, ты, брат, пьяна... Правая-левая, где сторона?» – нет, не зря такая песня сочинена в Вологде.

А нынче, какие названия, какая красота: «Вологодская марка», «Регион 35», «Родные озёра», очищенные сухим мо-

от Завода
Сортовых Водок!..
Так и вижу вологодскую картину: впереди вышагивает, разводя кирилловские мехи, Константин Валентинович Пирожков. Взгляд хитроватый, гармонный перебор богатый. За ним степенно шествует, будто он здесь ни при чем, Анатолий Константинович Ехалов. Главный здешний заводила. Атаман.

Чуть в отдалении от них, чтобы дать простору музыке, пляшет и поёт разноцветная толпа голосащих городских баб и мужиков. Шире, ребята, круг!

*В песнях радость, в песнях
– горе,
В песнях и весельице.
Только в песнях мы находим
Сердцу утешеньице.*

Расступаются горожане, смеются, сами не прочь спеть частушку, топнуть в лад гармонии раз-другой.

по призыву Пожарского и Минина. В-третьих, никто не ожидал нападения, оно произошло глубокой ночью, защищать город было некому.

Фразу насчёт пропоя города знают многие, а забыли, что Вологда в годы Смуты являлась центром сопротивления литовцам и полякам. Против ставленников Самозванца в городе вспыхнуло героическое восстание, их перебили. Вологда стала сборным пунктом воинских отрядов, когда другие города пребывали в нерешительности. Царь Василий Шуйский даже прислал вологжанам похвальную грамоту с обещанием «любити свыше прежнего» за их мужество и храбрость. При чём здесь «пропили»?!

Вспоминают вологжане байки, смеются, пристроились вслед за весёлой компанией, гульбой идут на праздник.

*Вот она и заиграла –
Девятиладовая.
Вот она и загуляла –
Голова садовая.*

– Сколько там, говоришь, наши предки пили? – пере-спрашивает один другого. – Ну, день-два... А погуляй-ка не-сколько лет! В 1917 году в Во-логде вышла книга под назва-нием «Лежский фронт», как веселился три года подряд Грязовецкий уезд. Столько в драках ребят перебили, на войне таких потерь у леж-ских не было.

*Атаман зелену кепочку
На землю положил,
Вынул ножик из кармана
И сказал: «Не побежим!»*

Не жила Вологда без винца, всегда имелось, по погребам и кладовкам хранилось-пря-талось. Архимандрит Пимен (Мясников) вспоминал: «Ва-рили у нас брагу, пиво и меда. В праздники храмовые созы-вали всю родню и пировали по несколько дней, в имени-ны два дни, на помин родите-лей по одному дню. Вино-градных вин, кроме свадеб, за столом не употребляли, а зна-ли только романейку, то есть простое вино, чем-нибудь на-стоянное».

Настойки и сегодня в цене. По недавнему социологичес-кому опросу вологжане пред-почитают чёрную смородину, череповчане – анисовый, устюжане – лимонный и пер-цовый вкусы.

У каждой вологодской ба-бушки в углу шкафчика стояла бутылка беленькой или крас-ненькой, если початая, то га-зетной пробкой заткнутая. Для гостей или кого отблага-дарить.

Мало или много пили горо-жане? Что и с кем сравнивать?

Ещё один вологодский свя-щенник отец Сергей (Непе-ин) изучил весь производст-венный процесс приготовле-ния водки из готового спирта на новом тогда ЛВЗ, со знани-ем дела его описал, как одну из вологодских достоприме-чательностей. Также подсчи-тал священник-краевед и вы-питое: «Казённых винных ла-вок в Вологде одиннадцать и пять частных. Годовой расход вина по городу равняется 40–50 тысяч ведер».

Попробуйте сами выпить ведро! А богатыри-вологжане не в один дых, но за год всё-таки его опорожняли (водка тогда выпускалась 50-градус-ной). В городе как раз насчи-тывалось 50 тысяч жителей.

Ещё один краевед, уже в со-ветское время, воспел тот же ЛВЗ (кто не знает, это нынеш-няя ликёрка «Вагрон» на ули-це Авксентьевского, теперь к нему поближе переехала ре-дакция газеты «Красный Се-вер»), который вырос из Ка-зённого винного склада на Зелёном Лугу. Запущен он был в 1901 году одновременно с Великоустюжским ЛВЗ. Мощ-ность первого – 360 000 де-калитров, второго – 160 000 декалитров. Декалитр – это десять литров. Считайте!

Краевед, бывший на воло-годском ЛВЗ секретарём пар-торганизации, восстановил его историю, показал рекорд-ные темпы производства: от 383 162 декалитров в 1927 году до 2-х миллионов дека-литров в 1967 году (40 милли-онов поллитровок, не шут-ка!). В 5 раз возросла и произ-водительность труда, в 57 раз

расширился ассортимент. Стахановскими темпами ра-ботали. Впрочем, вместе со всей вологодской промыш-ленностью.

А как насчёт питейных заве-дений?

С ними то боролись, то бес-сильно вожжи отпускали. Ар-химандрит Пимен насчитал в городе всего один трактир Архарова (откуда вышли на-ши родные «архаровцы»). Внизу была харчевня, а вер-ху трактир о трёх окнах. Хо-дить туда, как и в советский ресторан «Север», счита-лось зазорным, и человека, побывавшего там, называли потерян-ным.

Не знаю, о каком десятиле-тии в XIX веке вспоминал ар-химандрит, но по официаль-ной статистике в 1836 году в городе было две ресторации, две харчевни, один питейный ведерный дом, зато распи-вочных лавочек (там же и на «вынос») – 20, а винных рейн-ских погребов – 14. На 16 ты-сяч населения.

Советская власть с винопи-тием не раз пыталась бо-роться, но, как и любая власть в России, безуспешно. В самые строгие годы город держал два ресторана – цен-тральный «Север» и вокзаль-ный. Существовало несколь-ко пивных, в том числе у Ка-менного моста, где сегодня находится знаменитая «Пи-рожковая». Отсутствие злач-ных мест возмещалось роз-ничной продажей. Водку по-сле войны продавали даже в киосках с мороженым. Эти два продукта можно было ку-пить без карточек.

Но постепенно жизнь налаживалась. И вот уже по Сухо-не-реке в областную столицу самоходными баржами стали завозить тотемские вермуты – вишнёвые, грушевые, даже банановые. По небу летели, помахивая в знак приветствия крыльями, грузовые самолёты, в которых плескались в бутылках настойки на клюкве и рябине из Великого Устюга. С ними соревновались пылящие по дорогам грузовики из Кадуя с плодовыми винами, воспетыми Николаем Рубцовым.

Братья грузины посылали нам свой привет вместе с «Цинандали» и «Гурджаани». Латыши дарили нам целебный рижский бальзам. Благодарные армяне угощали своими коньяками. Из Средней Азии спешили составы с дешёвыми портвейнами и кагорами. Россия радовалась солнцу, вину и дружбе народов.

Даже вологодский ресторан «Север», и тот стал знаменитым: Сергей Никоненко снимал в нём сцену для фильма «Целуются зори» по сценарию Василия Ивановича Белова.

Жизнь была ключом, неважно каким.

Бухтинник Вениамин Иванович Шмаков рассказывал: «Чтобы наш конструктор Ильюшин без машины водки на родину приезжал, такого никогда не бывало. Праздник начинался, все работы кончались. Помню, машина-то раз сломалась, не доехав до Перхурьева. Позвали нас вытягивать, а мы-то знаем, что внут-

ри. Ну, до начала спасательных работ попробовали с разрешения, потом ещё. Приезжает сердитый земляк: что такое? А вокруг-то машины лежат помощники, как пострелянные из его самолёта-штурмовика, всё поле усеяно. Посмеялся он, но в обиду никого не дал.

Или случай с Подгорновым-то слышал? Он, прежде чем стать губернатором области, капитаном плавал на самоходке. Один раз доверили ему груз стратегический – из Устюга на Волго-Балт переправить баржу с водкой. Загрузились, поплыли. Опоки миновали хорошо, Нюксеницу тоже прошли без приключений, а в Тотьме крепко приложились. Выплыли в Кубенское озеро – не знают, куда и править: темно, берегов не видно, да и волна большая. Поплыли, куда глаза глядят. Ну, и конечно, доплыли – утопили баржу-то, сами еле спаслись. Сколько лет уж прошло, а всё ныряем, достаём, даже качественнее стала».

Из всех любителей выпить в Вологде в те годы особенно славились писатели и художники. Первые пили шумно, грубо, зримо. Вторые молча и тихо по мастерским.

Героем застольных лет стал Николай Рубцов. Он делил здесь славу с Расулом Гамзатовым. Не отставали, а иногда и перевыполняли планы Виктор Коротаев и Александр Романов. Любил шаркнуть рюмку-другую критик Василий Александрович Оботуров. Вдохновенно пригублял прозаик Володя Шириков. С ру-

ководителем писательской организации Александром Грязевым мы будто на себе испытывали вологодскую ехидную присказку: «Были в Маскве, шли па даске и упали в грезь».

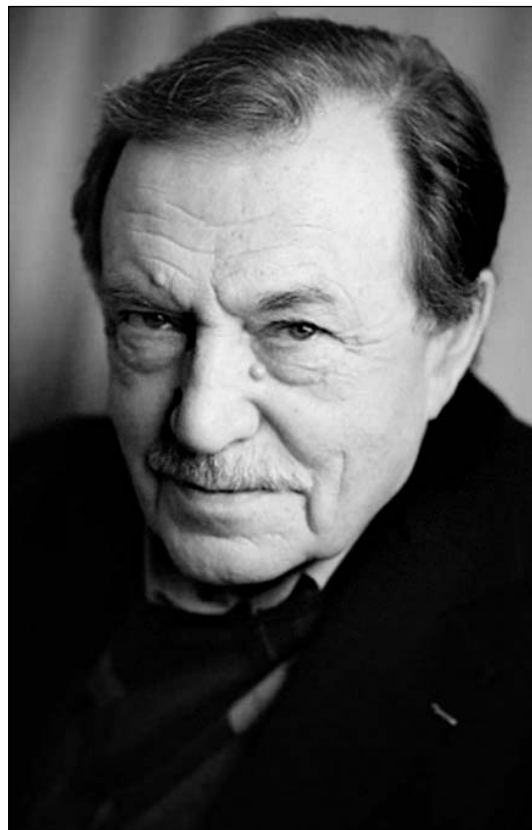
Василий Иванович Белов, то немного попивал, то надолго впадал в антиалкогольную агрессию. Эта последняя провалившаяся компания, как и поворот северных рек, составила у народа о нём впечатление, как о непримиримом бойце. Исторически неверно. Василий Иванович любил в молодости и позже кутнуть. Какой же воложанин не любит быстрых загулов!

Сам хозяин области Анатолий Семёнович Дрыгин сиживал за рюмкой с поэтами и прозаиками. Регулярно их зазывал к себе, расспрашивал о творчестве, о житейбытье, а потом переходил к столу, наливая всем по полной. Ольга Александровна Фокина описала один из таких банкетов, но, как женщина, не вспомнила, что на них употребляли.

Тогда появились замечательные водки «Посольская» и «Пшеничная». Мы на них росли. Никакими премиум сортами ещё не увлекались, их и не существовало, ибо ГОСТы были строги, как партбилеты. Брли бутылки с разливающих линий и прямо на ковёр – в обком. Василий Иванович играл тогда ещё на гармошке, Александр Грязев мастерски плясал, Романов с Коротаевым стихи читали, а пели с Дрыгиным хором, все вместе. Никто не напивался,

СУДЬБА МАГАДАНСКОГО ВЫПУСКНИКА: ВАСИЛИЙ АКСЁНОВ

Василий Аксёнов считал себя писателем-анархистом, плывущим туда, куда несли его литературные паруса. Он говорил, что не хочет «ни на кого влиять своими сочинениями» и «продвигать при помощи книг какую-то политическую идею» («Известия», 2007, 26 января).

Василий Павлович Аксёнов родился 20 августа 1932 года в Казани. Его отец, происходивший из рязанских крестьян, в своё время был председателем Казанского горсовета. Видное положение в казанской элите занимала и мать романиста – Евгения Гинзбург. Но в 1937 году всё в их семье резко изменилось: сначала чекисты пришли за матерью (её отправили на Колыму), потом арестовали отца (его хотели расстрелять, но затем сослали в Коми).

Позже Аксёнов вспоминал: «Меня в пять лет увезли из Казани, даже не было ещё пяти. Приехали из НКВД и увезли. И я попал в центр для детей «врагов народа». Оттуда распределяли по спецдетдомам. Меня отправили в Кострому,

где я был совершенно одинок. И вдруг там появился, как мне показалось, мой папа. А это был его родной младший брат. Я к нему бросился с криком «папа!». Он добился разрешения взять меня и привёз в Казань, отдал сестре, моей тёте – Ксении. Была такая семья Котельниковых – Аксёновых. Там были маленькие дети, тётушка Ксения, дочь её – тётя Котя, баба Дуня. Эта большая семья жила очень типично: в одной комнате помещались, кажется, шесть человек. И они меня приняли. Мне так нравилось в этой семье... Я прижился там. Помню, что я всегда спал под столом. Либо верхняя часть моего туловища, либо нижняя была под столом. Там стояла раскладушка, на которой я проводил ночи. А на диване спала моя двоюродная сестра Галка. Вход был с улицы Карла Маркса. Парадное вело в коридор. Вдоль этого коридора были квартиры, комнатёнки, где ютились люди. Кажется, было семей 12» («Известия», 2007, 12 октября).

Первые стихи Аксёнов написал в одиннадцать лет. «Я

прочитал, – говорил он в своём последнем интервью, – очень много батальных сцен из «Войны и мира», они меня поражали. А тут началась война, и – всякие «Летающие крепости» там, «юнкеры», северный конвой, идущий в Советский Союз... Мне было тогда 12 лет, и я стал писать длиннейшие какие-то баллады о войне, о том, как вот эти конвои шли, как какие-то подводные лодки невероятные поднимались, какие-то самолёты...» («Новая газета», 2009, № 72).

Когда Аксёнову исполнилось шестнадцать лет, ему разрешили уехать к матери в Магадан. Он потом вспоминал: «Я жаждал этого путешествия на край света. Мама всё организовала. Её знакомая, «вольняшка»-кассирша, возвращалась из отпуска и взялась отвезти мальчика к маме. Мы летели на самолёте. Открывалось грандиозное зрелище. Полёт продолжался семь дней с посадками, с ночёвками. Потрясающее впечатление, пожалуй, сильнее, чем моё открытие Америки. Летим над Охотским морем –

подо мной живая география колышется! Видел волны, бухты, корабли, тайгу. Магаданский крошечный аэродром. Ни вокзала, ни транспорта. Нас подвёз зять «вольняшки» на каком-то «козле»... Маму я сразу узнал. Она при чужих людях разрыдалась. Я подошёл к ней, положил руку ей на плечо и на ухо шепнул: «Не плачь при них». Мама была потрясена этой фразой. Признаюсь, я не был посвящён во всё, что произошло с моими родителями, со страной. Думал, у нас идёт всё гармонично. Родня убеждала меня, что родители в командировке на Севере. Я верил» («Московский комсомолец», 2005, 5 февраля). В это время у матери Аксёнова появился новый муж, из бывших заключённых немецкий врач Антон Вальгер.

После школы в 1950 году Аксёнов вернулся в Казань и поступил в медицинский институт, но оттуда его через четыре года чуть не выгнали за распространение рентгеновских плёнок, на которых приятели научили изготавливать запрещённые джазовые пластинки. Так что доучивался он уже в Ленинграде.

После института Аксёнова в 1956 году распределили карантинным врачом в ленинградский порт. Но там ему не понравилось. И он с приятелем собрался на Карельский перешеек, где встретил свою первую жену Киру. В одном из интервью Аксёнов рассказывал: «Мы с другом поехали на Карельский перешеек, наши интересы – спорт, джаз, то-сё. И он мне сказал: я видел на танцах одну девушку... Она гостила там у своей бабушки, старой большевички. Та отсидела в тюрьме, её только что отпустили, это был 1956 год. А сидела она с 1949-го. Её каким-то образом приплели к делу Вознесенского...» («Комсомольская правда», 2008, 12 января).

Кира тогда заканчивала институт иностранных языков, а Аксёнов получил место сельского участкового тера-

певта. Однако строить семейную жизнь на Онежском озере Кира не захотела. Она была москвичкой и всё сделала, чтобы Аксёнов тоже перебрался в столицу, став врачом туберкулёзного диспансера. «Мы жили в коммунальном доме на Метростроевской улице – на Остоженке, – вспоминал Аксёнов. – В нём была коридорная система – это бывшие меблированные номера. Одна уборная на 30–40 квартир, и туда постоянно стояла очередь – люди с ведёрочками. (Смеётся.) У нас была крохотная комнатёнка без всяких удобств. Чтобы пойти в душ, нужно было стоять в очереди в душевую в Арбатском переулке. А когда я уже стал печататься, мы вступили в кооператив, и в 1962 году у нас была первая нормальная двухкомнатная квартира на Красноармейской» («Известия», 2005, 18 февраля). Добавлю, что к тому времени у Киры и Аксёнова родился сын Алексей.

Свои первые рассказы «Асфальтовые дороги» и «Дорогая Вера Ивановна» Аксёнов в 1959 году принёс в журнал «Юность». «Нужно было, – писал Евгений Попов, – звериное писательское чутьё тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодёжной лабуды про парткомычей «с человеческим лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «Стоячая вода канала похожа на запылённую крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «тёмные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглёра». Ранне-

го Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награждённого двумя орденами Ленина, углядел автор «Окаянных дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксёнова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтётся» («Новая газета», 2009, 8 июля).

В 1960 году Катаев «тиснул» в «Юности» первую аксёновскую повесть «Коллеги», посвящённую трём выпускникам мединститута. По сути, писатель в этом сочинении раскрыл три разных восприятия мира. По нему потом Алексей Сахаров снял неплохой фильм. Катаев хотел напечатать и следующую повесть своего любимчика «Звёздный билет», но не успел (его «ушли» из журнала), и в печать новую вещь бывшего врача подписывал уже весь перепуганный Сергей Преображенский.

«Звёздный билет» вызвал в Кремле огромный скандал. Говорили, будто на эту повесть по всему Советскому Союзу было опубликовано свыше шестисот (!) откликов. Большинство рецензентов резко осудили Аксёнова. Одобрил творческие искания молодого прозаика, кажется, один лишь Юрий Бондарев, посвятив Аксёнову в «Литгазете» огромную восторженную статью.

Критики считали, что Аксёнов ввёл в литературу новые типы – этаких звёздных мальчиков, оторвавшихся от почвы в стремлении побыстрее самоутвердиться в этом мире. Они отличались любовью к авангардной живописи и музыке, стильной одежде и разговаривали на особом сленге – смеси нормативной и жаргонной лексики. Александр Макаров, к примеру, утверждал, что писатель вместе с другими представителями «исповедальной прозы» совершил движение от «определённости» авторской позиции к «неопределённости». Он писал: «В «Коллегах» авторская позиция более устойчива и категорична, в

В. Аксенов и саксофонист А. Козлов

«Звёздном билете» она неопределённо и осторожна. Партийные критики полагали, что это ведёт к отходу от социалистического реализма. Кстати, не случайно немецкий славист В. Казак воспринял персонажей Аксёнова как «протестующую, никак не разделяющую коммунистических идеалов светлого будущего молодёжь».

Аксёнов понимал, что как писателя его сделал журнал «Юность», и прежде всего главред этого издания Валентин Катаев. Но в 1962 году власти сыграли с Катаевым злую шутку: ему пообещали дать «Литгазету», ради этого он уволился из «Юности», но потом начальство всё передумало, и «Юность» осталась без своего покровителя. В этой ситуации Аксёнов, не дожидаясь назначения катаевского преемника, попробовал постучаться в «Новый мир» к Твардовскому. «Новомирцам» писатель предложил два расказа: «Катапульта» и «Перемена образа жизни». Однако

Твардовской ответил ему отказом. «Пошлость, – заявил Твардовский, – вовсе не обязательно воспроизводить во всём словоизвержении «хоxm», условных речений и т.п.». Соответственно следующую повесть «Апельсины из Марокко» Аксёнову пришлось нести всё в ту же «Юность». Но новый редактор журнала Борис Полевой в отличие от Катаева ответственность на себя брать не стал. Он отнёс рукопись в ЦК КПСС.

Редактурой повести занялся один из главных партийных идеологов Леонид Ильичёв. «Он, – вспоминал Аксёнов, – писал на полях красным карандашом какую-то галиматью. Например, он не любил иронию в адрес Сталина. Он говорил: «Ни в коем случае! Трагедия есть трагедия! Её нельзя превращать в фарс»...» («Литературная Россия», 2002, 8 ноября).

Потом Полевой для лишней подстраховки убедил Аксёнова написать и отдать в газету

«Правда» покаянную статью «Ответственность». Но рассказаниям писателя поверили далеко не все. Журнал «Октябрь», во главе которого стоял негибавший Всеволод Кочетов, тут же заявил, будто «в своей высокомерной статье Аксёнов пытался противопоставить вымышленного героя настоящему рабочему человеку».

Вообще в 1963 году Аксёнову пришлось очень худо. На него набросились со всех сторон. Руководитель государства Никита Хрущёв публично обвинил писателя во всех смертных грехах. Он при всех кричал на него: «Вы нам мстите за отца!» Потом советский лидер добавил: «Так что вы плюёте в котёл, из которого пьёте!»

Отец Аксёнова, после реабилитации получивший в Казани квартиру и в придачу орден Ленина, впервые испугался за жизнь сына и попытался уговорить сына вернуться к истокам. Аксёнов в одном из интервью вспоминал: «Я-то родился в Казани, а он в Покровском, вблизи Рязьска. Приехали мы, и первое, что бросилось в глаза, – разрушенные дворянские усадьбы. Потом мне старики рассказывали разные истории из помещичьей жизни: «Вот здесь они лебедей развели и пускали плавать. На речке Мосте на лодке плавали под шёлковыми зонтиками» («Московский комсомолец», 2005, 5 февраля). Но поменять Москву на Рязьск Аксёнов так и не решился.

Следующий скандал разразился в 1968 году. Властей возмутила аксёновская повесть «Затоваренная бочкотара» с её тотальной сатирой. Автора обвинили в скрытом антисоветизме. 20 мая 1968 года секретариат правления Московской писательской организации объявил ему выговор с занесением в личное дело. Писателя наказали «за политическую безответственность, выразившуюся в подписании заявлений и писем в различные адреса, по

своей форме и содержанию дискредитирующих советские правопорядки и авторитет советских судебных органов, а также за игнорирование факта использования этих документов буржуазной пропагандой в целях, враждебных Советскому Союзу и советской литературе».

«Затоваренная бочкотара» стала для Аксёнова рубежной книгой. Его «Коллеги» и «Звёздный билет» уже успели кануть в Лету. Исповеди о вхождении в жизнь больше были не востребованы. Мальчики выросли и захотели новых ощущений. В ответ писатель придумал сказ. Ему бы и дальше продолжить стилевой эксперимент. Но он, похоже, испугался. Отказавшись от фронды с властями, Аксёнов пошёл на компромисс и согласился сконструировать по лекалам пропагандистской серии «Пламенные революционеры» верноподданническую повесть «Любовь к электричеству», избрав своим очередным героем обаятельного большевика и удачливого бизнесмена Красина (при этом ни слова не сказав, что родные Саввы Морозова считали этого верного ленинца причастным к убийству одного из главных финансистов РСДРП).

Тогда же в жизнь Аксёнова ворвалась новая любовь. Произошло это в Ялте. Он отдыхал в доме творчества, куда неожиданно приехала жена известного режиссёра Романа Кармена. «Она, — вспоминал Аксёнов, — подседа к столу Беллы Ахмадулиной. А мы с Беллой всегда дружили. И Белла мне говорит: Вася, Вася, иди сюда, ты знаком с Майей, как, ты не знаком с Майей!.. И Майя так на меня смотрит, и у неё очень измученный вид, потому что у Кармена был

инфаркт, и она всю зиму за ним ухаживала, и, когда он поправился, она поехала в Ялту. А потом она стала хохотать, повеселела. А в Ялте стоял наш пароход «Грузия», пароход литературы. Потому что капитаном был Толя Гарагуля, он обожал литературу и всегда заманивал к себе, устраивая нам пиры. И вот мы с Майей... Майя почему-то всегда накрывала на стол, ну как-то старалась, я что-то такое разносил, стараясь поближе к

ней быть... Я ей говорю: вот видите, какая каюта капитанская, и вообще как-то всё это чревато, и завтра уже моя жена уедет... А она говорит: и мы будем ближе друг к другу. Поженись всё видит и говорит: я ухажу... И уплыл на этой «Грузии». А мы вернулись в Дом творчества. Я проводил Киру, и начались какие-то пиры. Белла чего-то придумывала, ходила и говорила: знаете, я слыхала, что предыдущие люди закопали для нас бутылки шампанского, давайте искать. И мы искали и находили» («Комсомольская правда», 2008, 12 января).

Поначалу Аксёнов и Майя Кармен свой роман скрывали. Но потом все всё узнали. Однако сыграть свадьбу они решились лишь в 1980 году, перед отъездом в Америку.

В 1972 году Аксёнов, объединившись с Овидием Горчаковым и Григорием Пожениным, написал роман-пародию «Джип Грин-Неприкасаемый». Друзья под псевдонимом Гривадий Горпожакс остроумно высмеяли примитивные шпионские боевики. Примерно тогда же Аксёнов перевёл на русский язык роман Э.Л. Доктороу «Рэгтайм».

В 1978 году споры вызвала «новомирская» публикация повести Аксёнова «В поисках жанра». Некоторые критики восприняли её как новаторство. А вот Д.Самойлов в письме к Л.Чуковской назвал это сочинение пустым и пижонским. «Читать не стоит. Это хождение по канату с лонжей. Странная литература, всегда как бы на что-то намекающая. А кто, мол, не поймёт намёка, тот дурак. Я вот тот дурак и есть. Не понимаю. «Фактура» там, конечно, «европейская», и, может быть, в этом одном есть какой-то смысл, что это противопоставлено манере азиатской нашей гос-

подствущей прозы [имеются в виду «деревенщики»]» («Знамя», 2003, № 5).

В 1977 году Аксёнова, если верить его воспоминаниям, посетили полковник КГБ Карпович и майор Зубков, которые предупредили, что органам госбезопасности нового известного содержание нового его романа «Ожог». Писатель на это произведение возлагал очень большие надежды. Он считал, что написал хронику 1960–1970-х годов, хотя роман охватывал куда большие временные рамки: в нём были магаданские сцены, посвящённые послевоенному детству, сюжеты о сталинских репрессиях, эпизоды из «хрущёвской» оттепели, репортажи о пражской весне 1968 года, экскурсии в революционное прошлое России. Исполь-

зую приём двойничества, Аксёнов уловил и образно передал в «Ожоге» лицемерие власти и хамелеонство общества. И вот оказалось, что кто-то из ближайшего окружения донёс на него в КГБ. Романиста предупредили: попытки публикации «Ожога» за границей обернутся для него большими неприятностями.

Выход Аксёнов нашёл в инициировании неподцензурного альманаха «Метрополь». Нет, «Ожог» из-за непомерного объёма туда включён не был. Из своих вещей писатель в этот альманах отдал пьесу «Четыре темперамента», вся острота которого сводилась к постановке вопроса о существовании человека после смерти. Альманах понадобился Аксёнову для других целей: создать на Западе шумиху и подготовить почву для эмиграции. Но для Союза писателей Аксёнов придумал другую версию: мол, ему во времена засилья «деревенской» литературы хотелось хоть как-то представить также «урбанистов», «западников».

Как считал Аксёнов, власть после выхода «Метрополя» хотела его уничтожить и вскоре построила автокатастрофу. Когда он возвращался на своей «Волге» из Казани, спецслужбы якобы специально организовали столкновение с грузовиком «КрАЗ». Довершить дело будто бы должны были два мотоциклиста. Писателя спасло лишь чудо. Но после этого он тянуть с отъездом уже не стал.

22 июля 1980 года Аксёнов вместе с второй женой Майей Афанасьевной Кармен, воспользовавшись приглашением своего приятеля – профессора Калифорнийского университета – отправился в США в двухгодичную поездку, оставив дачу в Переделкино своему сыну. Выждав паузу, власти в январе 1981 года лишили писателя советского гражданства (восстановил его уже в 1990 году Горбачёв).

Позже Аксёнов вспоминал: «Сначала мы вели цыганский

образ жизни. Приехали в Нью-Йорк, потом поехали в Вашингтон и везде жили у друзей, потом мы наконец бросили якорь в маленьком университетском городе Ан Арборе. Мы там сняли квартиру, по советским масштабам замечательную, а по тамошним – жалкую квартирёнку. Потом мы поехали в Калифорнию, и к этому времени я купил первый американский автомобиль. Всё наше имущество уместилось в сундуке, который крепился на крыше. Мы пересекли страну, достигли Тихого океана, Санта Моника, и там сняли опять квартиру и после полутора жизни там опять переехали. Наше имущество уж не помещалось в этот сундук, и мы взяли на прокат маленький прицеп, набили его битком и через всю страну переехали в Вашингтон. Там опять мы сняли паршивую квартирку, но очень близко к тому месту, где я работал. Затем мы вдруг сняли потрясающую элегантную двухэтажную квартиру с винтовой лестницей и гигантским окном, в котором виден был весь Вашингтон. В ней мы жили три года. После этого мы купили свой первый дом – четырёхуровневый townhouse. Машина уже была «Мерседес» («Известия», 2005, 18 февраля).

В Америке Аксёнов впервые опубликовал написанные в России романы «Ожог» и «Остров Крым». Он возлагал на эти книги очень большие надежды. «Ожог», – говорил он в «нулевые» годы, – вообще долгое время я считал своим шедевром... То есть я бы хотел сказать, что у меня начался второй период, а может, и третий – наиболее плодотворного такого романосочинительства» («Новая газета», 2009, № 72). Но этот период чуть не загубил Иосиф Бродский. После его резко отрицательной рецензии на роман «Ожог» американские издатели отказались подписать с писателем контракт. И Аксёнов какое-то время вынужден был довольствоваться

только зарплатой профессора далеко не лучшего американского университета Джорджа Мейсона.

Кстати, по ту сторону океана Аксёнов одно время пытался писать по-английски (свидетельство тому – роман «Желток яйца» (1989), позже переведённый автором и на русский язык. Уже в 2002 году романист признался: «Меня устраивает космополитический образ жизни. Я отравлен уже свободой. И где-то наглухо закрепить, пока есть силы путешествовать, мне не хочется. А где больше времени я буду проводить, пока не знаю. Может быть – в Америке, или – в России, или – во Франции» («Литературная Россия», 2002, 8 ноября).

В эмиграции Аксёнов попробовал поэкспериментировать не только с языком, но и с темами и приёмами. Так, в романе «Бумажный пейзаж» он впервые отошёл от проблем эволюции своего поколения и рассказал о судьбе человека, который был моложе его на целое десятилетие.

Однако из всего, что Аксёнов написал в эмиграции, самый широкий резонанс вызвала, пожалуй, «Московская сага». Эта книга во многом обращена к юности поколения родителей Аксёнова. Правда, сам писатель как-то признался, что прообразом семьи Градовых, жизнь которой в 1925–1950 годах воссоздана в романе, послужила династия Вишневских. Глава этого клана – А.В. Вишневский, как известно, изобрёл местную анестезию. А Нину Градову Аксёнов отчасти списал со своей матери (она тоже была поэтессой и в студенчестве левой революционеркой).

Говорили, будто «Московскую сагу» Аксёнов сочинял с прицелом на телесериал. Однако в Америке экранизировать роман никто не стал. Мечта писателя исполнилась лишь в России. В 2004 году её реализовал режиссёр Дмитрий Барщевский. Получилось 22 серии.

Эта картина вызвала недоумение не только у консерваторов. В уныние пришли и многие либералы. Критик Наталья Иванова восприняла «Московскую сагу» как мифшлягер о красивой и достойной жизни на дорогой даче, в плетёных креслах, при полукрепостной Агаше с её исключительными пирогами, но который не сумел отразить реальной истории России в двадцатом веке. Иванова пишет: «Парадокс: бунтарский Аксёнов оказался самым настоящим примирителем. Он – писатель-оптимист, у него «вся эта наша история» всё равно развивается к лучшему. Попав на поселение к мужу, Цецилия Розенблюм преобразается – и преобразается быт. Вероника, жена комдива, а потом маршала Градова, из сталинского лагеря возникает ещё краше, чем была; в конце концов после гибели мужа выходит тоже не за сержанта – за американского полковника. Жизнь движется, улучшается, препятствия преодолимы. Аксёнов витален, и проза его витальна – в американском скорее всего духе, избавленном даже от налёта извечной русской тоски (toska – в словнике проекта нового словаря по современной русской культуре, над которым сейчас работает большая русско-англо-американская команда, так обозначается одно из ключевых для русской души понятий). Так вот: чего-чего, а toski у Аксёнова не было и нет. Меня посещает крамольное соображение о близости удивительной аксёновской витальности к духу отечественного соцреализма. Аксёнов признаётся, что, сочиняя свою «Сагу» (см. часть «Война и тюрьма»), впервые по-настоящему, во взрослом состоянии ума и духа, прочитал «Войну и мир» Толстого. Увы: не очень-то отягощены образованием были писатели-шестидесятники – получать образование приходилось на ходу, в том числе – во время собственного преподавания

Василий Аксёнов с матерью Евгенией Семеновной, и сестрой Антониной, Магадан (из семейного архива).

русской литературы американским студентам» («Знамя», 2005, № 1).

Здесь надо сказать о том, что после развала Советского Союза отношение к Аксёнову в Америке сильно изменилось. Анатолий Гладилин вспоминал: «Сначала с Аксёновым там носились. Я сам видел заголовки газет, в которых его называли Львом Толстым сталинского периода. А потом всё изменилось, издатели начали вмешиваться в его письмо. Для них образцом романа оставалась «Московская сага». С него требовали нечто подобное, а поиски собственного стиля, поиски новых форм – всё это отрицалось» («Новая газета», 2009, № 72).

В 1999 году Аксёнов переехал в Америку страшную семейную трагедию – гибель внука своей второй жены. Как рассказал писатель, «ему было 26 лет, он кончил американский университет. У Алёны, его матери, была очень тяжёлая жизнь в Америке, и он как-то старался от неё отдалиться. Уехал в штат Колорадо, их было три друга: американец, венесуэлец и он, три красавца, и они не могли найти работы. Подрабатывали на почте, на спасательных станциях, в горах. У него была любовь с девушкой-немкой, они уже вместе жили. Но потом она куда-то уехала, в общем, не сладилось, и они трое отправились в Сан-Франциско. Все огромные такие, и Ваня

наш огромный. Он уже забыл эту Грету, у него была масса девушек. Когда все съехались к нам на похороны, мы увидели много хороших девушек. Он жил на седьмом этаже, вышел на балкон... Они все увлекались книгой, написанной якобы трёхтысячелетним китайским мудрецом. То есть его никто не видел и не знал, но знали, что ему три тысячи лет. Я видел эту книгу, по ней можно было узнавать судьбу. И Ваня писал ему письма. Там надо было как-то правильно писать: дорогому оракулу. И он якобы что-то отвечал. И вроде бы он Ване сказал: прыгни с седьмого этажа...» («Комсомольская правда», 2008, 12 января).

После этого Америка стала Аксёнова тяготить ещё больше. И он в 2001 году переехал во Францию, купив на границе с Испанией, в Биаррице домик. Однако французские издатели к его романам тоже уже остыли. Получилось так, что интересен он остался лишь своей родине – России.

В Москве у жены Аксёнова ещё с советских времён сохранилась квартира на Котельнической набережной. Писателю стало удобно по полгода работать в России. Он попытался от эстетики сюрреализма вернуться к традиционализму, написав в начале «нулевых годов» роман «Кесарево свечение». Эта книга получилась весьма лю-

бопытной по своей структуре: в неё вошли и вводные рассказы, и стихи, и пьесы. Но на неё откликнулась лишь либеральная критика.

Одни либералы обсуждали и последующий роман Аксёнова «Вольтерьянцы и вольтерьянки» («Октябрь», 2004, №№ 1–2). В нём все основные действия писатель перенёс в 1764 год. Это было время восхождения на престол Екатерины, в которой Вольтер увидел идеал правительницы, способной принять идеи либерализма. Как утверждал Анатолий Найман, у Аксёнова получилась «книга о России, ищущей Запада, конкретно в лице Франции, и о Западе, воображающем себе Россию и вчитывающем в неё себя. О взаимной тяге, никогда не способной привести к слиянию. О русской страстности и европейской усталости, наталкивающих одна на другую в процессе сближения. О сближении, немедленно превращающемся в отдаление, едва стороны подходят к критической дистанции между ними» («НГ Ex libris», 2004, 4 марта).

Осенью 2004 года Аксёнов за «Вольтерьянцев и вольтерьянок» вполне прогнозируемо получил премию «Букер – Открытая Россия». Либеральная критика от этого решения жюри пришла в неописуемый восторг. Захлёбываясь от радости, Андрей Немзер подчёркивал: «Награда вполне за-

служенная. Аксёнов написал очень «свою» книгу – звонкую, лихо закрученную, лиричную и – несмотря на бесчисленные каскады перчёных шуток, фейерверки неожиданных придумок, вереницы изысканных цитат – пронизанную светлой печалью. Совершив дерзкий набег на «столетие безумно и мудро», дерзнув вывести на сцену «мужа единственного» (он же «фернейский злой крикун, поэт в поэтах первый») и «богоподобную царевну киргизкайсацкия орды» и даже описав секретную – никаким историкам неведомую! – встречу Екатерины Великой с Вольтером, Аксёнов остался самим собой – знакомым и непредсказуемым. В шепотном и чреватом нешуточными трагедиями карнавале шестидесятих годов осмнадцатого века проглядывают черты других – аксёновских – шестидесятих. Тех, что не хотят заканчиваться и в XXI веке. И имеют на то полное право» («Время новостей», 2004, 3 декабря). Но когда страсти поулеглись, большинство коллег Немзера из либеральной партии признали, что вообще-то жюри ошиблось, ибо талант Аксёнова давно поуял.

Свой последний, 26-й роман «Редкие земли» писатель выпустил в начале 2007 года. Критики восприняли его как сиквел, некое продолжение давних подростковых бестселлеров «Мой дедушка-памятник» и «Сундучок, в котором что-то стучит». Не зря писатель своими героями сделал комсомольцев самороспуска, которые в конце перестройки рванули в бизнес и потом на природных ресурсах сделали многомиллиардные состояния. В книге всё оказалось узнаваемо. Но романом её назвать было нельзя. Она получилась скучной и неинтересной.

Непонятно, для чего Аксёнов включил в неё 17 стихотворений. Второго Пастернака из него всё равно не вышло. Поэтом он всегда был никудышным.

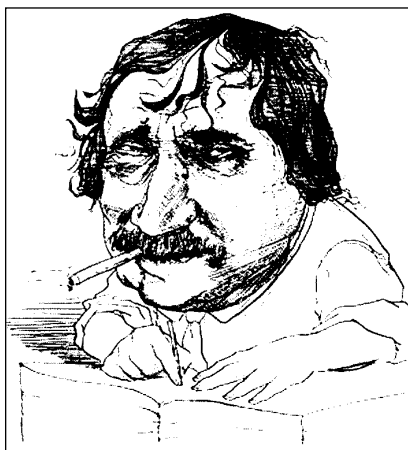
Последние годы Аксёнов жил в основном в Москве в высотном здании на Котельнической набережной. Он активно занимался спортом, совершал ежедневные пробежки, играл в баскетбол. Но в июне 2007 года у него неожиданно обострились проблемы со здоровьем. Врачи обнаружили у писателя сердечную аритмию и поставили ему кардиостимулятор.

15 января 2008 года Аксёнов был за рулём своей машины. В салоне автомобиля находилась также одна его подруга. В какой-то момент писателю стало плохо. Автомобиль потерял управление и ткнулся в ограждение у пересечения Лялина и Яковлепостольского переулков. На помощь писателю пришёл дежуривший поблизости сотрудник госавтоинспекции. «Скорая» доставила Аксёнова в московскую больницу № 23, где врачи поставили диагноз: инсульт. Однако в этой больнице не оказалось компьютерного томографа: медики не смогли сразу выявить тромб в сосуде. Из-за этого сгусток крови перекрывал Аксёнову артерию целых восемь часов, пока профессор Лежнев не сделал в НИИ скорой помощи имени Склифосовского писателю операцию.

В Склифе Аксёнову поставили новый диагноз: сопор (глубокое оглушение после ишемического инсульта). Потом писателя перевели в институт имени Бурденко. Там борьба за жизнь романиста продолжалась полтора года. Писатель долго был без сознания. Выхаживали его, помимо медперсонала, жена, приёмная дочь Алёна и сын от первого брака Алексей. И тут на семью писателя обрушился ещё один удар: в августе 2007 года неожиданно во сне умерла Алёна.

Умер Аксёнов 6 июля 2009 года. Похоронили писателя на Ваганьковском кладбище. Уже после смерти вышел его автобиографический роман «Таинственная история».

Вячеслав ОГРЫЗКО

**Василий АКСЕНОВ,
in David Levine Gallery**

Николай ЮРЛОВ

БЕЛАЯ РУССКОГО

Что везла в Архангельск Карская экспедиция капитана Бориса Вилькицкого?

Дорогу укажет маяк

Ещё в конце позапрошлого века молодой Востротин, страстный поклонник Фрильофа Нансена, предпринял морское путешествие из Лондона в Енисейск, пытаясь узнать, какие возможности открываются, если страна имеет в распоряжении уникальный естественный путь. В канун трёхсотлетия дома Романовых знаменитый норвежский непоседа также по воде пришёл в Енисейск, зажигаясь выступив перед изумлёнными горожанами. И закрутился в купеческих головах смелый план по загрузке Севморпути...

Даже революция и Гражданская война не смогли охладить этот пыл. На съезде представителей промышленности и торговли Енисейской губернии, проходившем в конце 1918 года, оборотистый капитал потребовал от правительства Колчака снаряжения арктической экспедиции для торговли с англичанами. Впрочем, Европа и сама была готова к посылке транспортных средств, чтобы завалить рынок хлебом, маслом, соболями.

Экономика неумолимо диктовала чиновникам свои правила игры. Сначала при кабинете министров создадут дирекцию маяков и лоций, а в апреле 1919 года она расширится до Комитета Северного морского пути (Комсеверо-

Свой новый дом золотопромышленник Василий Востротин как будто специально возводил на особицу, не втискиваясь в главную застройку Енисейска, к приискowym сотоварищам, а нарочито выдвинул двухэтажный фасад на самый берег могучей реки. Вот и получилось, что наследник Степан Васильевич, обучаясь наукам в Казани да Париже, с младенчества впитал в себя и тягу к сибирским просторам и безудержную устремлённость Енисейбатьюшки к суровому Северу.

путь). Управлять новой структурой, учитывая давние пристрастия, поручат экс-депутату Государственной думы Степану Востротину.

Главную цель перед комитетом обозначили сообразно военному времени: уже к лету организовать транзит грузов в архангельский порт. В условиях чрезвычайно короткой навигации осуществить это можно было при наличии ледокольных пароходов, незаменимых на проводке судов. Белым такие корабли достались даром, по наследству от старой России. Ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», построенные на Балтийском заводе, в начале Первой мировой за две зимовки впервые покры-

ли расстояние из Владивостока в Архангельск, но тогда перед мореплавателями стояли главным образом научно-прикладные задачи, картирование обстановки и промеры глубин.

Дальнейшее исследование Севморпути возлагалось и на арктическую экспедицию белых. Это был, конечно, бальзам на душу Верховного правителя России: в кабинете адмирала, как известно, висела карта полярных маршрутов, и маловероятно, что он намеренно подыгрывал публике. Участник высокоширотных экспедиций, организованных Русским географическим обществом, мысленно пребывал там, где хотя и не было военных действий, но удивительным образом сталкивались интересы и красных, и белых.

Хлебный транзит

Почти одновременно и в Совнаркоме возникла идея о создании гидрологической экспедиции в Северный Ледовитый океан (ГЭСЛО). Да и цель была, по сути, аналогична той, что ставилась в Омске: «наладить вывоз хлеба из глубин Сибири». Каким образом могло идти формирование грузов, догадаться нетрудно: отряды продразвёрстки уже проводили реквизиции по стране. Территория за Уралом не попала в этот чёрный список по причине создания

ОДИССЕЯ КОЛУМБА

Восточного фронта, и, выйдя из Белого моря, флотилия под красным флагом рисковала просто оказаться вне закона, не говоря уже о сложностях во время пути.

Внезапно в Архангельске власть переменилась. Бывший флигель-адъютант Борис Вилькицкий, кому непосредственно поручили возглавить ГЭСЛО, спустил на корабле «серпастый и молоткастый» и добровольно перешёл на сторону белых. Мореплаватель, который в 1913 году буквально наткнулся на архипелаг Северная Земля, возвестив миру о самом крупном географическом открытии прошлого века, сделал свой выбор. Правда, дорого заплатил за него: потерей Родины, близких и остатком дней в бельгийской богадельне.

Для «русского Колумба», как величала его зарубежная пресса, финал плачевный. Вилькицкий – фигура чрезвычайно яркая, но одновременно и трагическая: он так и не принял предложений лондонского полпреда Леонида Красина о советском гражданстве. Рассказывают, что, даже участвуя в полярных экспедициях в Карское море, организованных Совнаркомом РСФСР позже, в начале двадцатых, прославленный капитан опасался покинуть судно, ожидая возможных провокаций на берегу...

И напрасно. Полярного моряка ценили очень высоко: вряд ли кто лучше знал обстановку в районе Русской Арктики. Потому-то белые сразу же ухватились за профессио-

нала. Жаль только, что навигация в Белом море уже завершалась. Экспедицию пришлось отложить, и прорабатывался более короткий маршрут, без захода в Енисейский залив, где белые создавали Усть-Порт, а соответственно, и условия для швартовки судов. С восточным сектором Севморпути вообще решили не спешить. Оказаться зажатыми во льдах, да ещё во время войны – это, разумеется, авантюра, риск. Заход в Обскую губу, где намечалась перевалка грузов, таил гораздо меньшую опасность и на сотни километров сокращал путь. К весне 1919 года генерал-губернатор Северной области Евгений Миллер уточнил задачу, стоявшую перед Карской экспедицией:

– Сибирская армия переживает кризис вследствие недостатка кадров, оружия, обмундирования и всякого снабжения техническими средствами. Единственная возможность быстро доставить в Сибирь всё необходи-

мое – это переслать с полярной экспедицией.

В трюмах золото или медь?

В истории белого движения этот поход семи морских кораблей и двух десятков барж, совершённый в августе-сентябре 1919 года, можно считать исключительным. Лидеры двух правительств – омского и архангельского, – забыв про амбиции, наконец-то реально оценили положение на передовой и начали действовать, помня об угрозе поражения в случае разобщённости. Северная область, где не велось крупных сражений, имела некоторый избыток боевой техники, доставленной судами союзников. Баржи полярного каравана взяли на борт свыше 100 тысяч пудов военных грузов, в том числе аэропланы, автомобили, дефицитные медикаменты, и это была ощутимая помощь для Восточного фронта. Танки погрузить не удалось, зато около сотни ка-

дровых офицеров перебра-
сили на усиление Колчаку.
Незавидна судьба тех людей,
кто отважился отплыть в бур-
лящую, клокочущую Сибирь!

С прибытием флотилии
Вилькицкого в заранее изу-
ченную бухту Обской губы
архангельских пассажиров
ждало «пренеприятнейшее
известие»: неприступная обо-
ронительная линия, прохо-
дившая по реке Тобол, оказа-
лась очередным блефом

риха с эвакуацией сибирской
столицы. В принципе, устав-
ного рапорта можно было бы
избежать: всё кругом руши-
лось, до зерна ли, отправлен-
ного в Англию?

– Эта экспедиция, органи-
зованная на скромные сред-
ства нашей маленькой обла-
сти и проведённая вполне бла-
гополучно, несмотря на
предрекаемый ей союзника-
ми, а также специалистами из
норвежских кругов неуспех,

«Таймыр» у Северной Земли

штабных. Начиналась агония
белой армии, и двум морским
офицерам – Дмитрию Ко-
тельникову и Борису Виль-
кицкому – стоило больших
усилий, чтобы привести в
чувство команды кораблей.
Перевалка грузов, подошед-
ших речными судами, за одни
сутки была завершена. Пять-
сот тысяч пудов хлеба, трид-
цать тысяч пудов меди, сто
тысяч пудов масла, жира, ал-
тайского мёда – всё это об-
ратным рейсом ушло в Ар-
хангельск и далее – в туман-
ный Альбион. Пресловутое
золото Колчака на борт, веро-
ятно, не планировалось, хотя
именно эту версию нельзя от-
метать целиком.

Адмирал безгранично дове-
рял своим недавним сослу-
живцам, морским офицерам.
Неслучайно полковник кор-
пуса гидрографов Дмитрий
Котельников, именем кото-
рого назван остров в Карском
море, при аудиенции в Омске
докладовал адмиралу о по-
дробностях благополучно за-
вершившейся операции.
Встреча проходила в октябре,
когда была полная неразбе-

составляет несомненную за-
слугу нашего маленького Се-
верного флота, – так оценил
действия моряков военный
прокурор Северной области
генерал-майор Северин Доб-
ровольский.

На эксклюзивность прове-
дённой операции косвенно
указывал и факт присвоения
капитану первого ранга Бо-
рису Вилькицкому чина
контр-адмирала. Генерал
Миллер не поспешил, с чего
бы вдруг?

Новой власти присягнув

Но если отбросить всю эту
детективную мишуру и невоз-
можность её разгадки за дав-
ностью лет, для истории оста-
нется главное: пионерный
фактор экспедиции. Никогда
прежде караван судов в таком
количестве провести Сев-
морпутём не удавалось. До-
ставляли англичане рельсы,
когда возводился Транссиб,
но везли их на ледокольных
пароходах. А чтобы задейст-
вовать сухогрузы – такого не
было: не позволяла слож-
ность обстановки. Во время

Карской экспедиции 1919 го-
да ледовые поля на маршруте
появились уже в начале сен-
тября, пароходы повредили
винты, и только настойчи-
вость Вилькицкого разреши-
ла ситуацию. Опыт полярных
экспедиций был поистине
бесценен, именно поэтому
советское государство, кото-
рое, как и Российская импе-
рия, продолжало целенаправ-
ленное освоение Севера, не
«вычистило» белогвардей-
ский Комсевеопуть и не ра-
зогнало его. Почти в полном
составе он перешёл на службу
народным комиссарам. Ис-
ключение составил разве что
Востротин, который завер-
шил свою жизнь на чужбине,
редактируя в Харбине эми-
грантскую газету «Русский го-
лос».

На малой родине, в Енисей-
ске, в канун столетнего юби-
лея Государственной думы РФ
в 2006 году, о Степане Василь-
евиче неожиданно вспомнят,
открыв мемориальную доску
в честь городского головы,
сибирского политика и пуб-
лициста, патриота Русского
Севера. Назовут даже «выдаю-
щимся деятелем либерально-
го движения», кем он, пожа-
луй, и не был. А вот укрепле-
ние флота Енисейского паро-
ходства, куда вкладывал сред-
ства богатый золотопрмыш-
ленник, приобретение пер-
вых радиостанций для побе-
режья Карского моря, техни-
чески оснастивших Север-
ный морской путь, – это с
полным правом можно счи-
тать его заслугой.

Несмотря на политические
вихри, которые веяли над
страной, в России находи-
лись люди, мечтавшие о том,
чтобы в студёном океане су-
ществовало устойчивое
трансполярное сообщение.

г. КРАСНОЯРСК

Николай Алексеевич Юрлов родился
на вятской земле в 1954 году. Окончил фа-
культет журналистики Уральского универси-
тета имени А.М. Горького. Работал в област-
ных и краевых изданиях Самарканда, Томска
и Красноярска. Автор книг «По Сибири с го-
сударевой оказией» и «Звёздная миссия в
прошлом».

Бывает так: когда мы размышляем о счастье, то кажется, что кому-то его хватает, а у кого-то оно будто в избытке, а кому-то оно кажется очень далёким и находится обязательно где-то далеко, в хорошем, хорошем городе, среди добрых, добрых людей.

Как-то рассматриваем с сыном фотографии, и он видит, что его нет на них. Он спрашивает: «А я-то где?» Отвечаю: «Да ты ещё не родился, тебя не было на этом свете». Тогда он с намернувшимися слезами, с недоумённым выражением на лице говорит: «Да я всегда был, просто вы меня не видели. Я выбирал себе маму. Увидел сверху, как ты шла в магазин и покупала жвачку. Вот я и решил, что ты добрая, красивая и будешь моей мамой». После этих его слов поймала себя на мысли, что и я давно живу с чувством, как и у сына, что я всегда, всегда была на этом свете, просто до физического моего рождения меня не видели. С этим чувством постоянства на этой земле я живу и хожу по миру.

Мне очень повезло, как, думаю, и моим братьям и сёстрам. У нас хорошие родители, у нас были дедушки и бабушка. Мы знаем и имеем представление о нормальной, доброй семье. Фундаментом, основой, жизнеутверждением наших взглядов на мир, на окружение является корневая оленеводческая система воспитания, которая определила и нашу последующую жизнь.

С крыльца моего дома видны горы Полярного Урала. Рада, что имею такое счастье – видеть их каждый день. Они притягивают мой взгляд не только своей красотой, мощью, величием, но и тем, что именно там находится начало и основа многих хантыйских оленеводческих родов в нашем округе. Там много оленеводческих троп-свидетелей касланий ханты. Есть те, которые уже заросли, а есть те, на которых до сих пор слышны усталые скрипы

Юлия НАКОВА

нарт. Задаюсь вопросом: сколько сил, сколько сердечного тепла, человеческих усилий было нужно моим родным, соплеменникам, чтоб появилась я и многие такие, как я, ханты? Оглядываешься назад и испытываешь огромное чувство благодарности к своим корням, к своим пращурам, что в неимоверно тяжёлых условиях они создали и сохранили целый мир для тебя, опираясь на который ты живёшь и чувствуешь в себе нестигаемые силы живших до тебя. Вместе с тем испытываешь угрызение совести и стыд, что ты слабее своих предшественников, что не можешь воздать должное.

В семье своих родителей я родилась последним, седьмым ребёнком. У меня трое братьев и три сестры. Ещё у меня есть двоюродный братишка, которого вырастили мои родители, звать его Тяти. Его мама трагически погибла, поэтому он рос у нас. Стержень наших родов Сязи (по отцовской линии) и Серасховы (по материнской линии) основан на крепкой оленеводческой культуре, которой пронизаны наши сегодняшние мироощущение и миропонимание. На мой взгляд, это мощная система семейного, родового воспитания, выкованная временем и построенная на главных принципах – **самообслуживании, самообеспечении, когда полагаешься только сам на себя и свои силы.** Это система очень жизнестойкая и

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА

до сих пор у многих северных народов является главенствующей. Думаю, немало важный фактор холода вкупе с историческим опытом определили отточенные вековые традиции: в мировоззрении, в психологии, в быту коренных народов Севера. Такому отношению к жизни способствовали и большие расстояния между жителями стойбищ, угодий и селений. Именно эти моменты исторически сформировали у первожителей этих земель такую позицию, что живёшь, не надеясь **ни на государство, ни на его власть, тем более что эта система оказалась неустойчивой и не гарантирует постоянства.**

До сих пор в культурах кочующих народов опираются на древний алгоритм решения жизненных вопросов, а это, учитывая прошлый опыт пращуров, используя потенциал настоящего, создаёшь своё новое «завтра». Именно этот принцип оказался самым действенным и в нашей сегодняшней жизни, в жизни моей семьи.

К моменту моего рождения наша семья уже жила в посёлке, но родственные связи с оленеводами не прекращались никогда. Мы жили в ритме этих добрых оленеводческих традиций. Часто весной в ограде нашего дома они сушили хлеб для летнего кочевья. До сих пор для них наш отец делает нарты. Под весенние мелодии колокольчиков на нартах мы провожали их долгие вереницы аргишей в

сторону Полярного Урала. В летнюю пору мы ждали новостей с их горных стойбищ, как прошёл отёл оленей, как прошло время гнуса, а после по первоснежью мы вместе радовались долгожданной встрече.

Нас с братьями и сёстрами помимо родителей, бабушек и дедушек окружали еще и тётушки, и дяди, которые также имели своё доброе влияние на наше воспитание. Спустя многие годы я узнала, что некоторые из них и не приходились нам кровными родственниками, но поражает меня тактичность и деликатность в отношениях с ними наших родителей. Они с таким глубоким уважением, с почтением к возрасту относились к этим старцам, что мы, дети, считали их близкими родственниками.

Я уверена, что хорошие родители – это большое счастье для каждого человека. В моей жизни было очень много учителей. Добрых, понимающих, разъясняющих многое непонятное, которым я очень благодарна, но среди этих многих я считаю своими главными учителями своих родителей. Я никогда не считала, что уровень образования является эквивалентом интеллекта. Наши родители говорят, что подобно породистому, благородному оленю, хорошего человека из доброй, крепкой семьи, рода видно издалека. Он примечателен, как внешними данными, так и глубиной суждений, взглядами, поступками.

Для меня образцом мужчины является мой отец. В молодости даже своего будущего спутника я заочно наделяла теми мужскими качествами, которыми обладает мой отец. Мои братья очень много впитали от него. В них есть та же основательность, надёжность и предприимчивость. Для меня они самая надёжная, настоящая часть мужского населения Земли. Как и отец, несмотря ни на какие трудности, они умеют обеспечить свои семьи так,

чтоб было ещё и с избытком. Они умеют дорожить и своей семьёй. Очень заботливые отцы и мужья. Им было у кого этому учиться. Наш отец после оленеводства сам срубил дом в маленьком селении Собь, а затем приобрёл ещё один в посёлке и перевёз семью. Нам, детям, купил патефон и ставил пластинки. Один из первых в посёлке освоил сначала лодочный мотор «Вихрь», затем снегоход «Буран» и т.д., при этом с любовью техникой он на «ты». Это было ещё в начале 70-х годов. Он умеет всё то, что должен уметь делать хантыйский мужчина. В каждом своём зимнем, рыбацком становье он ставит сам дома. В своё время он был одним из главных передовиков во всём Аксарковском рыбозаводе. К нему приезжали корреспонденты из различных городов, ему присылали письма. О нём писали в прессе, в книгах. Частыми гостями в нашем доме были партийные работники различных уровней, тогдашнее районное, окружное начальство, творческие, пишущие люди. Его отправляли на пленумы, совещания. Мы ждали отца. Нам, детям, он привозил разные подарки, а мне зачастую платя красное цвета, и с тех пор мне очень нравится этот цвет в одежде, потому что он связывает меня с самым главным – с моими корнями, с моими родителями, с моим отчим домом. Несмотря на свои преклонные годы, наш отец всегда открыт новому. Он не боится перемен, ибо очень гибко умеет их приспособить в своей жизни. Когда появились первые сотовые телефоны, он с интересом осваивал, потому что это, как говорит он: «Хорошая, нужная вещь для оленеводов, рыбаков». А в новых импортных лодочных моторах он разбирается даже лучше современной молодёжи. С большим интересом и радостью они с мамой вначале рассматривали фотографии в нашей окружной ханты га-

зете, а потом он стал читать. При этом он ещё и пошутил: «Последний раз шестьдесят лет назад читал, это было ещё до войны». **Разве это не талант – уметь так дорожить жизнью?**

С рождения он наделён очень многими талантами. У него отличная память, он немногословен, но речь его очень богатая, и когда он говорит по-русски, то находит всегда очень точные выражения, что не каждый русскоязычный умеет так пользоваться своим родным языком. Мы выросли на его хантыйских сказках, легендах, рассказах. Очень умеет делать своеобразные подарки. Както в один из дней рождения одного из внуков он приехал с охоты, заходит домой, в руках держит соболя и говорит: «В тёмненькой шубке гость попросился на наш праздник». А однажды он с места отдыха за один день из Анапы через Краснодар, Москву приехал в Катравож, чтоб успеть на день рождения своего внука. Мама ещё с утра сказала, что если он пообещал, что приедет, то обязательно это сделает, потому что он хозяин своим словам. **Разве это не талант – так любить свою семью, своих близких?**

Среди наших приуральских ханты он считается большим мастером, ибо свадебные нарты для дочерей многие оленеводы заказывают только ему. Поэтому каждую весну он во дворе дома с утра уже мастерит, а потом, когда выпадает новый снег, то можно услышать, что совсем недавно опять прошла красивая хантыйская свадьба, и что нарты девушки были легки и изящны. **Разве это не талант – так любить свой народ?**

Он обожает своих внуков и является для них одним из главных авторитетов. В свои 78 лет он до сих пор ездит на снегоходе на очень дальние расстояния – в горы. Там у него избушка, там его уголья. В летнее время на этом стано-

вье он для внуков создаёт что-то типа современных этнолагерей. Днём они собирают ягоды, ловят рыбу, готовят на зиму дрова, косят сено, а вечерами деда обязательно рассказывает им что-нибудь из прошлого древних ханты и при этом подсказывает, как это можно применить в современной жизни. После по его рассказам они пишут сочинения, эссе для журналов, научные доклады, дипломные работы. Наш отец внешне очень серьёзный, но это не мешает ему шутить, особенно с внуками, и вообще он человек с большим чувством юмора. Часто, разговаривая между

У наших родителей с молодости самые близкие друзья по национальности русские. Юлия Андреевна Фёдорова, она была директором школы, вела немецкий язык, и Иван Сергеевич Погорелов, завуч школы, блестяще преподавал литературу и русский язык. Благодаря им наше обучение продолжалось вне школы. О древних инках, о городах-героях, о творчестве Эрнеста Хемингуэя, Джека Лондона, о Сталинградской битве и многом, многом, что не всегда можно узнать из школьной программы. Это люди высокой, внутренней культуры. С ними наши родители встре-

нежностью и заботой относиться к своей дочери. По его урокам, опираясь на его жизненную философию, она учила и нас видеть этот мир по-своему. Не бежать за толпой, а иметь собственное суждение. Не винить кого-то, а спрашивать в первую очередь с себя. Не быть рабом своих дурных привычек, не обслуживать чужие желания, а иметь собственный сценарий своей жизни и за свои поступки отвечать самому. У неё врождённое чувство вкуса. Сшитую ею меховую хантыйскую шубу я отличу от многих других. Она внесла в традиционный крой свои нюансы, которые придают фасонам её шуб стильность, элегантность и отличают от многих. Сшитые ею одежды не бросаются в глаза своей яркостью красок меха, сукна, ткани, а подкупают изысканной подобранностью материалов и элементами украшений к нарядам. **Разве это не талант уметь создавать красоту?**

Иногда, забегая мыслями в будущее, думаю: «Какой я буду свекровью?» Смогу ли, не зарываясь в своей эгоистической, собственнической любви к сыну, принять его выбор и полюбить по-матерински его жену, как это делает наша мама по отношению к своим невесткам. Ненавязчиво подскажет, как правильнее поступить с ребёнком, с житейской мудростью разрешит сложную, жизненную ситуацию и в трудный момент найдёт именно те слова, которые действительно поднимут с колен, и человек обретает крылья уверенности и силы. Знаю, и не раз убеждалась, что её невестки очень дорожат ею, а у зятьёв она пользуется глубоким уважением. **Разве это не талант – быть хорошей свекровью и тёщей?**

По долгу работы наши родители находились вдалеке от нас, детей, на угодьях. Конечно, перед отъездом они закупали нам продукты, давали свои наставления и пору-

собой, мы, дети, и даже уже внуки используем арсенал его юмористического лексикона. Он большой труженик, я вообще не помню, чтоб днём он мог сидеть дома. Когда он приезжает с угодий в посёлок, то, несмотря ни на какие погодные условия, у него всегда есть дело. Как-то в один из весенних дней выюга озорливо выплясывала на улицах нашего селения, был объявлен шторм прогноз. Видим из окна, что он усердно выкапывает что-то из-под снега. Оказалось, это заготовки лыжин для нарт. Когда мы сказали, что надо бы переждать непогоду, то он в свой шутливой манере ответил: «Разве у меня что болит?!»

чали праздник Нового года, праздновали хантыйский Вороний праздник, делились традиционными знаниями, ездили вместе в дальние города в отпуск. Не это ли пример для всех нас, детей?! Какие должны быть отношения в жизни между людьми. **Разве это не талант – уметь так дорожить дружбой?**

Наша мама, Марфа Яковлевна Сязи, светлая, очень красивая, глубокая по содержанию женщина. Её папа, наш дед Яков, был не простым человеком, он был шаманом. Свою старшую дочь, своего первенца всюду брал собой. По характеру он был строг и требователен, но это не мешало ему с большой отцовской

чения. Именно это и сформировало в нас, в их детях, большую самостоятельность и ответственность: за свою жизнь, за близких, за дом. Мы рано научились сами себя обслуживать, распределять деньги, готовить себе пищу и решать бытовые вопросы. После мне это очень пригодилось в жизни, особенно в самых сложных ситуациях, когда ты не боишься предстоящих трудностей, а расплетаешь проблему, как косу, одну прядь за другой. **Разве это не талант – быть хорошим родителем?**

Помню, как-то в детстве, в летнюю пору наши чумы стояли недалеко от Салехарда. В одном из чумов жила семья Сайнаховых. Глава семейства был очень уважаемым человеком-фронтовиком, он дошёл до самого Берлина. Из рассказов родителей мы очень многое знали о его поистине героических поступках на войне. Как-то я зашла к его жене, она была старше нашей мамы, поэтому мы, дети, обращались к ней «имаем», в значении бабушка. Она была очень доброжелательной женщиной. Её дети были уже взрослыми и разъехались. Хантыйские женщины обычно за разговором, чтоб впустую не тратилось время, мнут руками оленьи лапы (камусы), таким образом, совмещают полезное с приятным. Вот сидит она на низенькой хантыйской скамеечке, мнёт натруженными руками оленью лапу и приговаривает: «Приедет сынок и обрадуется, что сшила я ему новые тупрат (меховая обувь)». Она подарила мне свой напёрсток, которым я пользуюсь и который, думаю, до сих пор хранит тепло её добрых рук. После, в своём детском чумике, я очень часто играла сцены из её жизни и тех людей, что жили рядом. Бывало, то куклу одевала в хантыйские наряды, то перекладывала из игрушечной люльки в кроватку. То мне было тесно в формате моей хантыйской культуры, то, на-

оборот, без неё мне казалась жизнь неполной. Всё это после перекочевало и в мою взрослую жизнь. Конечно, основополагающим стержнем моей жизни является моя родная культура ханты народа, но совместно с той, которая окружала меня за пределами моего дома: в детском саду, в школе, в институте, на работе. Поэтому я считаю своими родными языками два языка: это хантыйский, на котором я впервые сказала главные слова в своей жизни: «мама», «папа», «жизнь», и русский язык, потому что я просыпалась, как и многие в нашей стране, под гимн Советского Союза, ходила в детский садик, пошла в школу. Мне нисколько это не мешало, а наоборот, это расширяло границы моих знаний, моё видение. И сейчас на мир я смотрю через призму тех культур, в которых я формировалась. В своей личной жизни, в одежде, в быту, в работе, в воспитании своих детей я вижу тесное переплетение элементов этих культур во мне и ничуть не жалею. Именно так я и чувствую жизнь и позиционирую себя в ней.

У меня были и есть хорошие учителя – это мои родители, мой род, моя родня. Думаю, и моим детям есть на что опираться, есть то самое важное, что должно быть в жизни человека – это понятия: семья, дом, род. Поэтому когда размышляют о счастье, думаю, наличие этих составляющих в жизни и есть счастье, которое везде с тобою, до

тех пор, пока ты сам это ценишь.

У мужа моего корни тоже древние, оленеводческие. Нам это очень помогает. Потому что ценности жизни одни, построенные на основе хантыйских традиций. Дети наши учатся и живут в городских условиях. Конечно, испытывают голод общения на родном языке, связь с родной культурой. По мере возможности мы помогаем им познать своё родное, хантыйское, чтоб достойно представлять через себя, по мере своих сил частичку своего древнего народа. Мы с мужем не изобретаем ничего нового, а просто делаем так, как это делали наши родители, наши пращуры, ибо наша жизнь показала, что хантыйское, традиционное воспитание оказалось самым жизнеспособным (в нашем случае), потому как не отвергает устойчивости традиций и гибко к изменениям в жизни. Именно эта древняя система отношений оказалась так современна, когда ты рассчитываешь только на себя, на свои силы, на свой потенциал умений, воли, ума, а не живёшь в аванс, в долг, как попрошайка.

После работы, когда заканчивается рабочее время, каждый из нас, не важно, слесарь, генерал или оленевод, приходит домой, в свою семью, которую ты создал сам, и это твоё государство в государстве. Мы не все можем быть президентами страны, генеральными директорами, кандидатами различных наук, но самая главная роль, самая добрая роль в театре жизни, может, принадлежать нам – мы можем быть родителями. Это большое счастье, которым мы наделяемся не за особые заслуги, а это добрый жест щедрости самой жизни к нам. Разве это не счастье?

...Может, и поэтому я ощущаю себя в этом мире, как и мой сын, что всегда, всегда была на этом свете и буду...

г. САЛЕХАРД

ОДИНОЧЕ Я КУКУШКИ

Глеб Яковлевич Горбовский

Одно время мне казалось, что Глеб Горбовский – поэт милостью Божьей – не будет связан путами службы. Черты личной биографии поэта должны бы отпугивать его от служения. Казалось, что...

Поэт Глеб Яковлевич Горбовский родился 4 октября 1931 года на севере от Ленинграда, в Коми – так было записано в паспорте Глеба, он таскал паспорт в кармане пиджака, не расставаясь.

Родители поэта Глеба Горбовского были преподавателями русского языка и литературы. По словам Глеба, его отец был репрессирован по нелепому доносу (кажется, за покушение на жизнь Кагановича). На допросе Якову Горбовскому выбили глаз ударом толстого тома «Капитала» в кожаных корках с латунными наугольниками. Яков Горбовский отбыл десять лет в трудовых лагерях, а потом не получил права на жительство в крупных городах Союза и поселился на Волге, вроде бы в Кинешме. После ареста отца мать Глеба вышла замуж за прокурора, который обвинял Якова Горбовского на процессе (нынче в этом чувствуется не ужас, а водевильный сюжет, пригодный для оперетты, которые перестали привлекать зрителей и слушателей). С новой семьёй она переместилась на юг – в Крым, что ли, а Глебу осталась большая полутёмная комната (29 кв. м) на 9 линии Васильевского острова, где главной мебелью были стеллажи с книгами.

Русский поэт Глеб Горбовский незаметно скончался в конце 60-х годов XX столетия в СССР, а член Союза советских писателей Глеб Яковлевич Горбовский продолжает славное проживание в Ленинграде на Васильевском острове в месте, которое по старой памяти зовётся Гаванью.

Глеб Яковлевич Горбовский издал... Точнее, поэту Глебу Горбовскому определённые административно-литературные инстанции издали более десятка книг, включая «Избранное». Название «Избранное» удивляет и звучит странно для совмещения с именем ещё живого автора: то ли Горбовский обещал не писать лучше, чем в «Избранном», то ли признал себя неспособным к дальнейшему созиданию поэзии.

– Глеб – это эпоха! – говорит голос Константина К. Кузьминского из телефонной трубки. – Вот и вчера опять всю ночь говорили о Глебе. Глеб – мерило...

Первой реакцией был протест: это не так! Не может один человек быть эпохой чего бы то ни было. Протест был бессловесный, – по американскому телефону не поспоришь, ежели абоненты не имеют постоянного и приличного (по величине) дохода. Второй реакции у меня не было – её заменила боль о былом и удивительная ясность о прошлом – зрячесть вспять, узрение, а не прозрение – без домыслов, как на ладони, как без расстояния во времени.

*Любившими доказано:
Любовь в разлуке зорче.*

Глеб Горбовский, строчки из неудавшейся поэмы о Ленинграде.

Не могу оспаривать поэтическое знание Глеба Горбовского – и верить не могу. Утверждение его – штамп – нарочитый и принудительный вид литературного ляпа, которые крепко и надёжно прижились в издательствах, вероятно, всех стран и народов, потому что официальные власти где бы то ни было любят такие штампы, возможно, учат им в университетах, зная, что штамп (или ляп) оставляет в пальцах вмятину – форму кирпичика законного, служебного, обязательного понятия. Эти кирпичики строят удобное или нужное сознание масс.

Однако пора назад – к нашим баранам.

Со слов Глеба мне ведомо, что в 1941 году он был отправлен на дачу в деревню к дяде. Его в деревне захлестнула война. Немецкие солдаты из озорства спаивали подростка шнапсом. Глеб привык к выпивке и пронёс эту привычку до семидесятых брежневских годин – тридцать добрых, злых, голодных, свирепых лет, а в сорок лет от роду оказался непьющим...

Среднюю школу Глеб не закончил – перескочил в «ремесло» и получил профессию плотника. До призыва на воинскую службу он успел побывать в колонии для малолетних правонарушителей. После колонии два года отбыл в стройбате (армейский филиал исправительно-трудовых лагерей). За два года службы солдат Горбовский получил 196 суток ареста и в конце второго года службы был уволен из армии по болезни.

В самом начале пятидесятых Глеба завели ко мне друзья. Я был несколько ошарашен визитом. Ничего путного о Горбовском я не знал, Бузинов сказал, что «он тоже пишет».

В этот же вечер Глеб прочёл несколько стихов из записной книжки. Глеб читал так, что невозможно было уйти от сочувствия поэту или от соучастия в его драме. Никто и не противился. Ещё не стихи, а ритмы увлекли и связывали нас.

Дружба с Глебом началась стихийно – нормально, симпатии были взаимны. Явление Глеба на улице в жилете с бубновым тузом на спине не забылось, об этом вспоминалось, как о шутке Времени, которое наряжает нас по страстям нужды. Не знаю, писал ли Глеб Горбовский стихи в отрочестве – в ремесле и колонии, но знаю, что он хорошо пил, а пьяный – зверел.

Однажды мы с ним бежали на Малый проспект в непопулярный гастроном, где продавались непопулярные настойки, которые были на треть дешевле водки. Наш путь был мимо ремесленного училища. На крыше ремесла вдоль карниза, пошатываясь, двигались два ремесленника в униформах.

– Резнутя, – сказал Глеб.

– Нет, – возразил я. – Пожарные снимут. Тут уже снимали таких...

– Это меня снимали, – без восторга признался Глеб, он был знаменит подвигами, пока учился в ремесленном училище.

Знакомство наше растянулось более чем на тридцать лет, а на долю дружбы выпало меньше трети, но в эти годы (с 1953 по 1961) творчество Глеба Горбовского напоминало штурм различных крепостей противника – крепость издательств, крепость любви, крепость коммунального быта и мелкие укрепления (препятствия) на пути к признанию тунеядца поэтом. По словам Глеба, к 1962 году им было написано шесть поэм и около тысячи стихотворений. В сборник «Избранное» вошло 450 виршей, из которых только 70 помечены датами ранних лет. Где же остальные стихи поэта? Они были – они не выдумка, даже в моей памяти осталось больше стихов, чем в «Избранном». Впечатле-

Иосиф Бродский, Анатолий Найман и Глеб Горбовский

ние, что Горбовского обокрали не только в черновиках, но и в памяти. Или он не хочет вспоминать былого. Он отрекается от былого – ему милее чёрный пробел вместо памяти. Весь длинный ряд публикаций поэта Горбовского доказывает, что Глеб «стесняется» быть таким, каким он был, каким он реагировал на каждую каплю горя и смуты, любви и самоутверждения.

*Мой разум – скопище экстазов,
мои эмоции взбурлили, –
я горд, что голосую сразу
за бытие планет и пыли,
за стойкость атома в природе...*

Начало поэмы «Право на себя».

Не знаю, опубликована ли эта поэма, но это была лучшая поэма Горбовского – кипящая, страждущая и очень молодая. Герой поэмы и автор были одинаково притягательны, им верили, за ними хотелось повторять строчки – влиться в вихрь мыслей и чувств сторонниками и поклонниками. Кажется, это был последний взлёт поэта. Потом поэт расстался со смелостью и свободой. Авторская правка ранних стихотворений показывает эту трансформацию. Сперва это казалось временной уступкой цензуре или идеологии, но потом наступили годы службы или годы работы по правилам издательства. Примеры такой правки.

Было:

*...квинтэссенция в хлебе,
в парт и проф. нахлобучках.*

Стало:

*...квинтэссенция в хлебе,
в бытовых нахлобучках.*

Было:

*Я буду стрелять,
если в выстреле сущность,
с улыбкой умру за родимую Русь,
но я догадаюсь, я разберусь...*

Стало:

*Я буду стрелять,
если в выстреле сущность,
с улыбкой умру за Советскую Русь...*

В каждом варианте поэт изменил только по одному слову, зато стусеивал смысл стихотворений, которые из «непечатных» превратились в «проходные» или – служебные.

Началом оригинальной поэзии Глеба Горбовского бесспорно явилось краткое, как выдох, стихотворение «Ослик». Это стихотворение показало неразрывность фактов биографии поэта с географией. Глеб открыл свою землю, на которой поселились его образы, чувства и прозрения. Ленинградцы должны бы помнить, что в 1954–1955 году по городу из района в район перевозилась на ослике касса цирка.

*Рыжий ослик, родом из цирка,
прямо на Невском в центре движения
тащит фургон. В фургоне дырка –
касса, билеты на все представления.
Ослик тот до смешного скромн,
даже к детям он равнодушен.
Город-грохот так огромен –
в центре ослик, кульками уши,*

*славный ослик, немного грустный,
служит ослик, как я, искусству.*

При всех шероховатостях стихотворного материала, обаяние поэта и ослика так велико, точность попадания в читательское сердце такая снайперская, что «Ослику» ничего другого не оставалось, как выполнить свою миссию – ввезти в святой город поэзии новое имя.

Глеб Горбовский не только написал удачное стихотворение, он ещё уловил возможность эксплуатации определённого приёма мастерства – поймал возможность стиля, что ли, и сразу посыпались стихи с ювелирной пробой «Ослика» – «Муха», «Зеркало», «Воздух», «В автобусе» и другие. Основные (возможные для публикации) стихи этого потока появились в альманахе «Молодой Ленинград» в 1956 году, когда имя поэта было уже на устах студентов – самого массового и самого активного класса любителей поэзии.

В 1954 году о поэте Глебе Горбовском ещё никто не знал. В записной книжке были песенки, куплеты и даже частушки, сотворённые во время солдатской службы:

*У сержанта новый ремешок.
Ты, сержант, хороший корешок,
убери ремень с дороги,
чтоб глаза он не мозолил.
Дважды два ему приделай ноги.*

*Ты любитель беленькой «московской»,
я её поклонник с давних лет.*

*Вам клянётся сам солдат Горбовский –
В целом мире лучшие водки нет.*

*Маленькая пьяная деваха,
из какого бара ты ушла?
На тебе вся порвата рубаха,
ты почти раздета догола...*

*Когда качаются фонарики ночные
и тёмной улицей опасно вам ходить,
я из пивной иду, я никого не жду,
я никого уже не в силах полюбить...*

И намёка не было, что автор станет служить кому бы то ни было, хотя некоторые куплеты писались Глебом по заказу замполита воинской части и исполнялись поэтом для солдат под гитару, вероятно, в воспитательных целях. Такова была песенка о гниющем «Западе»:

*Сидела пара на скамье,
И мисс в объятиях дрожала,
А время как всегда – чик-чик,
А время как всегда – чик-чик – бежало.*

*Он нежно мисс поцеловал,
Нажал, и часики сбегали, –
В кармане мистера чик-чик,
В кармане маленьком чик-чик – стучали...*

Кстати и не – о «Фонариках».

Это была лихая песенка – привязчивая и удаляя, и – грустная. В середине пятидесятых не было сомнения, что песенка принадлежит Глебу Горбовскому – он её пел нам, от него мы узнали о «Фонариках», они – Глеб с песенкой – были похожи по эмоциям и по знанию теневого социального мира. И вдруг в 1961 году вышел на экраны фильм «Гибель империи», где в одном из эпизодов уголовник в каталажке (актёр Николай Рыбников) поёт «Фонарики». У Глеба в ту пору ещё не было широкой официальной известности и не было весомых хватких друзей, которые могли бы протащить в фильм весьма скользкую для цензуры песню. Сколько помню, авторского гонорара за песню в кино Глеб не получал...

В августе 1961 года я был в Свердловске проездом – ждал поезда и грелся в кинотеатрах, придворных вокзалу. Завело меня на «Гибель империи». Когда Рыбников запел «Фонарики» – я сомлел, как говорили мои уральские родственники, – ура, наше поют! А потом промелькнула тень подозрения: поют? Разрешили? Когда? – И забылось. Не до подозрений было в ту пору. А нынче ясно, что «Фонарики» присвоенная Глебом песня. Он её где-то нашёл или наткнулся, а расстаться не смог. По словам Глеба, «Фонарики» написаны в 1951 году, но в то время он ещё не владел стихом, а песенка сделана мастерски. Публикация полного текста «Фонариков» в антологии К.К. Кузьминского – полное доказательство плагиата, так как там есть весьма старомодный куплет, которого я от Горбовского не слышал за десяток лет исполнения на попойках, а в этом куплете сидят реалии дореволюционного города, которых Глеб знать не мог и выдумывать не стал бы – не его метод обживания поэтического пространства. Думаю, что Глеб «узнал» себя в песне, которую встретил, как любовь, с открытым сердцем...

После успеха первой волны бытовых стихотворений в стиле «Горбовский», он пишет как в рукопашной – напором, напролом, до победы. Редкий день он не рождал стихов, обычно же появлялось два-три, а то пять-шесть стихотворений за ночь. Ночь была временем чувств и прозрений поэта. Неудачная поэма «Дебри» была написана за две ночи на коммунальной кухне в квартире, где я прожил большую часть жизни. Поэма была небольшой – три сотни строк приблизительно, осколки поэмы вошли даже в «Избранное» – отдельными стихами – «В кабине», «Рубины малины в кустах при дороге». Бережливо отнёсся поэт к тексту рыхлого изделия, а бережливость рассказывает, что он тоскует о поре, когда можно было не оглядываться на правила, вернее, нужно было не оглядываться на правила – смелость возбуждала автора и его слушателей.

После первой книжки «Поиски тепла» стихия напора стала угасать, появились стихи, в которых личность поэта запряталась в кусты слов... Мы были как бы в расколе в ту пору, стихи Гор-

бовского доходили ко мне в публикациях, из этих публикаций ничего интересного не попало. В разговорах о Горбовском я говорил, что он выдохся. Допустить, что Глеб стал служить – исполнять чьи-то идеи или прислуживать административно-хозяйственной власти, я ещё не мог – ещё казалось, что уступки цензуре временно необходимы.

С 1971 года я как бы спрятался от литературных склок и околотитулярных дружб. О Глебе в это время знал с чужих слов только то, что он бросил пить, носит кожаный пиджак и золотой перстень и вставил золотые зубы. Последняя наша встреча случилась в ОВИРе, но в рот я ему не заглядывал и не обратил внимания на одежду Глеба, может, правда, что он стал, как цыган, может – нет...

В каждой работе о творчестве художников – будь то биография, критическая статья или исследовательские раскопки, – неизбежны факты. Эти факты подкрашиваются доброжелательностью или желчью, так сказать, освещают желанным светом заурадные поступки избранного индивида. Моя работа о Глебе Горбовском скорее всего некролог, а литературная форма некролога требует сдержанности и приличий. Это скучно – сдерживаться.

*Боюсь скуки, боюсь скуки!
Я от скуки могу убить.
Я от скуки податливей суки –
бомбу в руки, буду бомбить...*

Прав поэт. Присоединяюсь, вернее – отсоединяюсь от пошлых приличий и хочу посплет-

ничать о Горбовском – о живом, бытовом, а не книжном, чтобы фольклор о поэте выявил черты истинности и ежедневности.

Внешность Горбовского

Он близорук, глаза сидят очень близко к переносице, брови и ресницы густые и неяркие. Если Глеб смотрит вдаль, он щурится, морщит нос, рот открывает треугольником, как кот. Если смотрит себе под нос, глаза делаются круглыми, зрачок судорожный, цепкий – словно зверик смотрит. На голове Глеба тьма волос – двоим бы хватило и – ни плешинки, – волос рыжеватый, тусклый, жёсткий, толстый.

Глеб довольно высок, то есть в пятидесятые годы рост 178–180 сантиметров считался высоким, но следующие поколения, рождённые после войны в относительно сытные времена, стали крупнее (длиннее), и Глеб Горбовский стал человеком среднего роста.

Горбовский в труде

Он не был силен и не был здоров физически. От постоянного пьянства он испытывал изжогу и боль в брюхе. Физический труд Глеб ненавидел и трудиться на производстве не стремился, в чём был безусловно прав, так как труд поэта – поэзия, а не пиление, таскание, взрывание, сверление, черчение и все прочие виды обязательной деятельности, которые вовсе не обязательно спасают от нужды.

Трудовая биография в стихах Горбовского делается наглядной, как плакат, при небольшом внимании к интонации голоса поэтических произведений. До вступления в члены Союза писателей социальное положение Глеба считалось установленным – тунеядец. Он мог быть наказуемым милицией и тяготился возможностью такого случая. Друзья-поэты-геологи несколько раз устраивали Глеба в геологические экспедиции на различные подсобные должности (рабочий, коллектор, взрывник и т.д.). Первый серьёзный труд коснулся Глеба на острове Сахалине, где он работал со своей первой дипломированной женой-геологом Лидией Гладкой. Вот, пожалуй, и вся трудовая биография Глеба Горбовского. Он ещё числился грузчиком на морском заводе, но это не долгая и не привлекательная история.

Член Союза писателей Глеб Яковлевич Горбовский сразу прекратил заезды с экспедициями, стал оседлым, что ли, и катается только в дома творчества да иногда к родственникам последней жены в Белоруссию – эти факты неизбежно отражены в творчестве поэта.

Удивительно, что критика как бы не заметила стихотворения «На лесоповале», хотя оно было опубликовано не менее десяти раз за двадцать лет. Стихи говорят:

*Тела, смолистые от пота,
а брёвна, мокрые от тел, –
так вот какая ты, работа...
Тебя я так давно хотел!..*

В 1958 году (дата рождения стихотворения) Глебу Горбовскому было двадцать семь лет – полная зрелость, а он ещё не отведал труда. Физический труд на лесоповале был поэту в диковину. Хотение труда – ложь, увёртка, приписка, угодная редакторам издательств и иным инстанциям, управляющим сознанием населения страны.

Фольклор о Горбовском

3 мая 1955 года Глеб Горбовский выпал из окна третьего этажа на лестничной площадке. Он был бос – в одних носках. Глеб не пострадал – не разбился и даже не оцарапался, – он шагнул на поленницу дров, покрытых ржавым кровельным железом, – грохот был жуткий, как взрывы. Стены двора-колодца отражали звуки, усиливая их...

Зачем Глеб выпал из окна? – Он решил сбежать от компании современников, исчезнуть в закоулках своих желаний, потеряться для любопытных и навязчивых. Возможно, что его душа жаждала встречи с ветром – без свидетелей. Для необутого человека это было неправильно и, должно быть, опасно. Возвратить беглеца вызвался человек сравнительно трезвый, богатырский силы и непоколебимого здоровья. Он догнал Глеба под аркой двора.

– Идём назад, Глеб. Куда тебя понесло? – говорила лошадиная мощность.

Вероятно, Глеб воевал в глубинах воображения, он сказал:

– Давай я тебе сперва в морду резну, потом пойдём.

Ему разрешили резнуть. Глеб развернулся и наотмашь ударил здоровяка по челюсти, но видимого результата не проявилось, здоровяк даже не покачнулся, это явно разочаровало Глеба.

– Не, – сказал Глеб. – Надо не так. Давай снова.

Во второй раз Глеб угодил здоровяку кулаком в горло. Богатырь заперхал, закашлялся, но отплевался, утёр слёзы, а потом взвалил Глеба на плечо и принёс на четвёртый этаж в комнату нашего веселья. Весь путь на плече Глеб лежал спокойно, как обещал по уговору.

Глеб ходил в баню крайне редко – не чаще раза за полугодие – не было смены белья. Мелочи нищеты не очень беспокоили Глеба. Главным в игнорировании моечного процесса была стеснительность. В ранней юности некто изрисовал кожу Глеба аляповатыми татуировками. На груди лира не меньше суповой тарелки в диаметре. На ногах и иных местах кожи обнажённые человечки... «С дурацким якорем на лапе к тебе привяжется субъект...» – говорилось в одном из стихотворений к сыну. Татуировок своих Горбовский стеснялся до такой степени, что не снимал рубахи даже в глуши, где население попадалось не чаще одного человека на квадратный километр. Стеснительность – яркое и сильное чувство Горбовского, когда он одолевал свою стеснительность, то становился наглым:

– Вы без меня задохнитесь! Задохнитесь! Задохнитесь!

Так орал пьяный Глеб. Ему не верили.

Глеб Горбовский остро чувствовал юмор, и сам бросался насмешками, в которых к юмору прилипали частички грязи. В быту (можно сказать, ежедневно) Глеб оперировал несколькими аксиомами-прибаутками, ссылаясь на своего дядю, мол, там, в деревне, в оккупации дядя так шутил.

– Берцы! – с сатанинской усмешкой кричал Глеб.

– Всё говно, кроме мочи!

– Лататы по кустам!

Не дай вам Бог спросить, что такое лататы. Я, например, спросил – слово было в диковинку.

– Лататы – такая же «звезда», как ты, – с мрачным восторгом ответил Глеб.

И всё же обладая ораторской способностью объясняться на уличном языке, Глеб использовал умение крайне редко – уверен, что реже любого ИТРа. У озлобленного Глеба чувство юмора переходило в патологический сарказм:

*На трибуну вышел Рацер –
Надо ж где-то обосраться.*

Борис Рацер писал стихи – я из них не запомнил ни строки, но помню его имя на афише, значит, он стал комедиографом или драматургом...

*У Мочалова моча
по стихам бежит, журча,
и Мочалова мочу
я читаю и молчу.*

Лев Мочалов был виноват перед Горбовским тем, что раньше Глеба стал печататься, других грехов за Львом Всеволодовичем не водилось.

Область жизни «Горбовский и женщины» заслуживает многих страниц, а то и целой книги... У Глеба не было и не могло быть только функционального физиологического инстинктивного отношения к любви. Поэтический дар явно не помощник в любовных делах – это исторически заметно, вероятно, нет ни одного имени в тесных рядах русских писателей, кто ласково парил на крыльях взаимности, кого полёт любви не сбивал с ног, а иных – убивал. Не выдержала любовного чувства Глеба даже такая оригинальная женщина, как Лидия Дмитриевна Гладкая. А рядовое даме любит поэзию, как наряды, – до и после постели.

Глеб влюблялся мгновенно – судорожно, пламенно. Если бы женщины умели, любая могла бы привязать его к себе навечно. Расставшись с любовью, он попадал как бы в полынью охлаждения – трезвел от одиночества и писал стихи.

Стихотворение «Женщинам» – рыцарское признание их силы и притягательности:

*Нас женщины любили –
спасибо им от нас.
Для них мы щёки брили
порою лишний раз,*

*для них цветы по кличкам
старались называть,
для них сообщца и лично
ходили воевать, –*

*они нам грели спины,
кормили нас борщом,
они, мужей покинув,
таких живых ещё,*

*шли даже к нам – к бродягам,
немытым и худым.
За эту их отвагу
да будет счастье им!*

*Да снимут с них проклятья
бессонные мужья!
Как зная, край их платья
теперь целую я.*

К сожалению, взаимностью Глеба не баловали, но были случаи, когда красавицы избирали его, а он и не сопротивлялся.

Горбовский на природе... Я видел его за пределами города дважды – на Ивановских порогах и на озере Вяльем.

К порогам мы отравились резвиться, но Глеб отказался раздеваться, боясь чужих глаз, и купаться не стал, не умея плавать.

Зато выезд на рыбалку на озеро Вялье оставил след в литературе Горбовского:

*Хлеба на озере нет два дня,
Скоро не будет огня...*

Мы были втроём. В деревне Ящера пообедали так плотно, что запамятовали обо всем на свете. После обеда собрались и пошли на озеро – за десять километров от Ящеры. Добравшись, стали распаковывать вещмешки и выяснили, что у нас есть топор без топорща, ложки позабыты в деревне вместе с продуктами, к ружью не было патронов, а к удочкам не захватили червей. На болотистых берегах наживку найти не предвиделось... Набралось на троих – одна горбушечка чёрного хлеба и один пищевой концентрат из пшена. Топором без топорща вытесали топорщице. Топором же вырезали деревянную ложку. Ширяич – наш друг, студент Военмеха, человек широкой души, не пожалел хлеба – отщипнул крошку и нанизал на крючок удочки. И клюнуло! Лучше того – поймалась рыбка!

*...попался ёрш, один, как перст,
наверно, ужасно глупый...*

Рыбка была длиной в палец, похожая на плотвицу и на язицу, а может, и на линя. Мы её спекли на хворостинке и пожрали без соли. Мы на рубили лапника, чтобы сидеть у озера было не мокро. Мы грелись у костра и шутили, но, кажется, не улыбались.

*Мы три сосны подстилки ради
Срубил ночью второпях...*

Потом на нас напали комары.

*Комар вонзился в прокопчённый палец,
но я стерпел, я слова не сказал,
и кровью человечьей наливались
немые комариные глаза...*

Утром, не выспавшиеся, мы бежали назад в Ящере, а там опять объелись у родственников Ширяича, у которого родным был каждый второй житель. У кого-то из родных Игорь добыл плоскодонку, и мы отправились на речку Ящере блеснить щук на дорожку. При ловле на дорожку леску держат в зубах или наматывают на палец ноги – чувствительность рыбака в этих местах равная, а руки остаются свободными для работы и грели.

Ширяич сидел на вёслах, дорожка была намотана ему на босой палец ноги. Я играл дорожкой вручную – отпускал блесну и подтяги-

вал – без толку, разумеется. Вдруг Ширяич бросил вёсла и схватил себя за ногу. Он осторожно потянул, шепча: – Держит! – И вытянул красавца-щурёнка – стройного, яркого и очень живого. Весу в щурёнке было не больше, чем полкило.

Глеб сразу оживился.

– Дай мне, – сказал он Игорю. – А как я узнаю, что клонуло?

– Рыба дёрнет, как зацепится, – ответил Ширяич.

Через какую-то минуту Глеб выдал сдавленным голосом:

– Зацеп... Зацепилось...

– Тяни! – посоветовал Ширяич.

Глеб потянул с напряжением и вырвал из воды великолепную щуку (раз в пять крупнее щурёнка). Над лодкой щука выплонула блесну и полетела вниз, колотясь о днище лодки, прыгая и извиваясь. Следом за щукой вниз прыгнул Глеб – через меня, через Ширяича, забыв, что плавать он не умеет, что плоскодонка не очень устойчива... Глеб впился в щучий загривок всеми девятью пальцами, оскалился, как щука, и стал душить. И щука вдруг запищала тоненьким предсмертным фальцетом.

После победы над зубастой щукой Глеб спросил:

– Что это она пищала?

– Ты ей воздух выдавил из плавательного пузыря – воздух пищал, – ответил Ширяич.

Двое суток мы пробыли в Ящере. Глеб не расставался с записной книжкой, как я не расставался с красным галстуком. Мой галстук всегда смешил друзей, а Д.Я. Дара – раздражал. Глеб внёс слово «галстук» на страничку записной книжки рядом со словами-памятками: три сосны, костёр, топор, ёрш... Потом этот листок хранился у меня, а у Глеба остались стихи.

В 1979 году при излёте из Ленинграда таможенники забрали мои бумаги, и теперь памятный листок из записной книжки поэта Горбовского хранится, должно быть, на стальных полках КГБ – как улика, что ли.

Очистив дыхание хвойным ветром воспоминаний молодости, вернёмся домой – к стихам, к творчеству Горбовского Глеба Яковлевича, по его утверждению: «Возвращение в дом – неизбывная тема российских поэтов». С этим постулатом не умею соглашаться, потому что русские поэты путешествовали неохотно – их обычно ссылали. Это в пору становления Советской власти бригады поэтов мотались по новостройкам, выполняя план агитации. После великой Отечественной войны бригадная поэзия распалась. Глеб это знает не хуже меня, но вот написал же, что возвращение в дом – неизбывная... Правда, задолго до возвращения было у Глеба стихотворение:

*Ребёнок вымочил усы
на дождесеющей погоде,*

*и две ладони, как весы,
как балансировали вроде...
Ребёнок тонок, хил и мал,
пожух от времени, прогнулся,
он сорок лет себя искал
и, не найдя, назад вернулся...*

Тут иной голос поэта – искренний, ироничный. Тут не светит неизбывной темой – тут возвращение становится доказательством, что себя на стороне не ищут.

До вступления в Союз писателей у поэта Горбовского было намечено в стихах три пути развития его убеждений – лирический, бытовой и остро политический путь. Вот примеры каждого шага:

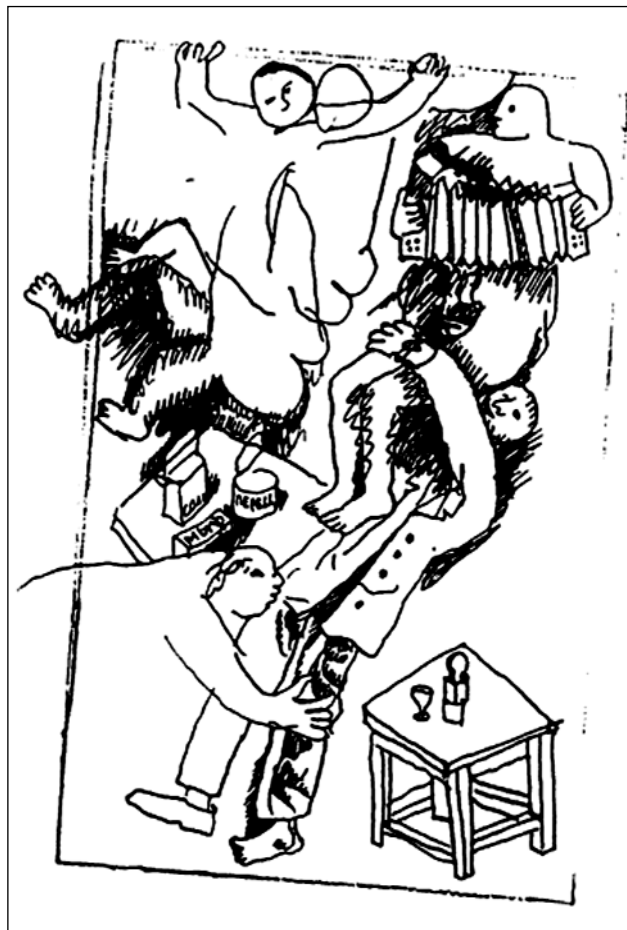
*Мы – поколение нерях,
за разгильдяйство нас резонно
мафиновали в лагерях –
простых и концентрационных:
за то, что мы не гладим брюк
и рук не моем ежедневно,
за то, что мы не бреем щёк,
на нас покрикивают гневно:
– А! Ваши трусики в дерьме!
За это вас сгноим в тюрьме.*

*Зачем он роет эту яму?
Во-первых, скажем, это труд,
а труд ведёт к получке прямо
а получив – едят и пьют.
Лопатой чешет там и сям он –
грунт испугался, грунт притих...
Рабочий знал, он роет яму
не для себя, а для других.*

*Постучались двое в чёрном –
их впустили, как своих.
Папа мой сидел в уборной,
сочинял для сына стих.
Мама грызла торт-полено,
я, дурак, жевал картон,
и вибрировал коленом
звездолобый пинкертон.
Нехорошие вы люди,
что вы роетесь в посуде?
Что вы ищете, ребята?
Разве собственность не свята?*

Были стихи, мощь и ярость которых замешана с шуткой или озорством:

*Кулаки бодали дали,
кулаки бодали близи,
на гвозде висевший Сталин
усмехнулся в укориэне.
Пили водку, пили смеси,
пили всякое говно.
Голой жопой тёрся месяц
о немытое окно.*

Это было записано по ходу дела – во время питания, поэтому не уточнена деталь завершающих строчек. Месяц ли по времени тёрся герой стихотворения, или это тёрся месяц, который всё же Луна?

В песенках Глеба Горбовского тоже попадаются плохочтения. Песенка о шофёре, например, заканчивается так:

*Вот так убили ювелира –
убил его мертвец-шофёр,
и поэтическая лира
на сем кончает разговор.*

– Почему на семь, а не на восемь? – сострил я, и Глеб не обиделся, он даже позволял себе петь: «на восемь кончит разговор».

Песни Глеба не годились к публикации, он их писал не для публикаций, – его песни были цементом дружбы, например, с художником Михайлом Кулаковым, кому посвящена песенка «На диване»:

*На дива., на диване, на диване
мы лежим, художники,
у меня, у меня и друга Вани
протянуты ноженьки.*

*В животе, в животе снуют пельмени,
как шары бильiardные.
Дайте нам, дайте нам хоть рваных денег –
будем бла-го-дар-ные...*

Песни были выполнены до вступления в Союз писателей. Официальный поэт Горбовский мог только портить свои же тексты, внося «приличные» слова вместо естественных. В стихотворении «Снег» он заменил одно слово другим и вываял пошлость:

Было:

*В белом фартуке татарин
гнал тебя метлою взаишей...*

Стало:

*В белом фартуке товарищ
гнал тебя метлою взаишей...*

Очень по-товарищески поступил поэт, но не поэтично.

Острота стихов поэта падала из года в год, а после 1970 года Глебу Горбовскому ни разу не удалось «рекой овладеть и держать её гриву в руке...» — плачьте, женщины, удаль пропала! Зато появились шёпоты — как заклинания, когда голос не умеет лгать:

*Наступает разлука с собою,
всё слышнее последний звонок.
После жизни, как после запоя,
убегает земля из-под ног.*

Или другое — скорбное и покорное:

*Не кричи, разговаривай шёпотом,
я услышу тебя, как судьбу.
Я уже успокоенный — шёлковый,
из зерна перетёртый в крупу...*

В первом тексте мемуграммы от 1981 года я делал сравнения стихов молодого Горбовского со зрелым или заматерелым поэтом. Не хочу никаких сравнений, — время сравнений прошло, упущено или утеряно. Лучше вспомнить яростного Горбовского, по уровню чьих чувств равнялись окружающие:

*Каждый день гробы на катафалках
свозят на кладбищенскую свалку.
Мимо окон, с музыкой прощальной,
с мимолётной кучкою скорбящих,
проезжает грузовик печальный,
увозящий сложенное в ящик.
Каждый день за сумрачным окном
Мне напоминает об одном:
всё идёт туда, куда вставляют клизму,
а не к коммунизму.*

*Кого спасает шкура,
кого огонь азарта.
Одних хранит культура,
других — обед и завтрак,
тебя спасёт помада,
его спасёт работа.*

*Меня спасать не надо —
мне что-то не охота.*

Поэт Глеб Горбовский так и остался плохо известным автором пятидесятых годов — именно тогда выросла и проявилась его горячность обо всём и обо всех. Поэт не развил ни один намеченный им же самим путь, но на каждом отрезке показал возможность высоты и чести. «Избранное» поэта Горбовского — худшая его книга. Там, в «Избранном», есть некоторая странность — подтасовка дат рождения некоторых стихотворений. Какие-то вещи вообще необъяснимы. В 1961 году Глеб Горбовский не мог знать Шигапова, — Юрий Николаевич ещё не прибыл в Ленинград в тот год. Но вялые стихи посвящены Шигапову, хотя в 1961 году Горбовский ещё не умел писать вяло. Другое стихотворение некогда было посвящено Наталье Шурыгиной, а в «Избранном» оно посвящается Евгению Евтушенко, что неприлично в любом ракурсе.

Ах, «Избранное»! Сколько почёта вмещает одно слово! Сколько отвратительной поэтической халтуры поместилось туда... За двадцать лет до «Избранного» Глеб Горбовский клокотал от любви, боли, горечи:

*Даже ты уходил замуж —
одиначе я кукушки,
мне тебя поить куда уж
из моей солдатской кружки...*

Или:

*Мы умираем на паркете,
мы проклинаям наш режим.
С красивой девкой на рассвете
опять не жравшие лежим...*

Не было в ту пору у поэта Горбовского вялых написаний. Не было вялых чувств. Не было тошнотных чаепитий и не было:

*...я вам налью чайку,
затем стишок беспольный прочитаю...*

Это всё в избранном — для поучения грядущего поколения, вероятно. Остаётся слабая надежда, что со временем всплывут к читателям горячие тексты поэта Горбовского, что чистая рука бескомпромиссного составителя отберёт стихи для истинной книги поэта. И возможно, что к этому времени ни поэта, ни его оппонента уже не будет в среде живых. Кесарю — кесарево, а богу — богово, если богово не уничтожено самим Горбовским.

Слава ГОЗИАС

1981, 2001 гг.

Рисунки Владимира Некрасова

...Осенью 2009 года Санкт-Петербургский Малый драматический театр (Театр Европы) привозил в Иркутск на Седьмой всероссийский фестиваль современной драматургии им. Александра Вам-

самосознание. Во всяком случае, много говорили о России. Один парень сказал (когда пустили чашу с пуншем по кругу): пусть родина абрамовских героев станет и нашей родиной.

«Фёдор Александрович сказал, что самое большое счастье – отдавать, а не брать, отдавать всё людям сполна. За то, чтобы мы всегда отдавали себя без остатка».

ДОМ ФЁДОРА АБРАМОВА

пилова свой легендарный спектакль «Братья и сёстры».

Главная страница в сотворчестве Абрамова с театром принадлежала именно спектаклям Льва Додина. 23 часа застольного прочтения «Пряслиных», поездка юных студентов на родину писателя, в Верколу жарким летом 1977 года.

Студенты додинского курса почти две недели жили в Верколе, вживаясь в деревенский быт и готовясь к встрече, которая продолжалась ни много ни мало семь часов.

«Самый счастливый и радостный день! Я получил огромный заряд энергии. Молодёжь! Романтика, высота поисков, полная искренность и распахнутость, желание сделать что-то стоящее. Плюс к этому ещё профессия. А это значит – всё, присущее молодости, в квадрате. Не знаю, что получится у них, но в одном уверен: это будет спектакль искренний и чистый. Так, как это было у молодой Таганки».

Эта чистота и искренность проявились и в полюбившихся Ф.Абрамову песнях к спектаклю, и в проникновенности застольных речей, и в автографах ребят на афише спектакля, преподнесённой писателю после премьеры.

Запись в дневнике Абрамова от 19 августа 1977 г.: «Семь часов сидели за столом в одной из келий монастыря при керосиновой лампе. Говорили о Пинеге и Верколе, о местных людях, затем пели (они, конечно, студенты), а потом снова заговорили. И так семь часов – с пяти до двенадцати.

Очень хорошо, что соприкосновение с Пинегой пробудило в них национальное

Провожали нас с лампой и фонарём до реки, а потом тьма крошечная навалилась на нас. Но мне было светло. Свет молодости светил мне всю дорогу.

Да, хорошие у нас есть ребята, и нечего всех стричь под одну гребёнку. Хорошее впечатление на нас произвёл и наставник ребят – Лев Абрамович Додин, тридцатитрёх-летний брюнет-бородач».

Л.Крутикова-Абрамова: «В Верколе мы ещё несколько раз встречались со студентами, Фёдор ходил с ними по деревне, они давали концерт в клубе. Навсегда запомнился нам и прощальный вечер 25 августа, накануне отъезда студентов из Верколы. Снова было много выдумки: нас встречали на берегу с лошадьми и чарой, зал был разукрашен рябиной, обед на второй этаж подавали через окно, пели, плясали, продемонстрировали то, чему научились в Верколе. А затем костёр с пуншем и речами, застольной чашей по кругу и красные ленточки – всем на память – как отблеск ночного костра и незатухающего духовного огня. А закончилось это всё факельным шествием к реке в полночь».

Пуская чашу по кругу, студенты приносили здравницы. Они сохранились в записи Л.Крутиковой-Абрамовой. Приведу лишь некоторые из них:

«Мы люди городские, Фёдор Александрович опасался, что наш спектакль – игра в деревню. За то, чтобы у нас всё было настоящим. Не играть в деревню...»

«За то, чтобы в нашем спектакле не было голубых героев».

После премьеры Абрамову была подарена афиша с автографами студентов-актёров. Среди их благодарностей и признаний в любви особо выделяются слова сыгравшего роль Немого Игоря Скляра: «Дорогой Фёдор Александрович! Жизнь нелегка, впору повеситься, но радостно, не душно, потому что есть Вы – писатель Фёдор Абрамов. Жить тяжело и трудно – куда человечнее и интересней! Благодарю за открытие».

После распределения студенты выступили с творческим отчётом в Москве. Абрамов к этому дню посылает им телеграмму следующего содержания:

«Дорогие мои ребята! Езжу и шлёпаю по весям и градам древней Новгородской земли, внимаю её застарелым болям и заботам и постоянно думаю о Вас. Примите мои поздравления с выходом в большую жизнь, в свя-

той и яростный мир искусства.

Будьте всегда мужественны и верны своей клятве; помните, искусство принадлежит одержимым, только тем, кто ради него готов на любые жертвы.

Спасибо Вам за радость общения, за русские народные песни, за молодость, которая всегда воспламеняла меня. Не бойтесь жизни. Вперёд, на штурм сцены. Верю в Вас, люблю Вас».

...Готовясь к фестивальному круглому столу, я неожиданно обнаружил, что знаменитая встреча писателя со студентами Ленинградского театра музыки и кинематографии состоялась в знаменательный день сорокалетия со дня рождения Александра Вампилова (19 августа 1977 года).

Более того, в архиве Фёдора Абрамова обнаружили записки к незавершённому литературному портрету Александра Вампилова.

Это всего пять строчек, датированных февралём 1982 года (год сорокапятилетия со дня рождения Вампилова и десятилетия со дня его смерти). Причины, по которым статья осталась ненаписанной, неизвестны.

«1. Появление его – тайна. Крупнейший драматург. До тридцати пяти лет закончил творческий путь, тогда как другие далеко не все начинают в это время.

2. Пушкинские начала в творчестве Вампилова. В языке. В понимании человека, жизни».

Первый тезис, вероятно, был посвящён раскрытию самобытности Вампилова, впитавшего многие традиции русской и зарубежной драмы и при этом создавшего свой собственный неповторимый художественный мир.

Выделяя же «пушкинские начала» в творчестве драматурга, Абрамов, вероятно, имел в виду высокую поэзию вампиловской драматургии. (Пушкина же Абрамов в одной из статей назвал «отцом наших душ».)

Своё доброе послание к питомцам Льва Додина по случаю окончания ими института он подписал как «брат-отец». Валентин Распутин неоднократно говорил о «старшинстве» Абрамова среди писательской братии. Одна из статей Валентина Курбатова о Вампилове называется «Младший брат».

Вспомним, что Сарафанов, герой пьесы Вампилова «Старший сын», пишет ораторию под названием «Все люди – братья», которая рифмуется с названием абрамовской тетралогии. Родственный круг близких писателей замыкается. Вампиловская идея духовного родства объединила Ф.Абрамова и Таганку, Ф.Абрамова и творцов спектакля «Братья и сёстры». Объединило их стремление к правде, названное Ф.Абрамовым «чёрным хлебом искусства» и «одним Богом для всех».

...В статье 1976 года «О хлебе насущном и хлебе духовном» (её основой стало выступление Ф.Абрамова на VI съезде писателей СССР) писатель завершил именем иркутского писателя Валентина Распутина перечень «деревицников», получивших напутствие А.Твардовского (первым значился Валентин Овечкин, последним В.Распутин). «Виктор Астафьев отбивает земные поклоны своей давно умершей бабушке... вокруг умирающей старухи кружит и хлопочет Валентин Распутин».

Назвал Абрамов нашего земляка в числе особо ценных им писателей, и выступая в телестудии «Останкино» 30 октября 1981 года.

...В 1983 году Распутин откликается на кончину Абрамова проникновенной статьёй «Его труд и подвиг». Она публикуется в иркутской областной газете «Восточно-Сибирская правда», «Литературной России», а впоследствии Л.Крутикова-Абрамова включает её в сборник «Земля Фёдора Абрамова» (М., 1986).

«Мы как-то постепенно привыкли к тому, что самые важные, самые необходимые слова – будь то открытое письмо к своим землякам о хозяйничанье на родной земле или выступления на писательских съездах по проблемам литературы, школы, старой деревни и нравственности – первым говорил он, Фёдор Абрамов. Считалось, можно и промолчать, отделаться разговором между собой, потому что он скажет точнее, горячее, убедительнее и лучше. Он отмалчиваться не мог, надеяться на кого-то не считал нужным, он поднимался – и долго голос его звучал затем по всей стране, находя отклики и отголоски повсюду, в самых дальних и глухих местах».

В 1987 году Распутин пишет мемуарно-художественный очерк, посвящённый Абрамову, «Его сотворённое поле». Написанный в лучших традициях горьковских литературных портретов очерк «крупным планом» даёт представление о личности Абрамова, содержит его ёмкие высказывания о судьбах России и русской литературы.

Сам Распутин очень высоко ценил роль Абрамова в своей писательской судьбе: «Прежде я не был знаком с Абрамовым, но примерно за год до того мы обменялись письмами. Первым, прочитав мою книжечку, написал Фёдор Александрович. Немного, но тепло, одобрительно, как-то так, что даже и замечания мне, никому тогда не известному молодому писателю, казались похвалой».

...Когда в сентябре 2009 г. спектаклю «Братья и сёстры», ставшему украшением вампиловского фестиваля современной драматургии, аплодировал Иркутск, в числе благодарных зрителей был и Валентин Распутин.

Сергей СМЕРНОВ,
доктор филологических наук

г. ИРКУТСК

По страницам историко-литературного альманаха о деятельности органов безопасности «Место действия – Колыма. 1632–2008 гг.» Выпуск 1.

Чтобы сразу был ясен замысел этого уникального альманаха, приведу строки из только что полученного мною письма от редактора-составителя магаданца П.Цыбулькина. «Создать хоть какой-то противовес тому, что сейчас в основном публикуется о Колыме, повлиять на мировоззрение читателя и сложившиеся стереотипы». А стереотипы таковы, что на Колыме якобы сидели в основном бедные «узники совести», а люди в погонах по эту сторону колючей проволоки чуть ли не сплошь были палачами. И всё же, что двигало людьми, призванными охранять заключённых? Идея? Страх? Какие чувства испытывали те, кто вёл допросы или издевался над людьми, выбивая «признательные показания», исполняя чью-то волю или чьи-то замыслы? Немало чекистов оказалось под топором репрессии...

И в целом, как пишет в своих воспоминаниях контрразведчик Михаил Ашик, «Завышение роли и значения ГУЛАГовских лагерей в истории Магадана – на мой взгляд, одно из самых глубоких заблуждений в современных летописях истории освоения Колымского края».

На все эти и другие вопросы пытается честно и непредвзято ответить первый выпуск Альманаха. А пока пройдемся по страницам, начиная аж с середины семнадцатого века. Кстати, недавно мне довелось разговаривать со старыми колымчанами, и оказалось, что никто даже сном-духом не знал о столь древней родословной этого края, у всех на слуху лишь 30–40–50-е годы прошлого столетия. Тем более это очень интересно.

Волок и Ольский острог

В высшей степени интересен очерк Александра Окунева, которым открывается альманах, он житель Палатки, исследователь истории российского морского флота. Оказывается, казаки из отряда Ивана Москвитина именно

в XVII веке посетили нагаевскую бухту. До 1912 года она называлась Волок, а конечной точкой маршрута был Ольский острог. С северо-восточной оконечности современной бухты Нагаева казаки волоком посуху тянули суда на восток. Волок выходил на нынешнюю ул. Пролетарскую где-то в середине её длины и далее шёл по реке Магаданке до бухты Гертнера (названа в честь гидрографа капитана 2 ранга Гертнера). Не будем углубляться в подробности. В 1908 году была проведена геодезическая съёмка Тауйской губы от реки Олы до бухты Волок. Но вот что интересно: с тех пор и по сути до 30-х годов XX столетия, как пишет Александр Окунев, «бухта была совершенно пустынная, берега её поросли густым лесом. Через перешеек полуострова Старицкого проходила едва заметная просека, да у самой воды белели два створных знака, оставленные экипажем бота «Восток» (командир – К.Соколов) в июне 1717 года. Просека, прорубленная казаками из отряда Алексея Филиппова, протяжённостью

пять километров, пересекала перешеек и выходила к бухте Гертнера (современное название) в Ольском заливе».

Подумать только, какая старина! Сколько загадок! Лично я с друзьями любил бывать в этой бухте на ловле крабов. Заселена она была тесно самодельными убогими домишками, бывало здесь немало и бомжей, гимном которых считалась песня «Не коچهгары мы, не плотники»...

Итак, в ноябре 1931 года создаётся трест по промышленному и дорожному строительству в районе Верхней Колымы – Дальстрой. В 1993 к порту Магадан приписаны пароходы «Уэлен», «Кулу», «Дальстрой», «Джурма», «Ф.Дзержинский». Но вернёмся вновь в древнюю старину.

Труп в футляре из воска

Замечательный исторический очерк для альманаха написал доцент кафедры гуманитарных наук Магаданского филиала Санкт-Петербургского института управления и экономики Давид Райзман. Очерк называется – «Колымская ссылка времён династии Романовых». Читаем поразительные факты, даже не по себе как-то становится: «Собственно колымская ссылка в бассейне реки Колымы началась с 1744 года, когда сюда был прислан русский вице-канцлер граф М.Головкин, сторонник Анны Иоанновны, арестованный вместе с другими вельможами при восшествии на престол Елизаветы Петровны. Граф в сопровождении своей жены Екатерины Ивановны, урождённой княгиней Ромодановской, прибыл на Колыму под надзор прапорщика Пальмштруга. Невероятно любопытно донесение этого служилого: «...здесь в Ярманге (так называли тогда Средне-Колымск) жителей весьма малое число, и питание токмо одной рыбой... и жители терпят голод, едят сосну. А арестантами, яко непривыклым людям, то снести невозможно. К тому же и

рыбою удовольствия в невольное время невозможно». И потому сердобольный Пальмштруг просит выслать для пропитания арестантов «припасы: ржаная мука, крупа, соль, немного пшеничной муки, горох, семя конопляное, вино двойное, масло, мыло, солод, свеча, сахар»... Но так как из Якутска они ничего не получили, надзор за Головкиным был строгий. Головкин умер в Средне-Колымске в 1766 году, его вдова, облив тело покойного мужа воском, увезла с собой в Москву. Однако есть другие сведения: якобы Головкин умер в 1755 году насильственной смертью. Они прожили вместе на Колыме 14 лет. Предваряя подвиг жён декабристов, княгиня Ромодановская заявила императрице, которая просила её остаться в столице, так: «Любила мужа в счастье, люблю его и несчастье и одной милости прошу, чтобы с ним быть неразлучно».

При Елизавете в Нижне-Колымске содержался опальный президент коммерц-коллегии барон Менгден, ссылкой становились и священнослужители.

А что прочая чернь?

10 сентября 1679 года вышел царский указ о том, чтобы преступникам не отрубали руки и ноги, а ссылали их в Сибирь на пашню вместе с жёнами и детьми. Затем стали отрубать два пальца, но в с 1683 года эту экзекуцию отменили, так как крестьяне без пальцев были плохими работниками.

Среди первых политических были участники экспедиции якутского казачьего головы Афанасия Шестакова в 1727 году. Двадцать ссыльных в составе экспедиции добрались до Охотского побережья – места отбывания наказания.

Так в XVII–XVIII в., пишет Давид Райзман, формировалась знаменитая колымская ссылка, где содержались представители царской оп-

позиции, нарушители порядка и законов, установленных во времена династии Романовых. До печально знаменитого Дальстроя оставалось ещё более 200 лет.

Первые «враги народа» северо-востока

В документальной публикации Давида Райзмана враги упоминаются только в кавычках. А самая первая волна карательной операции против «вражеской агентуры» началась с 1932 года, с момента создания 61-го Нагаево-Магаданского морского пограничного отряда ОГПУ-НКВД СССР. Истерия шпиономании, возникавшая в центральных районах страны, долетела и сюда, на Колыму. Официально погранотряд охранял границы Охотского побережья от американских, японских и других контрабандистов. А также оказывал помощь чекистам Дальстроя и Севвостоклага.

Можно предположить, что морпогранотряд и приданная ему Наяханская погранкомендатура действительно стояли на страже государственных интересов, предотвращали контрабанду, конфисковывали запрещённые товары и продукты, в частности с китайского парохода «Фулунг». Участвовали в задержании беглецов из колымских лагерей; так, с 1939 по 1940 год было схвачено около 400 человек, отважившихся на побег. Жаль, что не приводится общее число заключённых на то время, но поражают две цифры: в 1939 году бежало 12 233 человека, а на следующий год в побег ушли 11 813 заключённых. Интересно, каким образом им удавалось продержаться (или исчезнуть навсегда) в пустынных колымских просторах.

Тогда же, в период 1937–1940 годов, от пограничников пострадали представители коренных народов Севера. Репрессиям подверглись 148 человек. Сохранилось сообщение: «В 1932–

1933 годах во избежание коллективизации из Камешковского Совета Северо-Эвенского района во главе с крупным оленеводом откочевала в тайгу группа местного населения. Эта группа скрывалась в тайге около 18 лет». Поразительно!

...Одно время мне довелось на Чукотке поработать пастухом-олeneводом, и от старика Ральнито я не раз слышал отголоски воспоминаний о том, что за убитого беглеца-заключённого пастуху выдавали мешок муки, канистру керосина и что-то ещё. Немало было и самих оленеводов, скрывавшихся от властей в труднодоступных местах тундры. Об этом я немного писал в своих книгах.

Хозяйственники в чекистской форме

Наиболее полно (в цифрах) показал деятельность органов УНКВД в своём очерке сотрудник СВКНИИ ДВО РАН Игорь Бацаев. Мы намеренно приводим многие цифры из этой публикации, потому что искать другие источники – весьма хлопотное дело.

«Особенность деятельности ОГПУ-НКВД в условиях Дальстроя заключалась в том, что наряду с типичными задачами по охране лагерей, подавлению «волынок», борьбе с побегами, оперативной работе среди заключённых и т.п. чекистские подразделения выполняли хозяйственные функции и обеспечивали необходимые условия для выполнения государственных планов, особенно в период 1932–1945 гг.»

Численность заключённых за годы 1946–1953 с 89 тысяч увеличилась до 146 (без Особого лагеря № 5 МВД СССР). Половина зеков были осуждены на срок от 10 лет и более. С 1948 года в Дальстрой начали поступать только физически здоровые люди в возрасте до 45 лет, был разрешён вывоз инвалидов и нетрудоспособных, без ограничения по характеру судимости и не отбытому сроку наказания.

Несколько слов об Особом лагере № 5 – Берлаге. Он был организован в 1948 году, состоял из 15 отделений и 20 лагпунктов, содержались в нём особо опасные государственные преступники. Вот статистика на 1953 год: содержалось 22 995 человек, в том числе осуждённых за измену родине – 18 053; шпионаж – 2151; террор – 850; диверсии – 392.

В 1947 году в Дальстрое работало 26 980 спецпереселенцев, они находились под строгим надзором спецкомендатур. Однако даже в случае побегов оружие к ним не применялось. Ещё был вольнонаёмный спецконтингент, особую группу составляли японские военнопленные, содержащиеся в лагере № 855д. Однако в 1949 году японцы покинули навсегда Колыму на пароходе «Джурма».

В 1948 году было создано Управление с красноречивым названием – «для обслуживания каторжных зон». К концу 40-х оперативная обстановка в лагерях резко ухудшилась. Разгул лагерного бандитизма, массовые отказы от работы, групповые вооружённые побеги с убийством охраны приобрели, как пишет Игорь Бацаев, угрожающий характер.

«Традиционные, отработанные годами методы оперработы в условиях отмены смертной казни не давали эффекта, и органы МГБ сделали основной упор на активизацию агентурной работы по выявлению бандитских авторитетов, разложению группировок изнутри, предотвращению побегов и т.д.» Интересно бы знать судьбы этих осведомителей, тоже своего рода бойцов невидимого фронта, ходивших по острию ножа.

На 1 января 1952 года сеть осведомителей достигла 8467 человек. Было предотвращено 30 вооружённых побегов, 369 групповых, 976 одиночных, 262 бандпроявления, 97 случаев хищения золота. К

уголовной ответственности привлечены 2198 чел., в том числе 1051 чел. за побеги и 1147 за бандитизм. Это всё случилось в 1951 году, а в следующем было уничтожено 53 бандитских шайки. Автор образно и точно констатирует: «В начале 30-х Дальстрой породил лагерь, а в начале 50-х «маленький ГУЛАГ» стал его могильщиком».

Ещё одной причиной развала лагерного режима стало морально-психологическое разложение самих сотрудников-офицеров, не говоря уже о вертухаях, то есть сержантском составе.

Печально знаменитый «Бутугычаг»

Отложим в сторону очерки юриста Светланы Ледневой о сложных судьбах чекистов Николая Кияткина (родился в 1903 году) и Сергея Архипова (родился в 1900 году) – оба арестовывались, из них выбивали нужные показания, потом освобождали, и лишь к концу жизни реабилитировали. Всё это интересно. Опустим ещё обширный очерк об Аляске Александра Румянцева – материал тоже интересный, но выбивается из нашего замысла. Опустим вполне художественные рассказы Юрия Пензина «Капитан Аксёнов» и «Григорий Мишин». Мы окажемся на развалинах знаменитого лагеря «Бутугычаг», где заключённые добывали олово и урановый концентрат.

В летом 80-х годов мне удалось побывать на развалинах Бутугычага. Сопровождала меня женщина-секретарь Усть-Омчугского райкома партии. Попутно мы издали увидели строения лагеря особого режима Омчак. Сидели там опасные уголовники-рецидивисты, которым терять было нечего, и потому в Омчак не допускался никто из журналистов. Эта зона давно ликвидирована.

«Бутугычаг» считался наиболее жестоким в системе ГУЛАГа. Расположенный на высоте 1200 метров над уров-

нем море, он состоял из помещений, построенных исключительно из дикого камня. Приведённые фотоснимки дадут вам некоторое представление о том, как выглядели бараки заключённых, остатки кладбища, кучи обуви, какие-то ржавые агрегаты. Лично на меня сильное впечатление произвёл карцер с вкрученными в стену железными кольцами. Посередине коридорчика стояла бочка-печка, стояла на таком расстоянии, чтобы зеки из камер не могли дотянуться до неё рукой, чтобы погреть окоченевшие руки.

«Бутугычаг» хорошо описал в своих воспоминаниях известный поэт Анатолий Жигулин в книге «Чёрные камни». Он приходил к нам на Высшие Литературные курсы в Москве, и я с ним лично встречался. Когда я ему рассказал о том, что на Чукотке и Колыме всю идёт коллекционирование черепов с лагерных кладбищ, обмен (ченч), Жигулин был в шоке, записал мой рассказ в свою записную книжку и заставил меня расписаться. Ко всему, желая, видимо, сделать ему

приятное, магаданский поэт Миша Эдидович прислал ему череп с куском колючей проволоки и крышечкой от консервной банки с выбитым номером 13. Жигулин резко обрутил поэта телеграммой и посылку отправил назад, заявив, что заключённого под № 13 хорошо знал. А теперь обратимся к очерку Сергея Дудкина «Лагерь заключённых «Бутугычаг».

«У подхода к жилой лагерьной зоне по периметру расположены: остатки двух дзотов, бараки для поступающего этапа, обогатительная фабрика, гараж, штаб, БУР (барак усиленного режима), метеостанция, электростанция, километры узкоколейной дороги, депо (здесь можно встретить брошенные тачки и вагонетки), почта, бараки охраны, пулемётные ячейки на террасах сопок».

Охрана лагеря состояла из срочников с Волги и Казахстана. Лагерь камуфлировался от самолётов-разведчиков и возможного нанесения японскими самолётами бомбардировочного удара. Спрашивается, зачем? Взрывные работы практически не про-

водились, так как она была нужна на фронте. К рудному телу продвигались древним методом: в выбуренные отверстия заливалась горячая вода, после чего под воздействием жуткого холода происходил откол огромных глыб.

Сергей Дудкин приводит впечатляющие цифры: в 37-м году судами СССР было вынесено 353 074 смертных приговора, в 38-м – 328 618, в 39-м – 2552, в 40-м – 1649. То есть, если в 37–38 годы ежедневно выносилось до 1 тысячи смертных приговоров, то в 50–57 годах – уже тысяча в год. С 26 марта 1947 года по январь 1950 года смертная казнь не применялась.

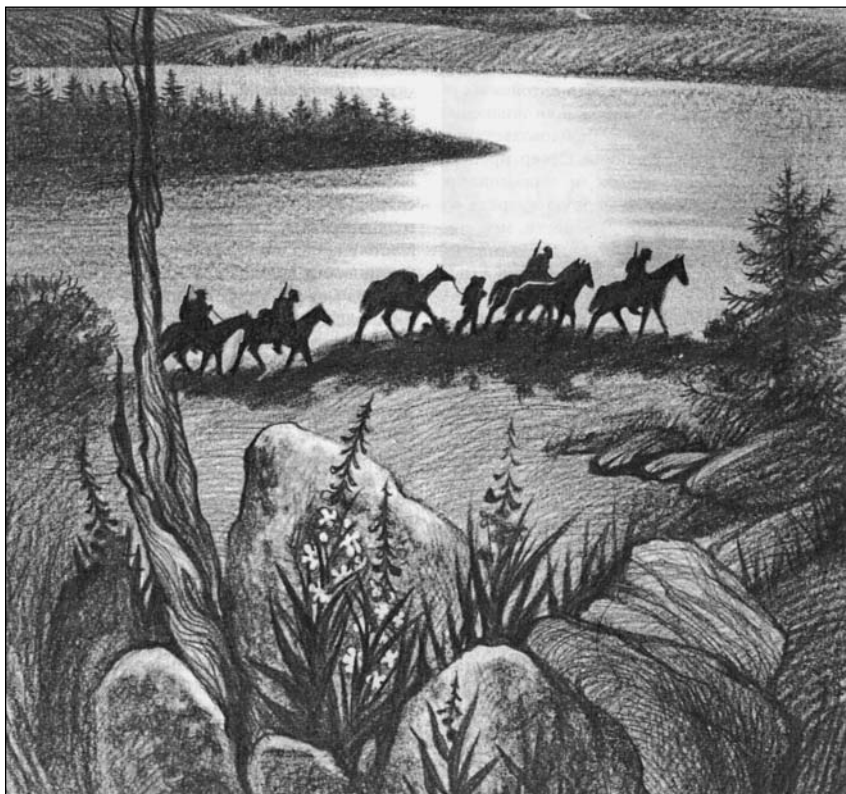
Ещё цифра: в 1947 году количество осуждённых по стране составило 1 490 959, но к 1956 году ГУЛАГ изжил себя полностью.

Ещё очень интересную подробность приводит в своём очерке Сергей Дудкин. Это продуктовая корзина заключённого 1 категории на один день, то есть наиболее результативного рабочего рудника. Хлеба – 1200 гр., картофеля 100 г., рыба – 158 г., крупы разной 130 г., мяса консервированного – 30 г., сахара – 13 г., чая (суррогата) – 2 г. А штрафной паёк состоял из: хлеб ржаной – 400, картофель – 400, рыба – 75, крупа разная – 35, соль – 20, мука (так называемая подболтная) и растительное масло – по 5, чай (суррогат), томат-пюре – 3, лавровый лист – 0,2, перец стручковый – 0,1. И надо учесть ещё одно обстоятельство, нередко паёк разрывывали уголовники.

Приказ о ликвидации рудника «Бутугычаг» появился 31 января 1955 года. Создание здесь мемориального комплекса невозможно из-за значительно повышенной радиоактивности породы, шахт и всех построек.

На фронтах и в тылу врага

Этот большой раздел альманаха совершенно необходим,

но, как мне кажется, менее интересен. Меньше всего рассказов об оперативно-боевых и разведывательно-диверсионных группах. Да и откуда им взяться, ведь многие действующие после войны сотрудники госбезопасности в войне участвовали в разных воинских частях, далёких даже от Смерша. И всё же замечательно, что в альманахе напечатана большая галерея фотопортретов участников Великой Отечественной войны. Среди них есть и мой давний знакомый, руководитель чукотского окружного отдела КГБ полковник Владимир Петренко, с которым мы охотились и часами просиживали за дружеским застольем.

Герои Советского Союза вызывали неприязнь

Наиболее впечатляющие подробные воспоминания славного фронтовика-командира батальона морских пехотинцев Михаила Ашика. В 20 лет он стал Героем Советского Союза, да ещё и кавалером полководческого ордена Богдана Хмельницкого. А после войны начались мытарства молодого старшего лейтенанта. На его награды фронтовики, как пишет автор, глядели с неприязнью. Мол, не он один совершал подвиги, просто не всем везло с наградами. Дело в том, что демобилизованным должны были предоставлять ту должность, которую они занимали до войны. Но как правило на этих должностях уже кто-то трудился — как быть, увольнять? Михаил Владимирович пишет: «...негативное отношение к вернувшимся с войны фронтовикам очень явственно ощущал на себе и я». Ко всему «мешали» звезда героя и орден Богдана Хмельницкого, работодатели понимали, что такого человека нельзя устроить на не престижную должность. Далее автор пишет: «Отказ следовал за отказом, неудача за неудачей. Безденежье угнетало меня, я оказался никому, кроме родных, не нужным».

Сейчас об этом странно читать, потому что сейчас как раз Герои Советского Союза пользуются всеми благами, любовью и уважением.

Вчерашнему фронтовику помог устроиться отец, и Михаил Ашик вскоре стал курсантом только что открывшейся в Ленинграде офицерской школы для подготовки оперативных работников МВД-МГБ. «Те невеликие знания, которые курсанты в своё время почерпнули в средней школе, давно растерялись в боях, госпиталях и просто на фронтовых дорогах. Очень многие, да и я в том числе, не обладали достаточно грамотностью, поэтому в учебную программу ввели изучение русского языка. Начали с азов: что такое подлежащее, сказуемое и так далее».

Ещё одна неприятная подробность тех послевоенных лет, касающаяся документальной литературы о войне. Профессиональные писатели очень ревностно относились ко всякого рода фронтовым мемуарам, авторов нередко порочили, обвиняли в некомпетентности, упрекали в нескромности, требовали, чтобы авторы воспоминаний передавали все факты и по-

дробности более опытным писателям. Чуть какая-то! Так случилось с известными книгами Героя Советского Союза, прославленного партизана Дмитрия Медведева (он, кстати, в упомянутой офицерской школе вёл преподавательскую работу) «Это было под Ровно» и «Сильные духом». Он умер в 1954 году от обширного инфаркта, случившегося после телефонного разговора с обоглавшей его редакцией.

Большинство выпускников офицерской школы распределили по дальним уголкам страны. Так Михаил Ашик оказался в Магадане. Здесь он прослужит в контрразведке 23-й дивизии войск МВД около 13 лет, затем будет переведён в Ленинград, там сначала служил в дивизии внутренних войск, затем — заместителем начальника Высшего политического училища войск МВД.

Чудовищное массовое предательство

Михаил Ашик пишет: «Контрразведывательная работа в дивизии вытекала из реалий Великой Отечественной войны, тянувшейся четыре долгих года. Задолго до

Победы начало вскрываться небывалое в истории России чудовищное массовое предательство. (...) Лишь после Победы вскрылось это ошеломляющее явление. В советское время по цензурным соображениям сие позорное дело мало освещалось в литературе и почти не изучалось историками. (...) О том, насколько это было массовым явлением, может свидетельствовать следующий факт: в штате немецкой дивизии (1943 г.) предусматривалось иметь 2005 «хиви» (так называли русских добровольных помощников). И штат этот, как правило, заполнялся полностью».

После капитуляции эти «хиви» старались затеряться среди репатриантов, уехать куда-нибудь подальше на севера, наивно полагая, что там-то их не разоблачат. До сих пор полностью не названы причины столь нехарактерного для России массового предательства. «Военно-исторический журнал» (№ 2, 2004 г., стр. 78) писал: «Исчерпывающие ответы на вопросы о мотивах поведения этих граждан (от 100 тыс. до 1,5 млн. и более граждан) ещё предстоит дать».

Как вспоминает Михаил Ашик: «Когда началась моя служба в контрразведке, работа по выявлению бывших плачей-карателей, полицаев, выпускников немецких шпионских школ находилась в стадии активных разработок. Предатели, оставившие кровавые следы своей деятельности, были учтены в специальном двухтомном циркуляре, в котором в алфавитном порядке были записаны имена около полумиллиона немецких пособников. На каждого включённого в этот формуляр имелись биографические данные, приметы, краткое описание сути совершённого преступления. Этих людей, естественно, разыскивали».

Порою доходило до курьёзов. Скажем, с «материка» пришло очередное задание — допросить такого-то власовца. «Бывший власовец нередко возмущался, что он здесь

«страдает», а его подельник, изображённый на фотографии, натворивший немало дел, всё ещё на свободе». Это развязывало языки...

«К серьёзным запросам, по которым на трассу приходилось выезжать наиболее опытным контрразведчикам, относились также материалы о заброшенных в наш тыл разведчиках и диверсантах. (...) Выполняя подобные поручения, мне пришлось ездить по бездорожью верхом на якутских белых лошадках и летать на местном «кукурузнике». Встречался с разоблачёнными немецкими шпионами времён войны, с гестаповскими следователями из русских и украинцев, с карателями из фашистских концлагерей».

Безусловно, интересны воспоминания бывшего начальника Управления КГБ по Магаданской области (1978 г.), ныне генерал-майора в отставке, Анатолия Селезова. Они посвящены чисто разведывательной деятельности, связанной с предотвращением всяких электронных вмешательств со стороны США.

Откуда взялась кавказская мафия

Пишет Анатолий Бажан: «Одна из версий появления в области выходцев с Кавказа заключается в том, что в годы массовых репрессий определённая их часть находилась в заключении в колымских лагерях. Не всем судьба даровала долголетие, многие, не выдержав сурового климата и тяжёлой физической работы, навечно остались в колымской земле. Места их захоронений стали разыскивать родственники, получившие от бывших зеков, возвратившихся на родину, отрывочные сведения о последнем пристанище близких. (...) Люди приезжали с большой надеждой и благородной целью розыска своих отцов, братьев, внуков, племянников и т.д. Долго и упорно искали их следы. Затем устраивались на

работу. (...) Скоро в области появились адепты различных течений мусульманства».

Криминогенная обстановка, пишет автор, на Колыме в период массового освобождения людей из мест лишения свободы была сложной. Свой мир, разделённый в зонах на воров, «сук» и «политических», продолжал существовать и на свободе. Ежедневно кто-то с кем-то сводил счёты.

Теме национального вопроса посвящён рассказ Сергея Суцанского, очерк Алексея Толмачёва.

Известные имена

Украсили первый альманах своими произведениями нынешний руководитель Магаданской писательской организации, писатель Владимир Данилушкин, член Союза писателей России Валерий Фатеев. В других воспоминаниях не раз всплывают имена Олега Куваева, Евгении Гинзбург, Анатолия Жигулина и других.

И последний раздел альманаха — «Место службы — Колыма», литературное творчество сотрудников органов безопасности. Здесь немало стихов (Александр Сырченко, Игорь Сырченко), рассказов (Пётр Цыбульский, Евгений Батулин, Максим Жариков), даже есть литературная пародия (Пётр Цыбульский).

Я от души поздравляю историко-литературную общественность Магадана с выходом совершенно особенного альманаха. Хотя у меня есть некоторые опасения в том смысле, что при составлении следующих выпусков могут возникнуть трудности с подбором материалов. Возможно, составителям придётся обратиться к более крупным формам литературных произведений. Но в любом случае — удачи Вам!

Владимир ХРИСТОФОРОВ

г. МОСКВА

Рисунки В. Борисовой

В Российской Национальной библиотеке, что в Санкт-Петербурге, среди рукописей знаменитого собрания академика М.П. Погодина – видного историка, публициста и издателя XIX века, сохранилось небольшое произведение о завоевании «дружиной» Ермака «Кучумова» ханства, считающееся самым любопытным памятником сибирского летописания.

Долгое время это произведение («Повесть летописная, откуда начаясь царство бисерменское в Сибири, и чесо ради наречеся Сибирь, и како Божиим повелением взята бысть православными хрестьяны, и како в Сибири бусорменская вера умалилась, а православная крестьянская вера распространилась») признавалось переработкой законченного осенью 1636 года «Сказания» владычного дьяка Саввы Есипова. Позднее некоторые учёные стали отождествлять или сблизать Погодинский летописец с «написанием» ветеранов прославленной экспедиции за «Камень». Оно содержало не лишённые противоречий ответы на вопросы, интересовавшие тобольского «первопрестольника» Киприана: как ермаковцы «приидоша» в Сибирь, где сражались с «погаными», и кто из казаков при этом погиб. Большинство современных историков и литературоведов, однако, находят, что «слогатель» «Повести летописной» отредактировал есиповское сочинение, дополнив его выдержками из редких документов, причём весьма ранних, порой даже зафиксировавших показания соратников легендарного атамана.

Ключом к разгадке тайны происхождения Погодинского летописца, по мысли ряда исследователей, служит приписка к тексту (она помещена после «аминя», которым древнерусские книжники часто оканчивали свои произведения). Повторив (что, кстати, неверно), будто из десяти сыновей Кучума семь убил его соперник Сейдяк при захвате

ЗАГАДКИ

СИБИРСКОГО ВЗЯТИЯ

Яков
СОЛОДКИН

Рис. С. Ремезова

ханской ставки Сибири (впоследствии её называли Старой Сибирью, Кашлыком, Искером), безвестный книжник сослался на «письмо», хранящееся в Посольском приказе, где сказано, как очутились в русском плену остальные сыновья не покорившегося московским самодержцам «салтана». Из этих царевичей указаны Алей и Алтынай. (Третьим, очевидно, являлся Ишим, упомянутый вместе с этими братьями в главе о поездке казачьей «станицы» к Ивану Грозному.) В Посольском приказе, ведавшем внешней политикой Московской Руси, редактор Есиповской летописи мог раздобыть и другие документы, которые процитировал либо пересказал в своём произведении, тем более что этот приказ управлял Сибирью в первые годы после «Ермакова взятия» прежде почти неведомой в России бескрайней страны, раскинувшейся за Уралом. Н.А. Миненко сочла, что «Повесть» вышла из стен Посольской «избы», где и мог служить анонимный книжник. Р.Г. Скрынников поначалу тоже рассудил, что летописец, сохранивший фрагменты «ар-

хива» Ермака, возник под пером дьяка или писца этого дипломатического учреждения. Позднее маститый историк пришёл к иному заключению: столичный «грамотей», знавший московские летописи (что позволило ему – хотя это явное заблуждение – отождествить Чингисхана из «Великой орды» с другим великим завоевателем – Тимуром), имел доступ к материалам посольского архива, откуда и почерпнул немало уникальных сведений о «Сибирском взятии». Р.Г. Скрынников, однако, полагал, что московский приказный бывал в «далечайшей государевой вотчине», как подчас называли Азиатскую Россию в XVII веке. Учёный расслышал в летописце из Погодинского собрания «отзвук личных впечатлений» о Тобольске (в проникновенных строках об его основании) и думал, что анонимный «повествописец» проезжал через Верхотурье (в летописце определяется расстояние между этим городом, считавшемся «воротами» в Сибирь, и «царствующим градом»). Из работ Р.Г. Скрынникова, однако, неясно, какую цель пресле-

довал московский книжник, внося в текст Есиповской летописи отрывки документов, позволяющие куда более конкретно, чем следуя «тетрадам» софийского дьяка, судить о предыстории похода Ермака и обстоятельствах покорения Сибирского «юрта». Е.И. Дергачева-Скоп же считает, что содержащая любопытные известия о крушении Кучумова «царства» «Повесть летописная» была лишь скопирована в Посольском приказе, а возникла в Тобольске или Таре. Крепость, заложенная князем Андреем Елецким на реке Аркарке, близ «Тары-реки», в Погодинском летописце упоминается лишь однажды. Зато версия о появлении этой редакции есиповской «Повести о Сибири и сибирском взятии» в «первоимянитоном граде» «Закаменской страны» кажется довольно убедительной. Сошлёмся, к примеру, на поэтическое (в оценке Е.К. Ромодановской) описание Тобольска в рассказе о его возведении ратниками Данилы Чулкова: «И по повелению государскому (царя Фёдора Ивановича. – **Я.С.**) доидоша до реки Иртыша ... И обрете место на той реке Иртыше усть речки Курдюмки против мало понеже устья реки Тоболу, яко единый версты, на велице горе и красно велми (очень красивой. – **Я.С.**), а под горою по реке Иртышу луги великие и озера все благополучные, Богом строенное место, плавающим же защита ту бури и пристанище тихо и покойно. И на сем же прекрасном месте поставишася град и нарекошася имя ему Тоболеск реки ради Тоболы». Кроме того, в Погодинском летописце поясняется, что Княжий луг находился примерно в двух «поприщах» от Тобольска, – там, где вскоре вырос Знаменский монастырь, а Старая Сибирь – прежняя резиденция татарских ханов – расположена в 12 верстах от нового «стольного града» по течению Иртыша (во времена Есипова это расстояние достигало 15 вёрст).

При допущении, что «Повесть летописная» сложилась в «Сибирской земле», цели безвестного автора кажутся очевидными. Ведь едва ли не с момента «Ермакова взятия» татарского ханства на востоке России существовал устойчивый интерес к событиям, положившим начало включению обширного края в состав Московской державы.

Видимо, какой-то дьяк или подьячий тобольской приказной избы, где, по наблюдениям Н.А. Дворецкой, в конце XVII века (то есть в пору возникновения интересующей нас «Повести») велось летописание, будучи в столице, получил возможность ознакомиться с документами Посольского приказа, а некоторые из них и скопировать. Вернувшись в сибирскую столицу, этот книжник, надо думать, по собственной инициативе, решил дополнить сочинение Есипова «Сибирское царство и княжение, и о взятии, и о Тоболске граде».

В Погодинском летописце трижды, что, разумеется, нельзя признать случайностью, говорится о ермаковце Черкасе Александрове. Он, оказывается, был в числе казаков, которые привезли царю Ивану Васильевичу «сеунч» (радостную весть) о разгроме Кучума, затем – после гибели бесстрашного атамана – вместе с его уцелевшими сподвижниками вернулся на «Русь», наконец, участвовал в строительстве Тюмени. Скорее всего, эти сведения попали в Погодинский летописец из послужного списка, челобитной или (что вероятнее) «расспросных речей» достигшего в последние годы XVI века чина головы тобольских юртовских татар соратника Ермака. Черкас Александров (как думалось и А.Т. Шашкову) вполне мог поведать и о том, что от Москвы до первого сибирского города Верхотурья – 2300 вёрст, а «ходу зимним путём з большими возы семь недель», между Верхотурьем и Туринским острогом «в Туру вниде (впала. – **Я.С.**) с правой

стороны река Салдавада Тагил», «ниже города Тюмени многими поприщи» в Тобол впала Тура, на Иртыше «выше Тобольска многим расстоянием» находится Тара, Иртыш впадает в Обь «ниже урочища Самаровых гор единым плёсом», а Обь – в океан «розными своими устьи». Черкас же бывал в российской столице и в царствование Бориса Годунова. В Посольской «избе», возможно, легли на бумагу и «расспросные речи» о пути, которым атаманы и казаки достигли владений Кучума: «А приход Ермаков с товарищи в Сибирскую землю с Еика (Яика, потом Урала. – **Я.С.**) на Иргинские вершины да вниз по Иргизу, а Иргиз река пришла в Волгу с левой стороны; а Волгою шел Ермак вверх, а из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же; а из Камы реки поворотили направо в Чюсовую реку, и Чюсовую вверх же; а ис Чюсовой реки в Серебрёную реку, а Серебрёная река пришла от Сибирской страны в Чюсовую реку с правой стороны, а Серебрёною рекою вверх же; а и[с] Серебрёной реки шёл до реки до Борончука волоком, и суды на себе волочили, а рекою Баранчуком вниз в реку Тагил; а Тагилом рекою плыли на низ же в Туру реку... вниз и догребли... до Епанчина, что ныне словет Туринской острог... И с Епанчина погребли на нис же Турою рекою в Тобол реку, а Тобол река пришла с правые стороны и[с] степи, и Тура река пала в Тобол реку. И Тоболом рекою доидоша до реки до Тавды, а Тавда река пришла в Тобол реку с левой стороны от Пельнского города (Пельма. – **Я.С.**), за сто верст от города от Тобольска». (В представлении Р.Г. Скрынникова об этом в Москве узнали от ермаковцев, сообщивших Ивану Грозному про занятие «руским полком» ставки Кучума. Но ведь в процитированной «рописи» упомянут Верхотурский уезд, образованный в 1598 году, а Тюмень, Тобольск, Туринский острог были «поставлены» русскими

служилыми людьми в 1586, 1587, 1600 годах соответственно). К «расспросным речам» Черкаса Александрова, которого объявлять автором Погодинского летописца опрометчиво (см.: Югра. 1999. № 12), можно возвести приводимое в этом сочинении прозвище, данное казаками своему «наставнику», – Токмак, известия о есауле Богдане Брязге, убитом «погаными» на Абалаке, награждении царём Иваном Ермака и его сподвижников не деньгами, как сообщает Есипов, а гораздо более престижными «золотыми», приближённом Кучума «зломысленном» Караче, изготавливавшем для хана панцири, кольчуги и другую «ратную збрую», «вогненном бое», то есть огнестрельном оружии, бывшем у казаков Ивана Кольца, перебитых вероломным Карачей, «пансыре тягче», помешавшем Ермаку добраться до струга во время нападения «бусурман» в устье Вагая, возвращении следом девяноста оставшихся в живых участников покорения Сибири на «Русь» по Оби, Соби и через «Камень» и Пустозеро. По документам, отложившимся в архиве Посольского приказа, сочинителю «Повести летописной», быть может, сделалось известно и о том, что войска наследника Кучума Алея (Али) через год после нападения пелымского князя Аблегирима на Пермь Великую в Прикамье «многое дурно над православными христианы починили», но Ермак «с товарыщи», накануне разгромившие государеву казну и «погромившие» ногайских татар на Волге, «Чюсовой сибирским повоевать не дали», и тогда же стали «мыслить и збираться, как бы им дойти до Сибирской земли до царя Кучума». Однако из «расспросных речей», по видимому, записанных в Посольском приказе, летописец едва ли узнал о том, что посланный на помощь Ермаку, которому государь «указал быть к Москве», отряд воеводы князя Семёна Болховского

(в занимающей нас «Повести» он называется Волконским, как и в некоторых рукописях «Списания» Есипова, московском «Новом летописце» и «Окладной книге» Сибири конца XVII века), голов Ивана Киреева и Ивана Глухова насчитывал сотню казанских и свияжских стрельцов, сотню «пермич и вятчан», сто «иных ратных людей». Уникальны и летописные свидетельства о том, что под началом воеводы Ивана Мансурова состояло семьсот казаков и стрельцов, набранных в разных городах, а когда эту рать отправляли из Москвы, там «чающе, что Сибирь за государем, и живут в ней государевы люди». Эти известия наверняка имеют документальное происхождение, но нельзя, подобно Р.Г. Скрынникову, ругаться, что перед нами – выдержки из записей Разрядного приказа – главного военного ведомства позднесредневековой России. Больше оснований считать, что создатель Погодинского летописца держал в руках царские грамоты или воеводские отписки.

Современной новосибирской исследовательнице Е.И. Дергачевой-Скоп показалось, что, редактируя «сложные» Есипова, остающийся анонимным «списатель» сократил целые фрагменты текста, «окрашенные книжной риторикой». Такое заключение едва ли справедливо. Например, в Погодинском летописце говорится, что ермаковцев «посла Бог очистити место идолское» (а не «святыни», как у Есипова) и победити (о чем в летописи софийского дьяка мы не прочтём) «бесерменство» Кучума; в главе «О бою под Чювашевым у засеки» (состоявшемся, оказывается, в день памяти Святого апостола Якова) в уста ермаковцев вложены следующие слова: «сотворитель наш. Да поможет нам, созданию своему... прослави своё великолепное имя святое, где было безбожие» («создателем своим» казаки называли Бога, если верить «Повести лето-

писной», и при вступлении в «град Сибирь»); в Тобольске «Божиим праведным промыслом» русские пленили Сейдяка. Вместо четырёх последних глав Есиповской летописи в самой любопытной её переработке находим рассуждение «О всех благих, от Бога подаваемая», где подчёркивается, будто сибиряки «просияюще в велелепную славу Отцу и Сыну и Святому Духу... чюдеса Божия (по наблюдению А.Т. Шашкова, от иконы Абалацкой Богородицы) ту содеяшась, еже есть избавление недугом и свобожению страстем, и различным болезнем, исцеления и прочая благая». Вместе с тем сочинитель Погодинского летописца явно не имел таких литературных способностей, как Савва Есипов и даже Семён Ремезов, о чём свидетельствуют и многочисленные ремарки (вот несколько примеров: «выше сего именованом», «речется после сих», «прежде именованом», «впреди рекохом», «выше сего то рекохом же»), и повторы (почти в одинаковых выражениях о составе отряда Семёна Болховского говорится трижды, о возвращении ермаковцев во главе с Иваном Глуховым из Сибири – дважды).

Кроме Основной, выявлено несколько редакций Есиповской летописи, создававшихся вплоть до середины XVIII века. Погодинский летописец среди них представляет наибольший интерес для историков, прежде всего благодаря отрывкам посольских документов, которые, если бы не какой-то тобольский приказный, оказались бы навсегда утраченными (они не сохранились ни в московских, ни в других архивах). В таком случае о многих событиях «взятия Сибирского царства» вольными казаками и государевыми служилыми людьми нам пришлось бы только догадываться.

г. НИЖНЕВАРТОВСК,
Ханты-Мансийский
автономный округ

Чем питались малочисленные народы Крайнего Северо-Востока России

Питание коренных жителей Северо-Востока свидетельствует о белково-липидном типе. У жителей тундровой части Чукотки, у оленеводов, в суточном рационе питания белок составляет – 26%, жир – 32%, углеводы – 37,6%, у береговых коренных жителей белок составляет – 32,2%, жир – 38% (Годовых Т.В.). Европейский тип питания характеризуется более высоким потреблением углеводов. За последние годы представители молодых возрастных групп коренных жителей используют европейский тип питания, поэтому в их годовом рационе не хватает витаминов, жизненно необходимых организму – железа, кальция, фосфора, йода, калия и магния. Такая трансформация привела к росту болезней, а также высокой заболеваемости и смертности. Среди коренного населения распространены

болезни костно-мышечной системы, психические расстройства, болезни органов пищеварения, отравления, высокий уровень болезней почек. Ведущими являются болезни органов дыхания, далее следуют инфекционные болезни, так называемые природно-очаговые болезни, разносчиками которых оказываются домашние и дикие животные тундры. Переносчиками инфекций являются: мышевидные грызуны, суслик длиннохвостый (евражка), заяц-беляк, северный олень, некоторые виды рыб.

При этом следует отметить, что коренные жители значительно реже обращаются за медицинской помощью по сравнению с пришлым населением. Следовательно, истинный уровень заболеваемости коренного населения намного превышает регистрируемые данные.

По медицинским показателям основным компонентом понятия «здоровье» является физическое, психическое и социальное благополучие, что предполагает нормальное течение роста и развития человека в природно-климатических условиях Северо-Востока. В суровых природно-климатических условиях Чукотки определяющими факторами здоровья являются не экологические, а социальные, включающие несбалансированное и недостаточное питание, понижение двигательной активности.

К *социальному благополучию*, применительно к арктическим коренным народам, с учетом национальных традиций отнесено:

- 1) пребывание в расширенной семье, чем больше, тем легче жить, добывать пищу;
- 2) освоение в течение жизни каждым членом семьи «тради-

ционной социальной программы жизнедеятельности», включающей традиции и семейный этикет питания, физические состязания, игры, практические действия, фольклор, декоративно-прикладные, песенно-танцевальное искусство; 3) раннее включение в разнообразную трудовую деятельность: оленеводство, рыболовство, морской зверобойный промысел, собирательство растений.

Влияние на состояние здоровья оказывает комплекс факторов: окружающая среда, наследственность, численность взрослых и детей в семье, социальное благополучие, экономическое состояние семьи. А также своевременность оказания больному медицинской помощи, употребление им отваров лекарственных растений и калорийное питание, принятие экстренных решений при несчастных случаях, соблюдение санитарно-гигиенических норм жилища, прилегающей территории, территории стоянки, используемой во время кочёвок.

На здоровье человека как в древние времена, так и сегодня воздействуют геомагнитные бури, накопленные в атмосфере загрязняющие вещества. Большое значение имеет светопериодичность (полярный день, полярная ночь) и её влияние на организм, также губительны недостаточность солнечного тепла, сильные морозы без ветра и пурги. Эти природные факторы оказывают отрицательное влияние на рост и развитие детей. Болезнь ребёнка (плач, малоподвижность, вялость) рассматривалась чукчами как потеря здоровья. Больной отказывался от пищи, выполнения поручений, изменялась манера его поведения с окружающими его членами семьи, проявлялись нарушения психической деятельности. Поэтому большое значение при болезни имело рациональное питание, соблюдение питьевого режима, использование пищи с учётом калорийности. В тра-

диционных рецептах приготовления еды больному имелись блюда, которые давались только в экстремальных случаях. Это – горячая жирная жидкость: суп из оленьей крови; суп из листьев сараны и содержимого оленьего желудка, супы из отваров трав. Летом больному готовили более вкусную еду, чем зимой, например, пюре из клейтопии. Корни клейтопии чистили, отваривали, делали пюре, добавляя бруснику, мёд, немного свежего нерпичьего жира. Зимой кормили толкушей – смесью ягод, измельчённой рыбы и тюленьего жира. Смесь толкуши была разнообразной: в неё входили ягоды шикши, голубики, брусники, жимолости, смородины, клюквы, ягоды употребляли вместе с жиром.

Т.В. Годовых, В. Годовых обнаружено, что сегодня смертность аборигенов в младенческом и раннем возрасте (как и раньше) выше в 1,5–2 раза, чем в целом по России. Отмечено, что социальные факторы оказывают большее влияние на все показатели здоровья детей, чем экономические. Авторами названы главные социальные факторы: это режим работы, материальное положение семьи, жилищно-бытовые условия, особенности питания. Из детей коренного населения к первой группе – здоровые дети – отнесено 1,9%, ко второй группе – дети, имеющие функцио-

нальные нарушения, – 86,2%, к третьей – дети с хроническими заболеваниями – 11,9%.

Среди причин слабого здоровья называются: врождённые аномалии, состояние здоровья матери, несвоевременность и качество оказания медицинской помощи матери и ребёнку, использование педагогами методик, разработанных для европейского населения по определению школьной зрелости, что приводит к необоснованному направлению чукотских детей в подготовительные классы и школы-интернаты. Кроме того, в сети общественного питания и образовательных учреждениях технология приготовления блюд национальной кухни практически не используется, что наносит непоправимый ущерб здоровью подрастающего поколения. Поэтому Правительством ЧАО разработаны специальные комплексные Программы по оздоровлению детского населения аборигенов, в основе которых главным является использование в питании традиционной пищи.

Следует отметить, что чукчи и эскимосы старше 30 лет придерживаются традиционного типа питания, а представители молодых возрастных групп используют «европейский тип питания», и в первую очередь продукты, покупаемые в магазине: крупяные и хлебобулочные изделия, кон-

сервы, компоты с высоким содержанием сахара и соли. В связи с чем несбалансированный рацион питания коренного и пришлого населения Чукотки в условиях сурового климата способствует быстрому развитию тяжёлых заболеваний, приводящих к смерти. Тем не менее из-за биологических, климатических особенностей у арктических коренных народов отдалённых посёлков всё же преобладающим остаётся традиционный хозяйственно-культурный тип питания. До сих пор чукчи и эскимосы употребляют в качестве приправ к мясным блюдам многие виды съедобных дикорастущих растений. Исторически соотношение мясной, рыбной и растительной пищи в разных районах обитания чукчей было неодинаковым. Так, пища чукчей тундровых районов – мясо оленя, птицы, мелких животных. Пища эскимосов – мясо морских животных, рыба, съедобные растения, морские водоросли и моллюски.

В чём же заключаются особенности традиционной пищи чукчей, эскимосов, коряков, эвенов? Чем они питались ранее? Чтобы ответить на вопросы, был *использован этнографический подход* к изучению традиционного питания арктических народов. Нас интересовала не технология приготовления блюд, а питание как явление бытовой культуры, находящееся в тесной взаимосвязи с воспитанием детей, отражающее взаимоотношения взрослых и детей, правила поведения, связанные с приготовлением и этикетом употребления пищи. Были изучены виды хозяйственной деятельности: оленеводство, охота, рыболовный, морской зверобойный промыслы, собирательство диких полезных растений в пищу, обеспечивающие жизнедеятельность людей. При этом были важны не только характеристики приготовления национальных блюд, но и то, что едят, кто какую роль выполняет в трапе-

зе, каков этикет во время утренней или вечерней еды, когда принимаются за кушанные члены семьи, прибывшие гости. При изучении этнических материалов обращалось внимание и на то, как хозяйка яранги отбирает продукты для употребления в пищу, их хранение, способы обработки, какая утварь используется. Установлено, что для коренных жителей Чукотки были важны традиционные промыслы добычи мяса, рыбы, птицы, сбора растений, совместная трапеза в семье, в гостях, во время праздников, с соблюдением знаковых традиций, обеденных обрядов и гостеприимства.

Питание – главное условие существования человека. Количество, качество, ассортимент потребляемых продуктов, своевременность и регулярность приёма пищи решающим образом влияют на жизнедеятельность организма. Поэтому искусство приготовления пищи (кулинария) является одним из самых древних и берёт своё начало от первобытных людей. Повседневные поведенческие аспекты питания и пристрастия в пище малочисленных народов Северо-Востока складывались на протяжении веков. В имеющихся исследованиях (Вдовин И.С., Гусев С.В., Руденко С.П.) отмечено, что при первобытно-общинном строе общества коренных народов пища – достояние общее – поедается совместно и не нуждается в распределении. С нарастанием индивидуалистических тенденций у людей появляется стремление ограничить первобытно-общинный порядок в распределении пищи и вместе с тем восстановить его действие. В случае голода у береговых жителей (чукчей и эскимосов) повсюду восстанавливается древнее правило: всю пищу потреблять сообща, которое строго соблюдается и в настоящее время. Люди делились всеми кусками продуктов, чтобы не получить самую дурную славу «в одиночку едя-

щих». Внутрисемейное разделение труда шло прежде всего по линии работ мужских и женских. Основным занятием мужчин всегда являлась охота на морских млекопитающих, белого медведя, оленя, песцов. Рыболовством занимались мужчины и женщины. Собираание растительной пищи – всегда было исключительно как женским, так и детским занятием. Уход за жилищем и детьми, приготовление пищи, изготовление глиняной посуды также являлось женским занятием. С развитием разделения труда, производства возникают новые виды собственности, отличные от общинно-родовой формы (Крушанов А.И.).

Так, возникли *три вида собственности*: коллективная (общинная), семейная и личная. Постепенно создавалась и национальная кухня, являющаяся неотъемлемой частью этнической культуры. Большое значение для развития питания имело *использование чужаками огня*, что привело к изобретению новых способов приготовления пищи. Суровый климат предопределил появление очага «жирника», который служил одновременно и для обогрева, и для приготовления пищи. В древние времена оседлые чукчи готовили пищу на жировых лампах или в специально устроенных «кухнях» около яранги, где жгли кости морских животных, обливая их жиром.

Основными способами приготовления еды были: *варка и запекание* на костре, правилами традиционного питания – *свежеедение, сыроедение* и «сезонность» *питания* (время суток и время года). *Кухонная утварь*: котёл (железный), деревянное блюдо, досочки, толкушка, черпак – ложка, жестяные чашки, каменные и костяные орудия: ножи, топоры, молотки, ступки, скребки, кирки – мотыги. Костяные лопаты и мотыги служили для выкапывания съедобных корней.

Сегодня у чукчей, эскимосов, эвенов, юкагиров – есть

свой рацион питания, для которого характерны особые национальные блюда: «пре-рэм» (лепёшки с мясом, салом и мозгами оленя), «толкуша» (измельчённое мясо с тюленьим жиром и растениями), «мантак» (китовая кожа с салом), «копалгын» (моржовое мясо, ушитое в шкуру с жиром), травяные каши. Значительное место в питании тундровиков – оленеводов занимает мясная пища – оленина.

Главным продуктом оленеводства является оленьё мясо (оленина), которое имеет приятный вкус, легко усваивается организмом человека (калорийность 1 кг мяса 1800–2300 ккал). Оленина содержит большое количество микроэлементов (А, В, РР, С). В 100 г оленьего мяса содержится суточная норма витаминов. Биологически наиболее полноценной является оленина осеннего забоя, а наименее – весеннего. Высокими вкусовыми и питательными свойствами обладает и оленьё сало. В сыром виде чукчи ели только оленину. Сразу после забоя мясо вырезали пластами, разрезали на кусочки, съедали без приправ. Лакомыми кусочками были горячая печень только что убитого оленя и мясо вдоль хребта, почки, костный мозг, глаза, уши, губы, а для детей – опалённая кожица с молодых рогов оленя. Во время забоя пили сырую кровь. Кровь за-кисала, и её ели перед чаем. Кости разбивали и ели сырой костный мозг. Жарили мясо у костра на рожнах, предпочитая есть его недожаренным, когда ещё стекает кровь. Впрок запасали вяленое мясо, тонкими пластами его сушили на солнце, коптили над лёгким костром с дымом. Мясо варили без соли, так как оно имеет солоноватый вкус, ели недожаренным. Мясной бульон пили вместо воды.

При забое оленей получают субпродукты: кровь, ливер, головы, ноги, желудок, кишечник, рога и копыта. Кровь северных оленей является ценным белковым пищевым

продуктом. От взрослого оленя её получают около 7 л, летом и осенью кровь богата микроэлементами, витаминами, аминокислотами и гормонами, это хорошее противцинготное средство. Как пищевой продукт кровь идёт на приготовление колбасы, а при высушивании из неё изготавливают кровяную муку. Очень ценен из субпродуктов ливер: лёгкие, печень, почки и селезёнка, которые богаты витаминами А и С и микроэлементами (медь, марганец, кобальт, железо). Ливер (кроме селезёнки) используют для приготовления пищи или консервируют (замораживают или солят). Как пищевые продукты используют головы, желудки и кишечники. Кишки идут также на приготовление кровяной колбасы. Ноги северных оленей используют для приготовления студня, а из костей вытапливают жир. Языки используются чукчами отдельно: их отделяют от головы, мелко режут и едят в варёном виде. Вымя убитой оленихи едят сырым, предварительно вы-сосав из него молоко.

Блюда из оленины:

Толкуша. Берут измельчённое мясо оленя и тюлений жир, режут растения, перемешивают. Готово к употреблению.

Печень оленя с ягодой. Сырую печень оленя мелко шинкуют, добавляют мороженую бруснику или шикшу. Готово к употреблению.

Костный мозг, свежий или замороженный, едят сразу. *Жир оленя* сохраняют в очищенных кишках. Он всегда готов к употреблению в пищу.

Отварные лёгкие оленя, почки, губы и уши мелко шинкуют, кладут квашеную зелень, шикшу или бруснику, немного нерпичьего жира, перемешивают и подают к столу.

Отварные мозги оленя ели со свежей брусникой и чаем.

Отварные почки оленя шинкуют, добавляют квашеную зелень (листья горца). Готово к употреблению.

Квашеную, отварную печень мелко шинкуют, добавляют голубику свежую и квашеную кровь. Готово к употреблению.

Сухое мясо оленя отбивают, мелко шинкуют, складывают на дере-

вянном блюде, отдельно горкой кладут квашеную зелень, отдельно бруснику. Едят по очереди.

Топлёное оленьё сало. Из мяса упитанного оленя получают хороший питательный бульон и много топлёного сала. После того как из горячего бульона вынули готовое мясо, топлёное сало собирают в отдельную посуду и подают как компонент к нежирному блюду в горячем виде. Топлёное сало получают также из мелко нарубленных костей оленя.

Бульон из крови оленя. Берут немного свежесамороженной крови оленя. Отдельно варят в котле кусочки мяса, жира, растения (очищенную клайтонию, красивую иву). В кипящую воду медленно вливают кровь оленя, постоянно помешивая; как загустеет, горячим подают на стол. Бульон подают тем, кто идёт на дежурство в стадо на ночь или в зимнее время на охоту. Такой бульон не варят летом. После употребления такого бульона человек не получает обморожений.

Приморские чукчи и эскимосы в пищу употребляли – *мясо морских млекопитающих*, рыбу, мелких животных, птицу. Именно лежбища моржей в XVIII в. первоначально являлись решающим фактором выбора мест поселений чукчей и эскимосов. Серый кит, морж – сезонные животные. Лучшими сезонами для промысла морских животных являются весна и осень. Добыча моржей велась исключительно на берегу. Морж в жизни коренных жителей Чукотки имеет большое значение. О чём свидетельствуют раскопки эскимосского поселения Канискак (Дежнево), где 67% костей принадлежат морским млекопитающим и 33% – сухопутным, также были обнаружены раковины моллюсков, кости рыб и птиц. Позже расселение эскимосов стало определяться рядом социальных и природных факторов: удалённостью от моря, высотой над уровнем моря, подходом к берегу, природными особенностями местности, наличием питьевой воды, макроклиматом, безопасностью, а главное, биоресурсами. Социальные факторы не были доминирующими в древ-

нейшие века вплоть до XIV в., определяющее значение имели географические условия. Люди жили только за счёт морских биоресурсов. В пищу чаще употребляли морского зайца (лахтак), акибу, тюленя обыкновенного (ларга) и реже полосатого тюленя (крылатка). Из всех видов морских животных предпочитается китовое и моржовое мясо. Оно сытное и хорошо сохраняется. Очень питательна мороженная печень моржа, нерпы, лахтака. Сок квашеной печени серого кита эскимосы пили вместе с бульоном из варёного нерпичьего мяса (каюк).

У береговых жителей издавна существовал традиционный способ приготовления моржового мяса впрок – заго-

сердце эскимосы ценили и предлагали его детям, старикам, больным или гостю. Промытые кишки очищали от жира и варили, летом их сушили, а зимой ели мелко нарезанными. Жир с кишок заправляли или ели свежим. Желудок надували, сушили и хранили в нём жир и мясо. Кости гренландского кита применяли в строительстве полуподземных жилищ и мясных ям. В начале XX в. у берегов Чукотского полуострова эскимосы добывали до 8–10 голов серых китов. Гренландский кит в несколько раз крупнее и тяжелее серого кита (150 т). Этнографы сообщают, что не успевали зверобои вытащить гренландского кита на берег, как около него собиралась толпа местных жителей. Поч-

сети. С появлением у охотников байдара и ружья облегчилась охота на серого кита и моржа.

Теперь, как и много веков назад, основу питания аборигенных жителей Чукотки составляют несколько видов морских животных: ластоногие (морж, лахтак, ларга, мелкие тюлени), китообразные (гренландский и серый кит, белуха).

С древних времён мясо серого кита, моржа служило важным источником питания; из мяса, кожи с салом и внутренностей готовились разнообразные блюда. **Вот некоторые из них:**

Кожа с салом серого кита (мантак). Её едят в сыром и варёном виде.

Лёгкие серого кита вялили и ели в сыром и варёном виде с тюленьим жиром.

Мантак (китовая кожа с салом). Варёную кожу заготавливали впрок: кожу клали в бочку с плотно уложенными в неё листьями иванчая, заливали водой. Это блюдо ели только зимой. Растение придавало ему приятный запах и позволяло долго сохраняться. Осенью, с первыми заморозками, свежую кожу с салом большими пластами закладывали в мясную яму. Здесь она сохранялась до весны. Это был лучший подарок, когда ездили в гости.

Заквашенную печень кита едят с варёной свежей моржовой шкурой с салом.

Сушёное китовое мясо едят с приправой.

Печень кита (тынук) едят в варёном, замороженном и заправленном виде.

Из замёрзшего сала кита с душком при помощи камня выжимали жир. Сало без жира называлось *кыра*. Такое сало с душком ели на завтрак охотники перед выходом на охоту в зимнее время.

Больные лёгочными заболеваниями пили кровь только что добытого кита.

Вильегыт – квашенные ласты нерпы или моржа заворачивают в траву, потом держат в кожаном мешке. Через некоторое время повторяют процесс: траву меняют, более плотно завязывают мешок и вешают на жерди яранги. В тёплое время через 3–4 дня проверяют готовность блюда. Если кожный покров

товка *копалгына* (моржовое мясо, ушитое в шкуру с жиром). В зависимости от времени года тушу моржа раздвигали по-разному. Шкуру могли снимать целиком, если она предназначалась для байдара или на покрытие жилища. Зверя делили на пять круглых частей – кымгыт. Начинают заготовку мяса с лёгких (игарат). Их извлекают, растягивают на вешала, вялят и сохраняют до зимы. Особенно калорийным считается сердце. Зимой его замораживали и ели в сыром виде. Моржовое

ти все были с ножичками, и каждый отрезал себе по куску китового жира с кожей. Мальчики нарезали мантак длинными полосками и тут же ели сырым. Старые женщины клали его в кожаные мешки, унося для заготовки впрок. В зимнее время иногда гренландских китов закалывали длинными пиками в трещинах льда. Морские зверобои придумали оригинальные способы охоты с использованием гарпунов, стрел, пешней, копий, ножей, для добычи нерпы применяли специальные

ласта легко отделяется, блюдо готово, и его едят с вяленным мясом. Для чукчей это блюдо – деликатес. Передержанные в мешке ласты, имеющие медно-красный цвет, не годятся в пищу. Главное – не пропустить момент готовности блюда.

Печень моржа эскимосы едят в варёном (жареном), замороженном и заквашенном виде.

Замороженную печень моржа едят с варёной свежей моржовой шкурой с салом.

Почки моржа едят в свежем виде, а иногда «с душком» с топлёным тюленьим жиром.

Передние лапы моржа и задний плавник едят в свежем виде или иногда с душком.

Жир кита без кожи набивали в мешки из тюленьих шкур, где он тает, превращаясь в сало. Китовый жир растапливали на медленном огне до тех пор, пока он не перестает тянуться. Растопленный застывший жир приобретает тёмный цвет, его жуют как лакомство.

Понтапат – похлёбка береговых жителей из мяса моржа и разваренной печени.

Особым деликатесом считается мясо и шкура с салом, передние лапы и задний плавник детёныша моржа (исавгак). Их едят в свежем виде. Мясо детёныша сушат, но так, чтобы внутренняя часть оставалась сырой. Потом варят в котле и кладут в деревянную бочку с топлёным жиром. Им питаются только в зимнее время.

Копалгын. Тушу моржа, предназначенную для копалгына, режут на восемь-девять равных частей. Шкуру снимают ровными прямоугольниками вместе с жиром и мя-

сом. Кости передних и задних лап вырезают. Со снятого куска шкуры с мясом и жиром режется толстая полоса, но совсем не отрезается. Затем по краям куска делают прорезы, после чего весь кусок стягивается. В таком виде копалгын долгое время сохраняется в холодном месте, а в мясной яме может быть свежим круглый год. В пищу копалгын употребляется в свежем и подкисшем виде. Едят его с рыбой и травами. Вкус его солоноватый и напоминает перезревшую дыню. Чтобы копалгын был сочным и вкусным, внутрь вкладывают кусок моржовой печени и почки. Весит такой «мешок» 60–80 кг. Особым деликатесом считается копалгын с зеленоватым салом и с душком. Усваивается он легко. Копалгын сытнее парного мяса.

Свежее мясо моржа разрезают на мелкие кусочки и варят с растительной приправой, иван-чаем и морскими водорослями.

Кишки моржа едят в свежем виде, иногда кишки заполняются жиром.

Мясо моржа с душком варят большими кусками.

Однако в настоящее время морские зверобой столкнулись с рядом проблем: промысел серого кита с судов остаётся хищническим, так как большая часть мяса выбрасывается, теряется. Труд морского охотника, переработчика китового мяса недостаточно механизирован, высокие энергетические затраты при добыче. В отрасли стало работать много пришлых людей с

чужой для коренных жителей психологией. Кроме того, коренные жители Чукотки в последние годы столкнулись с проблемой болезни китов, мясо которых имеет сильный лекарственный привкус и непригодно в пищу. Причина в том, что хрупкие экосистемы арктических морей подвергаются усиленному антропогенному воздействию. Аварии на морских нефтяных платформах, разливы нефти танкерами наносят непоправимый ущерб.

Сегодня развивается новая стратегия береговых жителей. Национальные общины коряков, чукчей, эскимосов решили возродить приморские традиции и продолжать промысел не только для того, чтобы мясо морского зверя использовать в пищу, но и существенно улучшить свою хозяйственно-материальную бытовую культуру.

В северных районах Чукотки в хозяйственно-культурном типе питания широко распространена рыба. Чукчи питались рыбой много тысяч лет назад. Они не только ели её сами, но и использовали как корм для собак. Основные виды рыб Колымского бассейна: сибирский осётр, нельма, ленок, хариус, чир, сиг, пелядь, сиг-валёк, восточно-сибирский елец, карась, щука, окунь, ёрш. В море чукчи вылавливали навагу, треску, зубатку, корюшку, мойву. В реках Чукотки, впадающих в моря Северного Ледовитого океана, встречаются: ряпушка, омуль и муксун. Во внутренние водоёмы Чукотки для нереста заходят дальневосточные лососи, некоторые виды голец. В реках Чукотки нерестятся кега, горбуша, чавыча и нерка.

В прежние времена рыболовство для коренных народов было сопутствующим промыслом. Рыболовством занимались как оленные, так и приморские жители. Ели рыбу, как отмечает К. Мерк, сырой (свежепойманной и мороженой), варёной, жарено-сушёной, копчёно-сушё-

ной, вяленой и толчёной в виде муки. В декабре-январе ловили форель сетями из китовых жильных ниток, багром. Рыбу замораживали, укладывали на грузовые нарты и везли домой.

Постепенно чукчи усвоили технику и способы добычи рыбы, используемые коряками, и стали загонять её в виде юколы на зиму. Камчадалы, чукчи, эвены, коряки рыбу сушили, готовили юколу, поскольку рыба во всех видах (сушёная, вяленая, мороженная) была их основной пищей. Первоначально *промысел рыбы* носил индивидуальный характер. Чукчи знали только один способ ловли рыбы – с помощью неподвижной сети, связанной из кожаных ремней. Ловили рыбу мужчины, дети помогали перетаскивать рыбу на место обработки, отгоняли мух, женщины нарезали траву, чтобы на ней её пластать. Закончив работу с рыбой, женщины сворачивают траву и несут выбрасывать подальше от жилья, где не будут топтать ногами, не будут следить рыбной кровью, если на неё наступят, провоцируя мух для их дальнейшего размножения. Красную рыбу чукчи ловили только для ежедневного употребления и на корм собакам, так как не знали способов её обработки и длительного хранения.

Рыбу чукчи, коряки ели свежую, сырой, её тушили, вялили, варили, запекали, квасили, замораживали. Характерная особенность традиционных рыбных блюд у чукчей – отсутствие приправ. К рыбе отдельно подавали зелёный лук и ягоды. **Блюда из рыбы:**

Сырая рыба. Лакомством и угощением считалось брюшко и потроха, их вырезали и съедали сырыми. Свежую рыбу чукчи, эвены чистят от внутренностей, жабры промывают, съедают свежими. Желудки очищают, снимают кусочки жира от кишечника и едят.

В *отварном виде* использовали: морской окунь, камбала, горбуша, кета. Рыбу варили целиком и порционными кусками. Порционные куски варят 15–20 мин, мел-

кую рыбу – 5–10 мин. Из котла вынимали рыбу черпаком с отверстием для стока, выкладывали в деревянное корытце, затем куски брали руками и ели. Уха не пользовалась у приморских жителей большой популярностью, её пили из котла или глубоких глиняных черпаков-кружек.

Коряки готовили *толкушу* из отварной кеты, хариуса и оленьей печени с добавлением жира нерпы. В толкушу клали ягоды: шикшу и жимолость (ягоды хранят в мешке из шкуры нерпы, закопав в землю, или в тени, покрыв мхом).

Порсу из кеты, нерки, мальмы готовили так: мелко нарезали варёную рыбу, сушили и растирали в порошок, ели с приправами.

Брали порсу, бруснику и жир, толкли всё в деревянной ступке, пока не образуется густая масса, и употребляли её вместо хлеба.

Чукчи за завтраком ели квашенные рыбы головы и пили чай.

Кислая рыба. Пойманную рыбу нанизывают по 10–12 штук на прут и оставляют лежать в воде три-четыре дня, затем прячут про запас. Кислую рыбу готовят осенью и едят в сыром виде.

Строганина. Мороженую рыбу: чир, щекур, нельму, голец или хариус – строгают, подают с жиром и квашеной зеленью, или строганину едят, макая её в солёную воду или оленью кровь. Отдельно к столу подают мороженую бруснику, клюкву, шикшу.

Важным местом в питании малочисленных народов были *дикие растения: травы, листья, корневища*. Народы Крайнего Севера употребляли в пищу свыше 140 видов дикоросов. Они служат витаминным дополнением к пище. Растения едят в *свежем виде* или подвергают их *термической обработке, сушке, квашению, заливают жиром*. Различные листья, ягоды, корешки, смешивая с жиром, употребляют в пищу. В их числе – кисличник, ложечница, камнеломка Нельсона, арктический щавель, горец, родиола, листья некоторых ив, различные ягоды и т.д. Эскимосы использовали 5 видов водорослей, а также лишайники, мох, грибы. На Чукотке имеются богатые заросли морошки, брусники, шикши, шиповника и т.д., со-

держащих большое количество витаминов и других полезных веществ. Весной дети собирали и ели все ранние корни шеломайника с сухой икрой, собирали черемшу на зиму (бочками), летом собирали ягоду, корешки – клубни сараны. Активный сбор растений начинается с конца июня и продолжается до первой декады августа. В июле, в период цветения на зиму чукотские женщины заготавливают дикорастущие растения.

Для выкапывания растений чукчи использовали мотыги из моржового клыка, пастухи-оленьеводы – куски оленьих рогов, коряки применяли железные «копалки» в виде дуги. Для измельчения корней использовали нож.

В пищу *чукчи* как витаминные добавки употребляли многие местные тундровые растения, листья: лук-скорода, щавель, горец, различные грибы, все съедобные ягоды. *Коряки* в качестве продуктов питания широко используют клубни растений (щавеля, копеечника, сараны).

Эскимосы в силу особых климатических условий включали в свой рацион разнообразные приправы к жирному мясу морских животных из съедобных дикорастущих трав, корней, листьев арктической ивы, ягод, питались морскими водорослями.

Блюда из диких полезных растений:

Едят *сладкий корень травы копеечника*. Его собирают весной и осенью. Летом корень теряет сладость.

Молодые ветки *тальника (ивы)* дети очищают от коры и обсаживают. В соке много витаминов, он сладковатый на вкус. Дети всех возрастов его любят.

Корень горца трёхкрылоплодного традиционно употребляется эскимосами. Едят его с жиром, с вяленой рыбьей икрой, с кровью моржа, нерпы, тюленя (корень сладкий, по вкусу напоминает морковь).

Кусочки сала, мяса, печени нерпы едят с *молодыми листьями горца трёхкрылоплодного*, обмакивая в чуть прокисшую кровь морзверя.

Варёную кожу с салом ели с тёртым в кашеобразную массу растением – горец крылатоплодный.

Свежий китовый или моржовый жир, а также бульон из мяса моржа едят со стеблями и листьями иванчая.

Эскимосы закапывают летом в землю толстые корни арктической ивы. Зимой откапывают корни, снимают с них кору, которую в качестве приправы едят с жиром кита

«Зелёная кашка». Молодые листья полярной ивы отбивают, из них готовят массу в виде теста. Добавляют оленье кровь и любые ягоды, тщательно перемешивают до кашцеобразного состояния.

Летняя кашка. Эскимосы отваривают свежие листья горца, толкут их, в полученную массу добавляют топленый жир и кровь моржа. Дети едят кашку с мясом нерпы или моржа.

Весенняя кашка. Берут молодые варёные листья горца трёхкрылоплодного, толкут и добавляют топленый жир. Нарезанное кусочками свежее мясо моржа едят, обмакивая в приготовленную кашку.

Зимняя кашка. Листья горца варят до образования густого тёмно-зелёного отвара, затем их отжимают и складывают в различную посуду для заморозки или в мешок из шкуры нерпы для хранения в течение зимы. Зимой замороженную массу берут, размораживают и готовят зимнюю кашку. В толчёную массу добавляют топленый жир и кровь нерпы. (Кушанье можно есть и в замороженном виде.)

При варке мяса моржа, нерпы, тюленя добавляют свежие и отварные листья горца для вкуса и навару, а также перетёртые листья горца едят со свежим салом серого кита или манкаком белухи. Отвар листьев горца используют как консервант для заготовки на зиму мяса моржа.

Сочные листья камнеломки смешивают с топленым жиром, плотно упаковывают в кожаный мешок так, чтобы не проникал воздух. В зимнее время едят с сушёным (вяленным) мясом моржа, тюленя, которое предварительно толкут и смешивают с этой зелёной приправой.

Хозяйки яранг активно используют растения-консерванты: пижму, полынь, сфагнум, ламинарию.

Проблема рационального питания коренных малочисленных народов актуальна и в

наши дни. Учёными-ботаниками, экологами, медиками – изучается растительный мир Северо-Востока и его хозяйственное использование. Обращается внимание на культивирование в местных природных условиях полезных растений, сбор и заготовку фитопродуктов с учётом сохранения всех видов растений.

В заключение следует отметить, что в основе питания приморских и тундровых чукчей лежат *два главных фактора: набор исходных продуктов и способ их обработки*. Набор продуктов определялся тем, что давала природа и материальное производство. В питании приморских чукчей и юго-восточных эскимосов много общего, но каждый народ придавал своим блюдам особый вкус. Это объясняется тем, что этносы, используя одно и то же сырьё, применяли различную технологию приготовления, своеобразные сочетания употребляемых в пищу съедобных растений.

Весной и летом тундровые и береговые жители употребляли много растительной пищи, а осенью или зимой добавляли в рацион пищу, богатую белками, углеводами и жирами. Чукчи сохраняли мясо в ледниковых ямах про запас, чтобы полакомиться свежим мясом. Пастухи-оленьеводы, живя на одном месте, и сейчас коптят мясо оленя над дымом в своих ярангах, используя ветки ивы, или просто употребляют его в течение зимы слегка подваренным.

Тип и режим питания зависел от демографических и климатических условий, наличия мяса оленя, морского зверя, рыбы, птицы, промысла. Кроме того, на *особенности национального питания* влияли религиозные обычаи, пищевые предпочтения, система культовых запретов, регламентирующих образ жизни, а также правила поведения в быту, на природе, бережное и экономное использование природных ресурсов и пищи.

Национальная кухня малочисленных народов как основа национальной культуры сохранила свою неповторимость, простоту, особый вкус. Формы питания, виды пищи каждого народа Северо-Востока находятся в тесной связи с его хозяйственно-материальной культурой. Набор основных продуктов, употребляемых в пищу, и типы блюд, приготовляемых из них, наличие характерных растительных компонентов, способов обработки мяса, а также пищевых ограничений и предпочтений, правил поведения, связанных с приготовлением, и этикет приёма еды делают **систему питания арктических народов самобытной**. Но в течение всей истории биологических и экологических исследований Арктики знания о системе питания коренных народов использовались ограниченно. Опыт представлений охотников и оленеводов о традициях питания оставался невостребованным, не разрабатываются и технологии производства продуктов питания. Низкая доходность жизненного уровня семьи, высокие цены на продукты, отсутствие единой государственной политики в области развития традиционного питания привели малочисленные народы к несоблюдению сбалансированности рациона питания и к отсутствию должной оценки влияния этнического питания на здоровье в условиях экстремального климата.

Алла ФРОЛОВА

г. МАГАДАН

Худ. Валерий Раткин

Этой зимой в Москве проходил II Международный форум экологических фильмов «Золотой Витязь». В программе кинофорума было показано 38 конкурсных и 22 внеконкурсных фильма из 11 стран мира. Обладателем Гран-при стал фильм «Нярма» петербургского режиссёра Эдгара Бартенева.

— Как пришла к Вам идея фильма?

— Этот простой вопрос самый сложный. Я уже трижды отвечал, но надо же как-нибудь оригинально ответить. Впервые я оказался на Севере, работая врачом-реаниматологом, и мне довелось однажды летать на вертолёт, спуститься в Ненецкое стойбище. Когда я краем глаза увидел, как эти люди живут, меня поразило, что они всегда в воодушевлении, что как-то очень трепетно относятся друг к другу, к оленям, собакам и так далее. Потом про это забылось, и вот однажды я открыл для себя эпический фольклор народов Севера. И я был ошеломлён этими текстами, которые учёные записывали, так же как в своё время был ошеломлён прозой Гоголя или Платонова — это выдающаяся литература. Если сопоставить те мифы, в которых аборигены народов севера спиваются и вымирают, с их народной литературой, которая ткётся сегодня, то в этом есть какое-то противоречие. Я поехал туда, чтобы отыскать правду. И правда не в мифе про спивающиеся народы, но совершенно точно эти люди соответствуют той выдающейся литературе, которую они делают. Уклад жизни хантов и ненцев, ведущих кочевой образ жизни, совершенно потрясающий — это непривычная нам гармония в отношениях, отсутствие рефлексии по ничтожному поводу, когда как мы всё мысленно планируем, а у моих героев-оленоводов нет разрыва между мотивацией и поступком — они немедленно вступают в работу, у

Съёмки фильма «Нярма»

них нет рефлексии, которая разрушает сердце. Отношения между людьми у них тоже удивительные: я не видел, чтобы муж кричал на жену, или чтобы обижали детей, ненцы никогда не бьют животных. Создание этого фильма — это не бегство моё от реальности, но желание показать, что ещё есть на нашей планете другой мир с другими заботами.

— То есть фильмом Вы хотели показать правду жизни?

— Не показать правду, а передать правду, пережитую съёмочной группой, которую мы испытали, находясь там. И уж эту правду исказить нельзя. Бывает, что документалисты встречаются с людьми, которые им не нравятся лично, но с монтажного стола выходит картина с героическими персонажами. Но эту правду, пережитую нами, исказить нельзя.

— А как расшифровывается название — «Нярма»?

— Нярма — это подположник нарты. На Ямале, где тундра мягкая, на полозья не ставятся подполозники, такая накладка уместна лишь на территории с твёрдой почвой, где приходится кочевать по горам, чтобы уберечь полоз нарты. Нярма обычно делается из небольшой, обязательно прямой лиственницы. Мы наших хозяев спрашивали: «Сколько раз в год приходится менять нярму?» Нам отвечали, что от 7 до 12 нярм хватает в год на одну нарту. Но сколько мы ни коче-

вали, на каждой стоянке, практически каждый день оленеводы шли в ближайший лесок, искали небольшие стройные лиственницы, а потом изготавливали нярмы. Потому что при перекочёвках нярмы просто разбивались в щепки. Нярма — это самое частое слово в лексиконе оленеводов Полярного Урала. Без нярмы оленевод в горах жить не сможет, иначе нарты будут рассыпаться.

— Расскажите про главного героя мальчика.

— Главному герою Гоше исполняется 24 года. В 17 лет, когда я с ним и познакомился, он стал хозяином огромного стойбища в 3 тысячи оленей после трагической гибели отца. Ответственность за всех близких и за весь полярный Урал легла на него, ведь все люди, которые там живут, связаны кровными узами. А по моим личным ощущениям весь Северный Урал — это отдельное государство в нашем большом государстве.

— Почему Вы выбрали его?

— Я его не выбирал, так получилось само собой. В 2003 году должен был состояться мой полнометражный игровой дебют по мотивам эпических ненецких сказаний. Это был совместный проект Франции и России, но по финансовым причинам этот проект после запуска рухнул. Я потерял возможность снимать кино, которое долго выращивал и гото-

вил. Когда меня настигла эта творческая катастрофа, мой педагог Алексей Юрьевич Герман сказал, что у режиссёра есть три дня на депрессию, а потом – работать. И в те годы я снял материалы, в которые попал Гоша. Я снимал материалы в копилку этого игрового проекта, но в итоге оказалось, что документальное кино вышло на первый план.

– *А как проходили съёмки?*

– Съёмочная группа состояла из четырёх человек: я, оператор, ассистент оператора и звукооператор. Жили мы в тех же условиях, хотя привезли с собой на всякий случай палатку и печку-буржуйку, но палатку разорвало в первый же день из-за сильных порывов ветра, мы, естественно, остались в чуме. Там очень сильные ветра, что порой, если не привязаться верёвкой, то можно буквально улететь. Я прожил суммарно в этих условиях больше года. Если бы была возможность уйти в кочевники на год, я бы с радостью ушёл, но не могу, ведь я семейный человек.

– *Расскажите нам, москвичам, каково было жить на севере?*

– Это совсем другая жизнь. Самое сложное в ней – физические тяготы. Фильм снимался в 2007 году, после этого год ушёл лишь на то, чтобы я и оператор поправили здоровье, звуорежиссёр и ассистент оператора были молодые люди, и они легче перенесли эту жизнь. Переселять москвичей туда бессмысленно, ведь каждый велик на своём месте.

– *А у Вас был определённый сценарий?*

– Нет, в документальном кино сценарий возможен, если делается телеочерк. Документальное кино похоже на публицистику. Для меня нет различий между игровым и неигровым кино – всё должно становиться искусством. Неигровое кино диктует метод наблюдения. Я не переносу, когда автор говорит за кадром, – это не то документальное кино, которое я хотел бы видеть. И традиционно документальное кино для всех режиссёров

всего мира было стартовой площадкой, его можно расценивать как поле для экспериментов и новаций, которые впоследствии переносятся в игровое кино.

– *Когда Вы ехали на место съёмки, у Вас был в голове образ?*

– Образ фильма созревает ещё до съёмок в процессе сбора материалов. Если образы фильма до и после съёмок не сошлись – значит, ты не режиссёр. Тем более что кино – искусство формулирования. Нельзя снять кино, если ты не разговариваешь, ты снимаешь кино и всё время разговариваешь – формулируешь свою идею. В итоге ты понимаешь, какие способы съёмки применимы к процессу реализации проблемы. Образ фильма родился – и отсюда растут вектора работы. Это не делается на бумаге – это делают человечки в голове, которые своими молоточками отбивают определённый ритм мыслей.

– *Как герои реагировали на съёмочную группу?*

– Мне ценно, как автор относится к героям – по их глазам это видно. Если персонаж сидит как на иголках, значит там нет человеческого контакта, а мой метод работы – вживание. Мы ведь проживаем вместе с героями их жизнь, мы по мере возможности им помогали, правда, из нас плохие помощники. Мы снимали ненавязчиво, на третий день нас уже не замечали. Когда извечно занятые олениводы видят, что наш труд – тоже непрерывный и тяжёлый, наступает взаимопонимание, что и мы не оболтусы, а как они – труженики. Обычно ведь принято на два часа приезжать, задавать хаотично какие-то вопросы и уезжать, а мы делали фильм долго и упорно.

– *Герои фильма уже видели конечный результат?*

– Нет, мы пока только собираемся, ведь надо поехать в Салехард, добраться до этой кочевни. Мы отдавали людям в Салехарде, которые знали этих людей, диски, возможно, до них фильм дошёл, но ведь у

них должна быть аппаратура, чтобы их просмотреть. У них есть перевозной бустер, в который мы тоже заряжали каскеты, есть там ДВД и телевизор, но неизвестно, найдут ли они время.

– *Вы говорили, что были доктором, а как стали режиссёром?*

– Я с детства занимался литературой, хотел после школы поступать в Литературный институт, но мне сказали родители, чтобы я перестал «валять дурака» и получил нормальную профессию – и я пошёл учиться на врача. Потом я, работая врачом, поступил на заочный курс во ВГИК, учился сценарному ремеслу. Я пользовался своим отпуском, чтобы сдать сессию. Потом, когда узнал, что на высший курс набирает Алексей Юрьевич Герман, решил сделать передышку и начал своё развитие в режиссёрском ремесле.

– *Какой фильм последнего времени произвёл на Вас впечатление?*

– Хороших фильмов много, но за последнее время я могу назвать дебют румынского режиссёра Кристиан Немеску «Мечты о Калифорнии» и «Пределы контроля» Джима Джармуша. Из русских, к сожалению, не так много, но мне понравился фильм, хотя тематически меня он отталкивал – «Волчок» Василия Сигарёва – он честно сделан, и сделан художником, владеющим именно ремеслом создания кино.

– *Чему будет посвящён Ваш следующий фильм?*

– Я собираюсь продолжать снимать и игровое, и документальное кино. Я пишу сценарии игровых фильмов и для себя, и для других людей. Сейчас я заканчиваю фильм-этнографию про старую питерскую интеллигенцию – про человека, которому 94 года, преподаёт в институте Герцена. Это Нина Яковлевна Дьяконова – бабушка моей жены.

**Беседу вели
Вероника Васильева,
Виктория Лебедева
и Ольга Сластухина**

ТАЙМЫР — МОЯ ВТОРАЯ РОДИНА

Валерий КРАВЕЦ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ. БЕХОВО – ТАЙМЫР – БЕХОВО

Никто вам толком не расскажет, как рождаются стихи. Скорее всего, всё-таки по наитию, вдруг, от какого-то случайного наблюдения, внезапного впечатления.

Правда, бывает, когда совершенно случайный эпизод вызывает цепь воспоминаний, а с ними – и размышлений, приводящих к поэтическому обобщению.

Так случилось и со мной в августе 2008 года, когда я приобрёл туристическую путёвку на однодневную поездку по маршруту Королёв–Поленово–Таруса.

Был прекрасный, ещё летний (по температуре) день, когда автобус прикатил нас в приокские края. Глаз радовали полевые цветы, их запах дурманил и настраивал на меланхолический лад. Щебетали птицы, а всякая летающая мелочь типа шмелей и пчёл добирала нектар со щедрых соцветий.

В этот пейзаж органично вписался небольшой храм (именно храм, а не церквушка), а вместе с ним и деревенское кладбище, расположенное на несколько десятков метров ниже. Нам рассказали, что на нём похоронен известный русский художник Василий Дмитриевич Поленов. Кто же не знает его «Московского дворика»!

Поклонившись могиле художника, упокоенного в его родных краях, уже на выходе с кладбища я обратил внимание на оградку, которая объединяла несколько захоронений, и понял, что это место последнего приюта Свиридовых. На одном из скромных памятников была изображена палитра и выбита надпись «Художник Н.А. Свиридов». И тогда я вспомнил...

В августе 1966 года вместе с известным кинооператором и режиссёром Юрием Лединым мы снимали телевизионный фильм «Мы – нганасаны», для чего на лодке-казанке отправились из Норильска через озеро Пясино, по рекам Пясине, Дудыпте и Аваму, что на Таймыре, к посёлку Усть-Авам, где обитали нганасаны – древнейшая малочисленная северная народность. В один из дней в тундре, неподалёку от посёлка, мы встретили человека с мольбертом. Это был Николай Александрович Свиридов.

Познакомились. Оказалось, что он уже давно живёт в Дудинке. Занимается живописью. Член Союза художников СССР. А сам он родом из Беково – небольшой деревеньки, что близ Поленова. Это его родина – и по рождению, и творческая.

Как ни прекрасна его отчая земля над Окой, очаровал его Таймыр. Тогда, 42 года назад, я не мог знать, что пребывание Свиридова на Таймыре затянется на десятки лет и что он станет настоящим певцом Севера. Сегодня его картины выставляются в художественной галерее Норильска, их можно увидеть в Дудинке, в частных собраниях.

Николай Александрович много занимался с одарёнными детьми в художественной студии окружного центра.

Он был радушным хозяином, и я не раз пользовался его гостеприимством. Помню его доброжелательную улыбку, негромкий голос, неспешную походку. Почему-то врезалось в память, что ходил он, даже дома, в больших тяжёлых валенках.

Он много рассказывал мне о Беково, о своём старом доме в нём, о том, что надо бы уже перебираться в родные места.

Николаю Александровичу было за девяносто, когда его не стало. Он успел поклониться родной земле и упокоиться в ней. И оставил по себе добрую память – и полотнами о Таймыре, и о приокском крае.

Вот такая неожиданная встреча. Глядя на деревенский храм, на скромную могилу художника, я думал о его судьбе, тихой и счастливой. На душе было светло и печально. А потом пришли стихи...

НА МОГИЛЕ Н.А. СВИРИДОВА
Кругом такая благодать
И храм над маленьким погостом.
Здесь надо жить и умирать
Светло, возвышенно и просто.
Но край родимый над Окой,
Став заполярным Одиссеем,
Он породнил своей рукой
С отчизной, что над Енисеем.
Художнику всегда родня
Обычный люд, простой и местный.
Он место жизни не менял,
А всей душою выбрал честно.

*О, Север, тайный властелин
Душ вдохновенных и не спящих!
Ты не в грядущее трамплин,
А в настоящее входящий.*

*Как можешь ты заморозить,
Всегда собой являя новость,
Чтоб лапти лёгкие сменить
На валенок многопудовость.
Я помню, в них всегда ходил
С уютным и домашним видом,
Когда творил и не творил
Художник Николай Свиридов.
...А в край соцветий и имелей
Он из таймырского норд-оста
Вернулся, сын родных полей,
В приют семейного погоста.
И упокоился навек,
И было необыкновенно,
Что здесь обрёл свой вечный берег
Художник и земляк Поленов.
И над могилами творцов
Их душ не угасают зори:
Разлив таймырских чабрецов
И солнечный «Московский дворик».*

*НА ЗЕМЛЕ НЕПЛУГОВОЙ
Жил да был один художник
На земле неплуговой.
Скрамный, словно подорожник
У тропинки луговой.
Только пролегла тропинка
Из родимой стороны
В ту страну, где льды и льдинки
Навсегда учреждены.
Но в закованных просторах
Мерзлотою вековой
Он увидел без повторов
То, что видел над Окой.
Перенёс он по-сыновьи
На таймырские холсты
Обаяние любовью
Среднерусской красоты.
И когда б меня спросили,
Чем сей славен человек,
Я б ответил: он Россию
Рисовал свой долгий век.*

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ.

ДНЕЙ ПРЕКРАСНЫХ ПОБЕРЕЖЬЕ...

С Надей Селянкиной (в замужестве Кочуковой) я познакомился в конце 60-х годов. Подруга моей жены, она входила в замечательную команду неутомимых норильских туристов, которые зимой, казалось, даже спали в лыжах, а летом не покидали байдарок. Конечно, казалось, потому что они все были прекрасными специалистами, работали на комбинате и в других организациях. Надя была одним из ведущих специалистов на космофизическом полигоне в районе Норильска. Помню своё неподдельное удивление и восхищение, когда на одном из мероприятий, проводимых военкоматом по случаю присвоения очередных званий офицерам запаса, поднялась на сцену получать свой военный билет с новой записью «капитан запаса» и Надя Селянкина.

Заядлым туристом и мастером на все руки оказался и её муж Толя Кочуков. В набор «умений» входило и владение кинокамерой. Какая тогда была техника? Плёнка 8 миллиметров, камера заводилась пружиной, вся обработка плёнки ложилась на плечи энтузиастов.

Неудивительно, что все эти хлопоты в самом лучшем случае завершались обработкой плёнки. До монтажа руки уже не доходили. Поэтому, просмотрев материал, самодеятельные кинооператоры откладывали премьеру до лучших времён.

Не все из них дождались премьеры. Не стало и Толи Кочукова.

Участники туристических походов уже давно стали пенсионерами и разъехались по разным уголкам России. И вот летом 2008 года я получаю маленькую бандероль с Урала. От Нади. В бандероли – диск с записью тех лент, которые снимали десятки лет назад норильские туристы на Таймыре.

Конечно, ни о каком качестве, ни о профессиональном мастерстве говорить не приходится. Но как велика и прекрасна сила памяти, её волнующая трепетность, сохранившаяся на киноплёнке. Я узнаю, иногда угадываю родные лица друзей своей юности, снятые почти что самодельной камерой, места в тундре, где запечатлел их объектив. Плачет душа, горюет, а потом оживает, благодарно вспоминает. И рождаются стихи...

*Молодые, как редиска,
В шевелюрах, как в папахах,
Мы не понимали риска,
Мы не ощущали страха.
Как любили мы байдарки!
Как обожествляли лыжи!
Польсели, полустарки,
Стали даже ростом ниже.
Унесли стальные птицы
Из полярного сиянья
Нас на жительство в столицу,
А точнее – на выживание.
Кто отправился в глубинку,*

*Где прожить, возможно, легче.
Кто припугнул под сурдинку,
Кто вообще уже далече.
Только тундра наша – та же,
Только птицы в тундре – те же.
Всё туманней и миражней
Дней прекрасных побережье...*

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ. КАК НАЧИНАЛСЯ ХУДОЖНИК

Судьба подарила мне несколько встреч с Мотюмяку Турдагиным – нганасанским художником, который стал первым профессионалом среди своих земляков (а нганасан меньше одной тысячи, все они живут на Таймыре).

В 1996 году вышел в свет отпечатанный в Москве прекрасный авторский альбом северянина, члена Союза художников России «Мотюмяку Турдагин. Нганасанский художник». На презентации по поводу выхода альбома, а она проходила в Дудинке, мы говорили о многом. Мой оператор вёл видеосъёмку не оглядываясь на время. Сохранившаяся фонограмма позволила сбересть для последующих публикаций интересные высказывания самобытного художника.

Вот одно из них: «Вот то, что я занимаюсь художничеством – это подарок мне от жизни, от судьбы. В детстве я рисовал на льду ножичком. Лёд – мой первый холст, ножичек – первая кисть. Гравюры резал. Потом офорты делал. Маслом писал. Гуашью. Делал витражи. Всё помаленьку».

Мне не даёт покоя вот это высказывание: «Лёд – мой первый холст, ножичек – первая кисть». Как это происходило? Это же сколько труда надо вложить, чтобы на природном «полотне», в природных условиях – холод, ветер – самозабвенно творить то, что, скорее всего, люди так и не увидели. Но, возможно, приходили на речной лёд полярные волки и песцы, дикие северные олени, зайцы и куропатки, может быть, даже россомахи и медведи, прочая тундровая живность, чтобы любоваться его творениями, чуть подзелёнными дрожащим светом полярного сияния. Так художник «ставил руку» с молчаливого одобрения природных сил. И когда весеннее половодье уносило льды с его картинками к речке Хатанге, а потом и к морю, этот фантастический вернисаж продолжался. И вместе с его картинами плыли к ледовому морю и звериные следы, как бы сопровождавая своим виртуальным присутствием работы мастера...

*Он рисовал ножом по льду.
И вот во время ледохода
Нерукотворная природа
Топталась по его труду.
Лёд на реке за валом вал
Рвал эти странные полотна,
А он брал нож – и рисовал
Опять светло и беззаботно.*

Мотюмяку Турдагин. С охоты.

(Из фонда Окружного центра народного творчества)

*Его весенний вернисаж
Открытым был и бездоходным
Без оскорбительных продаж
Под гром оваций ледоходных.
С родной природой он в ладу
Жил в отчей тундровой общаге,
И всё, что рисовал на льду,
Навек осталось на бумаге.*

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ. СРЕДЬ ПРОТОКОЛЬНОЙ НЕМОТЫ...

У Кремлёвской стены я был всего несколько раз. И происходило это в те времена, когда посещение Мавзолея было почти ритуальным действием, особенно для провинциала, оказавшегося в Москве проездом, как правило, в отпускное время.

В апреле 2007 года я получил приглашение поучаствовать в церемонии возложения цветов к памятной доске А.П. Завенягина, чей прах хранится в Кремлёвской стене. Всё происходило по случаю очередного дня рождения Авраамия Павловича. Но приглашение исходило не от Норильского комбината, чьё имя носит (носил?) этот гигант цветной металлургии, а от Московского института стали и сплавов, первым ректором (директором?) которого был Авраамий Павлович.

Поскольку Кремль и его Стена – место особое, эта церемония была заранее оговорена. Довольно большая делегация, в ней участвовавшая, состояла из студентов, преподавателей и гостей вроде меня.

Всё было расписано по минутам. Ректор МИСИС речи не говорил, но кратко рассказал, кто такой А.П. Завенягин. Мы, естественно, и без него все это знали, потому во время его сообщения обменивались впечатлениями от посещения этого мемориального места. Но когда попытались сделать фотографию на память, были решительно ограничены в своих намерениях непонятно откуда взявшимися сотрудниками.

Всё прошло довольно быстро, несмотря на необычность и волнительность момента. Я бы сказал, несколько казённо. Но эмоциональ-

ное восприятие увиденного и пережитого за эти несколько минут всё же реализовалось...

У КРЕМЛЁВСКОЙ СТЕНЫ

1. ПАМЯТИ А.П. ЗАВЕНЯГИНА

*Я у стены, почти секретной,
Средь протокольной немоты.
Здесь похоронен наш директор.
Мы принесли ему цветы.
Он мало жил, но сделал много.
Откуда было столько сил!
Я думаю, что он у Бога
Спокойной жизни не просил.
Он человеком был суровым.
Он нужен был своей стране.
Вот только жаль, что замурован
Хотя в почётной, но стене.*

2. МАВЗОЛЕЙ

*А рядом пантеон, гробница.
За ним на вечной полосе
Из ниш глядят родные лица,
Хотя родные и не все.
Мемориальная аллея.
Покая нет. И будет ли?
Не вынести из мавзолея,
Всё то, что мы туда внесли.*

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ. СВОЙ ХРАМ ПОСТРОИТЬ И ВОЗДВИГНУТЬ КРЕСТ

Норильск плохо оборудован для перехода в вечную жизнь. Земля здесь вечномёрзлая – не дай Бог умереть в зимнее время. Да и летом ложиться в такую могилу мало приятного.

Городское кладбище – обширное, стихийно расположенное в горбатой тундре, перекошенное движением мерзлоты меньше, всего напоминает о вечном покое.

В зимнее время особенно зловеще выглядят мусульманские захоронения. Вознесённые над могилами полумесяцы, вырезанные с помощью сварочного аппарата из металла, заиндевевшие от стужи, освещённые скудным лунным светом, буквально пронзают сердце своей жуткой печалью.

Сейчас в Норильске построен крематорий, и хотя всё выглядит более цивилизованно, всё равно – тяжело. Нет той благодати, задумчивой грусти, обволакивающей душу на деревенских погостах в глубинной России.

Это несправедливо. И не случайно, как мне кажется, Высшие Силы стараются сделать так, чтобы печальное соприкосновение человека в момент ухода с неизбежным было освящено Божьим участием.

Наверное, не случайно в Норильске возникла мечеть. Так получилось, что я знал человека, скажем современным языком – инициатора и инвестора строительства мусульманского храма – а потому часто бывал на стройке. В одно из таких посещений мы вместе с кинооператором увидели под сводом купола белого голубя. Он парил спокойно и таинственно

в ещё не освящённой вышине, и хотя я точно знаю, что это была птица, всё время думаю: а только ли птица?

На лагерной кандалной земле, проклятой и людьми, и Богом, никогда не было храма. И возведение Божьего Дома, который впоследствии получил своё имя в честь иконы Всех Скорбящих Радость, было не только выражением потребности человеческой, но, не сомневаюсь, и промыслом Божиим.

У истоков святой идеи стояли энтузиасты-прихожане. Поддержал их в добром начинании владыка Питирим, который специально приезжал для этого в заполярный город. Не остался равнодушным и Красноярский епископат. Тут Божья помощь не помешала. Много сделали для решения прозаических вопросов строительства руководство комбината и города.

Но был человек, которого я бы выделил среди духовных и физических строителей храма. Это – отец Сергей, в миру Сергей Александрович Шачин. Он причастен к сотворению чуда рождения Божьего Дома в Норильске с первых дней возникновения идеи строительства до момента воздвижения креста на церковный купол.

Об этом особо. Хотя стройка была обеспечена с помощью комбината самой современной техникой, была в ней и «ручная часть»: воздвижение креста на купол. Не знаю, как это получилось, но ответственную в монтажном смысле (а если смотреть в корень – в божественном) миссию взял на себя отец Сергей. Он сменил ряску на спецуху монтажника и блестяще выполнил сложную даже для профессионала работу.

Относительно недавно отец Сергей покинул Норильск. А храм живёт полнокровной церковной жизнью.

Слава первому настоятелю храма!
Слава Богу!

*Здесь поминальный звон колоколов
Не нарушал безмолвия пустыни.
О, как тут много полегло голов,
Кто был ни в чём нисколько не повинен.
Эпоха с ненаписанных холстов
Глядит на нас трагически и просто:
Не снисходили даже до крестов
На безымянных лагерных погостах.
Под небом не намоленных широт,
На вечномёрзлой толще без рассветов
Упрямо прозревающий народ
Решил построить храм – и сделал это.
И в этот час оттаиванья души
Объединил для горнего общенья
Грядущих горожан простой священник –
Послушник Бога и великий муж.
Как славно, уходя из гиблых мест,
Знать, что в безбожной стороне разлучной
Ты храм построил и воздвигнул крест
Собственнодушно и собственноручно.*

НОРИЛЬСК – МОСКВА